

III

ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ ЯЗЫКА ХИНАИ

III

ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ ЯЗЫКА ХИНАИ

иВл

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Н А Р О Д О В А З И И

В О П Р О С Ы
Г Р А М М А Т И К И
Я З Ы К А Х И Н Д И

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1962

Ответственные редакторы
И. С. РАБИНОВИЧ, Е. П. ЧЕЛЫШЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Язык хинди — один из важнейших литературных языков Индии, один из наиболее распространенных и развитых новоиндийских языков. Интерес советских лингвистов к изучению особенностей грамматического строя хинди продиктован задачами как теоретического, так и практического характера. Настоящий сборник статей является первым сборником, целиком посвященным рассмотрению проблем грамматики хинди.

Исследование структуры предложения и закономерностей его строения может способствовать решению многих вопросов сравнительной грамматики, развитию теории перевода и разработке вопросов стилистики. Однако в подавляющем большинстве опубликованных до сих пор работ по языку хинди проблемы синтаксиса специально не рассматривались. В настоящем же сборнике работы по синтаксису хинди занимают значительное место.

Сложные предложения хинди рассматриваются в статье О. Г. Ульциферова «Сложносочиненное предложение в современном литературном хинди» и в статье В. П. Липеровского «Сложноподчиненное предложение в современном литературном хинди». Сама проблема сложного предложения еще не нашла вполне удовлетворительного решения в общелингвистическом плане. Поэтому ценность этих статей с точки зрения теории языка в первую очередь определяется тем, что в них содержится богатый языковой материал для решения этой проблемы. В статье О. Г. Ульциферова показано, какие разнообразные смысловые отношения между компонентами сложного предложения могут быть переданы в случае сочинения. Приводимые автором примеры ярко показывают, что в хинди, как и во многих других языках, как в смысловом отношении, так и в формальном нет резкой грани между сочинением и подчинением. Статья В. П. Липеровского представляет собой

первый опыт структурно-семантической классификации сложноподчиненных предложений языка хинди. В вышедших до сего времени работах по хинди при классификации сложноподчиненных предложений принимается обычно в расчет лишь соответствие придаточного предложения тому или иному члену предложения, либо той или иной части речи. Поскольку в лингвистической литературе отмечается ограниченность синтаксического или морфологического критерия при выявлении вида придаточного предложения, то стремление автора по-новому подойти к проблеме сложноподчиненного предложения хинди заслуживает внимания. Важное место в синтаксисе занимает изучение структуры простого предложения и выделение различных его членов по их синтаксической функции в предложении. Рассмотрению одной из синтаксических единиц посвящена статья В. А. Чернышева «Определение в хинди». В ней дан всесторонний анализ слов, выступающих в функции определения, обращено внимание на такие грамматические моменты, которые при всей их важности не находят, однако, отражения в литературе по грамматике хинди. В этой связи обращает на себя внимание раздел о предикативном определении в хинди.

В других статьях сборника рассматривается глагольная система хинди. О. Д. Жмотова, автор статьи «Именные признаки инфинитива в хинди и урду», при анализе языкового материала исходит из предпосылки, что в хинди и урду не существует герундива как особой формы, отличной от инфинитива. Отказ от точки зрения акад. А. П. Баранникова, что в исследуемом языке существует особая неличная форма глагола — герундив, дает автору благоприятную возможность рассматривать ряд свойств, традиционно приписываемых герундиву, в неразрывной связи с другими именными свойствами анализируемой глагольной формы. В своей статье «Сослагательное, условное и повелительное наклонения в современном литературном языке хинди» В. П. Липеровский разделяет точку зрения А. П. Баранникова по вопросу о количестве и разновидностях наклонений в хинди. Однако ему свойственна иная трактовка форм, входящих в систему того или иного наклонения. Приводимый автором статьи языковой материал свидетельствует о том, что в основе различия между формами сослагательного или условного наклонения лежит не временной признак, что такое различие связано с выражением характера протекания глагольного действия. В статье большое внимание уделяется выявлению случаев употребления каждого из анализируемых наклонений. В. А. Чернышев в статье

«Простые отыменные глаголы современного хинди» обобщил богатый языковой материал, что позволило ему по-новому поставить вопрос о продуктивности этого вида глаголов и показать, какие словообразовательные средства используются в хинди при их формировании.

В статье Т. Я. Елизаренковой «Об асимметрии в системе каузативных глаголов в языке хинди» впервые в нашем языкознании делается попытка подойти к исследованию грамматики языка хинди с позиций структурной лингвистики. Как показывает эта статья, умелое использование рациональных структуральных приемов может быть весьма плодотворным при описании грамматических явлений.

Сборник «Вопросы грамматики языкахинди», в котором помещены статьи молодых лингвистов-индологов, написанные в разное время, является одним из подготовительных шагов на пути создания в нашей стране большой научной грамматики хинди.

В. П. Липеровский

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ, УСЛОВНОЕ И ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ ХИНДИ

Наклонения в языке хинди до сего времени не были предметом специального исследования. Лишь в статье Л. Г. Лозового «Условные предложения в современном литературном хинди»¹ рассматриваются некоторые вопросы, касающиеся значения и употребления наклонений в хинди. Между тем важность этой проблемы очевидна как в теоретическом, так и в практическом плане. Ее разрешение поможет понять характерные особенности выражения модальных значений глаголом в хинди.

Наклонение — это грамматическая категория в системе глагола, выражающая модальность действия. В формах наклонений отражаются в обобщенном виде различные отношения действия к реальности его осуществления. В хинди различаются четыре наклонения: изъявительное, сослагательное, условное и повелительное.

Изъявительное наклонение противопоставляется трем остальным наклонениям в силу того, что при его употреблении в предложении сообщается о действии, осуществление которого представляется фактом действительности. В связи с этим при анализе изъявительного наклонения внимание исследователя обычно сосредоточивается на рассмотрении выражения категории времени формами глагола. При анализе же других наклонений центр тяжести переносится на рассмотрение модальных отношений, выражаемых формами глагола.

Поэтому в данной статье изъявительное наклонение не

¹ «Ученые записки Института востоковедения», т. XIII, М., 1958, стр. 179—212.

рассматривается. Цель статьи состоит лишь в том, чтобы отметить случаи употребления форм сослагательного, условного и повелительного наклонения, указать на модальные значения или оттенки, выражаемые при помощи форм этих наклонений, выявить по мере возможности основное (наиболее абстрагированное) значение каждого из них.

Исследование проводится на материале языка современной художественной прозы хинди. Примеры берутся из произведений Премчанда, Сударшана, Ашка, Яшпала, Каушика, Кришана Чандара и др.

1. СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

В системе сослагательного наклонения хинди выделяются четыре формы, определяющие время совершения действия и характер его протекания: простая форма, форма имперфекта, форма перфекта и дуративная форма.

Простая форма сослагательного наклонения образуется путем прибавления личных окончаний к корню или основе глагола:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л.	- <i>ñ</i>	- <i>ē</i>
2-е л.	- <i>e</i>	- <i>o</i>
3-е л.	- <i>e</i>	- <i>ē</i>

Для наглядности покажем спряжение глагола *bolnā* 'говорить' в простой форме сослагательного наклонения:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л.	<i>bolñ</i>	<i>bolē</i>
2-е л.	<i>bole</i>	<i>bolo</i>
3-е л.	<i>bole</i>	<i>bolē</i>

Относительно образования простой формы сослагательного наклонения от глаголов, корень или основа которых оканчивается на долгий гласный звук, надо иметь в виду следующее.

1. Если корень или основа глагола оканчивается на ласные *ā*, *o*, *ī*, *ū*, *e*, то перед окончаниями (обычно перед

окончаниями *-e* и *'-ē*) может выступать эвфонический губной звук *v*. В результате получаются такие формы, как *lāvū*, *lāve* — от глагола *lānā* 'приносить', *khovē* — от глагола *khonā* 'терять', *pīvē* — от глагола *pīnā* 'пить', *chūve* — от глагола *chūnā* 'трогать', *khevū*, *khevē* — от глагола *khenā* 'грести'.

2. В том случае, когда *v* не выступает перед окончаниями глаголов с конечным гласным корня или основы *i* или *ū*, эти долгие гласные становятся краткими, например: *jīū* — от глагола *jīnā* 'жить', *chue* — от глагола *chūnā* 'трогать'.

3. Эвфонический звук *v* всегда выступает перед окончаниями глаголов *-e* и *-ē* с конечным гласным корня или основы *e*, если этот гласный не исчезает, например: *kheve* — от *khenā* 'грести', *seve* — от *senā* 'высиживать (птенцов)', *deve* — от *denā* 'давать'.

4. Для глаголов *lenā* 'брать', *denā* 'давать' характерно то, что гласный корня *e* обычно выпадает при образовании простой формы сослагательного наклонения: *lū*, *le*, *lē*, *lo* — от глагола *lenā*; *dū*, *de*, *dē*, *do* — от глагола *denā*.

5. Во 2-м и 3-м лице единственного числа и 1-м и 3-м лице множественного числа после конечного гласного корня или основы, в особенности после конечного *ā*, выступает эвфонический среднеязычный щелевой сонант *u*. В таком случае гласный окончания *e* обычно исчезает, а на месте гласного окончания *ē* выступает *ā*. Так, например, от глагола *jānā* 'идти' образуются формы: *jāu* для 2-го и 3-го лица единственного числа (вместо *jāue*) и *jāuā* для 1-го и 3-го лица множественного числа (вместо *jāue*).

6. Некоторые особенности имеет парадигма спряжения глагола *honā* 'быть' в простой форме сослагательного наклонения; она имеет следующий вид (в скобках даны формы, встречающиеся реже):

	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л.	<i>hō</i> или <i>hoū</i>	<i>hō</i> (<i>hovē</i>)
2-е л.	<i>ho</i> (<i>hove</i>)	<i>ho</i> (<i>hoo</i>)
3-е л.	<i>ho</i> (<i>hove</i>)	<i>hō</i> (<i>hovē</i>)

Имперфект и перфект сослагательного наклонения образуются аналитически — путем сочетания соответственно причастия настоящего или прошедшего времени от смыслового глагола с простой формой сослагательного наклонения от вспомогательного глагола *honā*.

Дуративная форма сослагательного наклонения образуется путем сочетания дуративного причастия, состоящего из основы смыслового глагола и причастия прошедшего времени от глагола *rahnā* 'оставаться', с простой формой сослагательного наклонения от вспомогательного глагола *honā*².

В генетическом отношении простая форма сослагательного наклонения восходит, по мнению большинства ученых, к настоящему времени действительного залога индикатива. Переосмысление в модальном плане упомянутой формы индикатива не может не находиться в связи с тем, что функцию выражения значений настоящего времени и других времен взяли на себя причастные образования, развитая система которых характерна для новоиндийских языков, а также в связи с тем, что в период перехода от среднеиндийских языков к новоиндийским исчезает так называемое желательное наклонение (оптатив), восходившее к древнеиндийскому языку и служившее для выражения примерно таких модальных значений и оттенков, которые в хинди выражаются при помощи сослагательного наклонения.

Об отмеченной генетической связи свидетельствуют данные, касающиеся истории и современного состояния индоарийских языков: в языке поэтических произведений, в некоторых диалектах хинди (например, в брадже, кануджи), в ряде родственных языков (например, в бенгали, гуджарати) соответствующая форма может выражать значение настоящего времени в плане изъявительной модальности.

Что же касается аналитических форм сослагательного наклонения, то их возникновение связано с общим процессом развития причастных образований в системе финитных форм глагола хинди.

УПОТРЕБЛЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

Сослагательное наклонение хинди используется в независимых и придаточных предложениях. Наиболее часто оно выступает в придаточных предложениях.

Все модальные значения, выражаемые сослагательным наклонением в независимом предложении, подразделяются на две группы: 1) значения, в которых проявляется оцен-

² Подобное рассмотрение так называемых дуративных глаголов как грамматических форм глагола мы находим в «Кратком очерке грамматики языка хинди», составленном Т. Е. Катениной (см. «Русско-хинди словарь», М., 1957, стр. 1325, 1326).

ка реальности связи действия с субъектом, 2) желательнo-волеизъявительные значения.

Употребление сослагательного наклонения в придаточном предложении или находится в связи с лексическим значением одного из компонентов главного предложения, указывающим на конкретную модальную характеристику глагольного действия, или оказывается свойственным некоторым типам придаточных предложений, или же обуславливается отрицательным значением главного предложения.

Когда на конкретную модальную характеристику глагольного действия указывает своим лексическим значением компонент главного предложения, нельзя считать, что само сослагательное наклонение, используемое в придаточном предложении, несет в себе то или иное конкретное модальное значение.

Однако из этого не следует, что в данном случае сослагательное наклонение не выражает никакого модального значения и его роль сводится к формальной роли подчинения одного предложения другому. О модальности сослагательного наклонения придаточного предложения свидетельствует тот факт, что при взаимодействии его со словами, находящимися вне придаточного предложения, значение последних несколько модифицируется. Так, например, глагол *kah-nā* 'говорить', 'сообщать', 'сказать' выступает в значении глагола, обозначающего акт волеизъявления, если в придаточном предложении выступает простая форма сослагательного наклонения: *Balrāj, Narottam aur dākṭar Basu se kahā ki ve avaśya āyē* (Ašk, K. sāh., 61) '[Я] сказал Балраджу, Нароттаму и доктору Басу, чтобы они обязательно пришли' (иначе: 'попросил прийти').

При употреблении сослагательного наклонения в придаточных предложениях различного типа вне связи с лексическим значением компонента главного предложения содержание придаточного предложения высказывается гипотетически, причем эта гипотетичность носит характер мысленного допущения, так как в формах сослагательного наклонения содержится отвлечение от вопроса об осуществлении (неосуществлении) глагольного действия, о возможности (невозможности) его осуществления.

В случае отрицательного значения главного предложения содержание придаточного предложения также является гипотетическим.

Из форм сослагательного наклонения простая форма является наиболее употребительной и имеет наибольшую сферу применения.

ПРОСТАЯ ФОРМА СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

Простая форма сослагательного наклонения в независимом предложении

1. Передавая значения, в которых проявляется оценка реальности связи действия с субъектом, простая форма сослагательного наклонения употребляется в следующих случаях.

1. При выражении недоверности содержания сообщения, т. е. при выражении предположения относительно совершения какого-либо действия, не противопоставляемого действительности. В составе предложений в таком случае используются обычно слова *śāyad*, *kadācit*, *syāt* 'возможно', 'может быть', 'вероятно', сочетание *śāyad hī* 'вряд ли', 'едва ли' и др., например: *śāyad āp ko us par viśvās na āe* (Sud., Sud. sum., 2) 'Вы, быть может, не поверите этому'; *phir socā, śāyad yah bhī bhram ho* (Pr., Jang. kah., 47) 'Потом [я] подумал: «Возможно, [мне] опять кажется»'; *māī ne socā, is avasar ko hāth se na jāne denā cāhie. aisā avasar phir śāyad hī mile* (Pr., Kut. kah., 75) 'Я подумал: «Не следует упускать эту возможность. Такая возможность вряд ли снова представится»'.

2. При выражении допущения (в том числе альтернативного), например: *āp is badtamīzī ko śauq se pasand karē, māī to ise hargiz pasand nahī kar saktī* (Bh., J. S., 141) 'Пусть Вам нравится эта невоспитанность, мне же она никогда не сможет понравиться'; *Jaisalmer rāhe yā naṣṭa ho jāy, magar mahārāj qaid na rahēge* (Sud., T., 264) 'Будет ли существовать Джайсалмер или погибнет, но махараджа не останется в заточении'.

3. При выражении сравнения, т. е. в таких предложениях, которые имеют целью более образно, наглядно представить какое-либо явление путем сравнения с другим явлением, например: *Jāy mānō sahānubhūti, dukh, tamtā aur prem ke sammiśrit bhāvō kī mūrṭi ho, use dekhkar marne-vāle rogiyō ke liye marnā saral ho jātā thā* (K. C., Gar., 40) 'Джой словно являлась воплощением сострадания, печали, материнской привязанности и любви. При виде ее находящимся при смерти больным становилось легко умирать'.

В предложениях, выражающих сравнение, используются слова *māno* (*mānō*), *jaise*, *goyā*, имеющие значение «словно», «будто», «как будто», «будто бы», «как если бы».

4. При выражении значения необходимости, долженствования, например: *svayam Jagatsīh se pūch liyā jāy* (Sud.,

Т., 235) 'Нужно спросить у самого Джагатсинха'; *sand e kī chāyā bhī vahā na ho* (Bh., J. S., 76) 'В ней (в душе) не должно быть и тени сомнения'.

5. При выражении значений необходимости, долженствования, возможности (обычно в негативном плане) в предложениях, содержащих риторический вопрос, например: *ab mujhe yah avasar milā hai, ise kyō choṛū?* (Pr., S. sup., 34) 'Теперь мне представилась эта возможность. Зачем же упускать ее?'; *ve kaise bhūl jāvē kī kāūsīl mē un kī upasth-iti keval sarkār kī kṛpā aur viśvās par nirbhar hai* (Pr., Pr. рас., 310) 'Как им забыть, что их присутствие в совете зависит лишь от благосклонности и доверия правительства?'

6. При выражении вопроса относительно целесообразности, необходимости действия, например: *jījī, ek bāt pūchū?* (Bh., J. S., 135) 'Сестрица, можно задать вопрос?'; *mazdūr bolā—«sāmān uṭhāū?»* (K. C., Tal., 71) «Поднести вещи?»—спросил кули'.

Особенностью таких предложений, обусловленной их назначением, является способность включать в свой состав слова, указывающие на адресат сообщения.

7. В предложениях, выражающих недоуменный вопрос, т. е. при обозначении таких состояний (раздумье, растерянность и др.), которые предшествуют принятию определенного решения, выбору определенной линии поведения, например: *dūsre din Jamnā kā man dōl rahā thā—yah jāy, yā na jāy* (K. C., Gar., 11) 'На другой день Джамну охватили сомнения. Идти ей или не идти?'

8. При обозначении реального действия (в предложении в таком случае передается эмоциональное отношение говорящего к сообщаемым фактам). Действие вызывает в сознании говорящего недоумение, поскольку, по его мнению, оно не вытекает из условий. Этим и объясняется использование формы сослагательного наклонения, например: *par is man mārne kā yah phal! gārhe pariśrām ke rupaye luṭ jāyā* (Pr., Pr. рас., 35) 'И таковы плоды этого воздержания! Украсть деньги, заработанные [мною] в поте лица'.

II. Передавая желательно-волеизъявительные значения, простая форма сослагательного наклонения употребляется в следующих случаях:

1. При выражении волевых оттенков (намерения, готовности). Подлежащее предложения в таком случае имеет значение первого лица, что обуславливает постановку глагола-сказуемого в форме 1-го лица. Местоимение 1-го лица, выступающее в функции подлежащего, часто опускается.

В начале предложения может выступать частица *zarā* 'пожалуйста' или употребляется в качестве частицы форма повелительного наклонения от глаголов *calnā* 'идти', *ānā* 'приходить', *lānā* 'приносить', например: *calo koī aur jūtā hī kharīd lū, koī sastā jūtā* (K. S., Anpad., 154) 'Куплю-ка я какие-нибудь другие ботинки, подешевле'; *lāo māl cāu banāū*—*Sail ne fre apni or khīc lī* (Yaś., D. k., 168) «Приготовлю-ка я чай», — сказала Шайл и придвинула к себе поднос'.

2. При выражении желания и пожелания, например: *māl aur kuch nahī cāhtā, merā baccā bac jāy* (Sud., T., 97) 'Я больше ничего не хочу. Спасся бы только мой ребенок'; *jāo, īśvar tumhārī rakṣā karē aur tum ko apne baccō se milāvē* (Pr., P. ph., 64) 'Ступай же, да хранит тебя бог и да соединит он тебя с детьми'.

3. В оптативном значении при выражении опасения. В начале предложения выступает обычно наречие *kahī* 'где-нибудь', 'куда-нибудь', а при глаголе-сказуемом имеется отрицательная частица, например: *kahī mujhe ḍas na le* (Bh., J. S., 28) 'Как бы [змея] не ужалила меня'.

По своему модальному значению такие предложения очень близки к предложениям, выражающим недостоверность содержания сообщения.

4. При выражении побудительных значений. В зависимости от того, кто представляется говорящему исполнителем глагольного действия, можно выделить три случая выражения побудительных значений: 1) вежливая просьба, 2) призыв к совместному действию, 3) косвенное побуждение. Такое деление основано не только на семантическом принципе, но и на формальном, поскольку оно связано с различиями в грамматическом значении лица.

При выражении вежливой просьбы в качестве подлежащего выступает местоимение *āp* 'вы', 'Вы' и глагол-сказуемое стоит в форме 3-го лица множественного числа. При выражении призыва к совместному действию сказуемое имеет грамматическое значение 1-го лица множественного числа. В составе предложения обычно используется в качестве частицы форма повелительного наклонения от глаголов *ānā* 'приходить', *calnā* 'идти'. Для выражения косвенного побуждения используется форма 3-го лица. Это иллюстрируется следующими примерами: *to phir kah dē, māl bhī jān lū* (Bh., J. S., 76) 'Так скажите же. И я тогда узнаю'; *unhō ne kahā: «āo ham us par kavītā likhē* (Aśk, K. sāh., 19) '«Давай-ка напишем поэму на этот сюжет», — сказал он'; *Algū ne dīn bhāo se kahā, samajhū sāhu hī cup lē* (Pr., S. sar., 57) 'Альгу смиренно проговорил: «Пусть выбирает сам Самаджху-саху»'.

Между значениями, в которых проявляется оценка реальности связи действия с субъектом, и желательно-волеизъявительными значениями нет резкой грани. Так, желательно-волеизъявительные значения и те значения первой группы, которые отмечены в пп. 4—7, объединяются в общем перспективно-потенциальном значении. При выражении же недостоверности содержания сообщения, при выражении допущения, сравнения и отчасти опасения (п. 3 желательно-волеизъявительных значений) высказывание носит характер предположения.

Простая форма сослагательного наклонения в придаточном предложении

1. Употребляясь в связи с компонентом главного предложения, указывающим на модальную характеристику глагольного действия, простая форма сослагательного наклонения выступает в придаточных предложениях в следующих случаях:

1. При сообщении о том, что действие является возможным. На модальную характеристику действия указывают слова *sambhav*, *mumkin* 'возможный', 'вероятный', *ho saktā hai* 'может быть' и др., например: *sambhav hai ki āp kā anugāmī bankar māī apnā kartavya pālan karne yogya ho jāū* (Pr., S. sag., 106) 'Возможно, что я, став вашим последователем, стану достойным того, чтобы выполнить свой долг'.

2. При сообщении о том, что действие является необходимым, должным. На модальную характеристику указывают слова *cāhiye* 'нужно', 'следует', 'необходимо', *āvaśyak* 'необходимый', *āvaśyaktā* 'необходимость', *dharma*, *kartavya* 'долг', *ucit* 'подходящий', 'уместный' и др., например: *ab hamē cāhiye ki Ajit kā lālan-pālan hośiyārī se karē* (Pr., Durg., 4) 'Теперь нам надлежит заботливо лелеять Аджита'; *ab to hamārā yahī dharma hai ki īśvar par bhārosā raknē aur āge ke lie rāh nikālē* (Pr., M. 4, 157) 'Теперь же наш долг состоит в том, чтобы уповать на всевышнего и выбрать путь на будущее'.

3. При сообщении о том, что действие является желательным (нежелательным). На модальную характеристику действия указывают слова *cāhnā* 'хотеть', 'желать', *icchā*, *abhilāṣā* 'желание', *ḍarnā* 'бояться' и др., например: *sājh kā samay thā, merā jī cāh rahā thā ki jaldī dukān barhākar ghar calā jāū* (Ašk, Pīnj., 48) 'Был уже вечер. Я хотел поскорее закрыть лавку и пойти домой'; *un kī icchā hai ki māī ab is vivāh kā vicār chor dū* (Sud., T., 190) 'Он же-

дает, чтобы я теперь оставила мысль об этой женитьбе'; *lekin dar rahe the ki kahī Mansārām calne par rāzī na ho jāy* (Pr., Nirm., 90) 'Но он боялся, как бы Мансарам не согласился пойти'.

4. При сообщении о том, что действие является предполагаемым, кажущимся. В главном предложении употребляются такие слова, как глаголы *lagnā, jān paṇā* 'казаться', прилагательные *prattī, mālūm* 'кажущийся', сочетающиеся с глаголом *honā* 'быть', например: *'lagtā thā jaise koī caurā sā mārga ho* (V., Mṛgn., 151) 'Казалось, будто это широкая дорога'.

5. При сообщении о действии, ради осуществления которого совершаются волевые процессы или прилагаются усилия. На модальную характеристику действия указывают слова *niścay* 'решение', *irādā* 'намерение', *ceṣṭā, yatna* 'старание', 'усилие' и др., например: *antī mē niścay huā ki hissedārī tor dī jāy aur sab alag ho jāyā* (Sud., T., 161) 'Наконец было решено нарушить соглашение о товариществе на паях и разделиться'; *nahī to māī zarūr yatna kartā ki mahārāj bahut jald chuṭ jāyā* (Sud., T., 261) 'В противном случае я, конечно, приложил бы усилия к тому, чтобы махараджа был быстро освобожден'.

6. При сообщении о действии, ради осуществления которого совершаются акты волеизъявления. На модальную характеристику действия указывают слова *māg* 'требование', *ājnā* 'приказ', *tāktā* 'требование', 'настояние', 'приказ', *apīl* 'прошение', 'обращение', *anurodh* 'просьба', 'упрашивание', например: *śikārī ne ab kī santrī ko tāktā kar dī kī khūb hoṣiyār rahe* (Pr., lang. kah., 11) 'Теперь охотник наказал часовому быть весьма осмотрительным'; *Candā kī mā ke milne par donō ne us se anurodh kiya kī vah seṭh kī naukri chorakar un ke yahā rāhe* (Ašk, Pinj., 105) 'Встретившись с матерью Чанды, они вдвоем попросили ее бросить службу у сетха и остаться у них'.

7. При сообщении о действии, осуществление которого представляется как цель. На модальную характеристику действия указывают слова *matlab, artha, abhiprāy* 'цель', 'смысл' и др., например: *is khat ke likhne kā matlab yah nahī hai kī āp ke sāmne jīvan ke rahasya aur bhedō ko khol rākhū* (K. C., Nam vah., 42) 'Я пишу это письмо не для того, чтобы открыть перед Вами тайну и секреты жизни' (букв. 'цель написания этого письма не то, чтобы я открыла...').

8. При сообщении о действии, реализация которого мыслится в качестве фактора, обуславливающего какое-либо явление. В составе сложного предложения используются

слова: *šart* 'условие', *tarīqā* 'способ', 'средство' и др., например: *us ne is šart par rupayā de diyā ki gaune ke bād use gahne mil jāyā* (Ašk, Pinj., 71) 'Она дала деньги при условии, что по совершении обряда гаун украшения достанутся ей'.

Итак, из приведенных примеров явствует, что, употребляясь в связи с компонентом главного предложения, указывающим на модальную характеристику действия, простая форма сослагательного наклонения выступает в придаточных предложениях подлежащих, сказуемых, дополнительных и определительных, вводимых обычно союзом *ki* 'что', 'чтобы'.

II. Вне зависимости от лексического значения компонента главного предложения простая форма сослагательного наклонения используется в придаточных предложениях следующих типов.

1. В придаточных предложениях цели, например: *kuch hī der pahle to vah ūpar gaī thī ki zarā havā mē leṭe* (Ašk, Pinj., 25) 'Незадолго до этого она поднялась наверх, чтобы чуточку полежать на свежем воздухе'.

2. В придаточных предложениях, выражающих предполагаемое следствие, например: *hamārā vicār hai ki khālā kī jāyādād se itnā munāfā avaśya hotā hai ki māhvār kharc diyā jā sāke* (Pr., S. sar., 51) 'Мы считаем, что имущество тетки приносит такой доход, что можно обеспечить ее ежемесячным содержанием'.

3. В придаточных предложениях, выражающих так называемое нереальное сравнение, например: *is samay Dvār-kādās aise khuś the, jaise kisī garīb ko hīrā mil jāy* (Sud., Sud. sum., 71) 'В это время Дваркадас был так доволен, как будто бы бедняку достался алмаз'.

4. В условных придаточных предложениях, содержание которых обычно относится к будущему времени, например: *do varṣa tak sab āp hī ko karnā hogā. yadi koī yogya sahkārī mil jāy to use rakh lījiegā* (Kauś., Kall., 66) 'В течение двух лет все придется делать вам. Если найдется подходящий помощник, то возьмите его'; *lekin yadi kisān nā hō, to sārā sāsār kṣudhā-pīrā se vyākul ho jāy* (Pr., Pr. ras., 27) 'Но если не будет крестьян, то весь мир станет испытывать муки голода'.

В приведенных примерах действия, выраженные глаголом-сказуемым придаточных предложений, отличаются друг от друга с точки зрения их отношения к действительности: в первом случае действие представляется осуществимым (говорящий исходит из возможности того, что действие будет осуществлено: *mil jāy* 'найдется'); во втором случае —

заведомо не соответствующим действительности (говорящий и считает, что то, о чем говорится в придаточном предложении, может совершиться: *kisān na hō* 'не будет крестьян'). Следовательно, в форме сослагательного наклонения содержится отвлечение от указанных смысловых моментов. А это значит, что сослагательное наклонение используется для выражения мысленного допущения.

5. В уступительных предложениях, например: *tum cāhe is lāś par āsuō kī nadī bahā do; par yah zindā na hogī* (Pr., P. ph., 33) 'Даже если ты прольешь целую реку слез над этим трупом, он не оживет'; *yah mujh se kīnī hī nārāz ho; par Rudra se use prem tha* (Pr., Do bah., 25) 'Как бы ни сердилась она на меня, Рудру все же она любила'.

6. В придаточных предложениях определительных, дополнительных, подлежащих и сказуемых, вводимых при помощи относительных слов.

Значение сослагательного наклонения, таких придаточных предложений аналогично в большинстве случаев его значению в условном предложении: содержание придаточного предложения можно рассматривать как условие реализации того, о чем сообщается в главном предложении, например: *tumhē jo larḱā diḱ kare, use pīṭṭ diyā karo* (Pr., Nirm., 50) 'Бей того мальчика, который будет досаждать тебе'; *ranj mē jo sāth roye, vahī hamārā saccā mitra hai* (Pr., Nirm., 135) 'Лишь тот, кто плачет вместе [с нами] в дни печали, является нашим истинным другом'.

Простая форма сослагательного наклонения используется также в таких придаточных предложениях, которые определяют какое-либо слово по целевому или следственному признаку, например: *jab tak māī ch ūṭna jāī, tab tak koī lekḱ aīsā na likḱhiyegā, jo sarkār kī drṣṭi mē āpattījanak ho* (Kauś., Kall., 66) 'До тех пор пока я не буду освобожден, вы не пишите такой статьи, которая с точки зрения правительства была бы вредной'.

Некоторые из определительных придаточных предложений, в которых глагол-сказуемое выступает в форме сослагательного наклонения, приближаются по смыслу к сравнительным придаточным предложениям, например: *māī vah machḱī hā jis ke ūpar-nṭce āge-piche pānī ho, parantu use ekkbād pīne kī bhī ājnā na ho* (Sud., T., 127) 'Я подобен той рыбке, которую со всех сторон окружает вода, но которая лишена возможности выпить хоть одну каплю'.

7. В обстоятельственных придаточных предложениях места и времени. Такие придаточные предложения могут вводиться при помощи относительных наречий, например: *is kām mē saphaltā tabḱī mīṭī hai jab kī kisī ko āp kē aslī vyak-*

titva aur irādō kā patā na cale (Kauś., Kall., 56) 'В этом деле успех приходит лишь тогда, когда никому не известны ваше подлинное лицо и намерения'; *Anandī—kahā jāte ho?* *Lālviḥārī—jahā koī merā mūh na dekhe* (Pr., S. sar., 13) 'Ананди: «Куда идешь?». Лалвихари: «Туда, где меня никто не увидит»'.

Простая форма сослагательного наклонения особенно употребительна:

1) в придаточных предложениях времени, когда глагол сказуемое придаточного предложения обозначает действие, осуществление которого понимается как предел совершения того, о чем сообщается в главном предложении, например: *is liye jab tak us deś ko acchī tarah dekh bhāṅkar nikāl bhāgne kā mārga na nikāl lū, māī ne un kā yahī parē rahnā acchā samajhā* (Pr., Kut. kah., 73) 'Поэтому я предположил, чтобы они оставались здесь до тех пор, пока я, хорошенько обследовав местность, не найду путь для бегства';

2) в придаточных предложениях времени, когда глагол обозначает действие, которому предшествует действие главного предложения, например: *is ke pahile kī māī āp ko giraftār karū, māī kuch aur tahqīqāt karnā cāhtā hū* (Kauś., Kall., 9) 'Прежде чем арестовать вас, я хочу произвести некоторое дополнительное расследование'.

III. Употребляясь в зависимости от отрицательного значения главного предложения, простая форма сослагательного наклонения выступает в различных по своей синтаксической функции придаточных предложениях (а именно: в придаточных предложениях подлежащих, сказуемых, дополнительных, определительных и обстоятельственных, указывающих на следствие), например: *itnā bhī nahī hotā kī merī kīsī samay to mān liyā karē* (Sud., T., 196) 'Он меня не слушается' (букв. 'даже не бывает того, чтобы он меня когда-нибудь слушался'); *aisā khaun thā jo un ko śatru banāne kā sāhas kar sake?* (Pr., S. sar., 45) 'Разве был среди них кто-нибудь, кто осмелился бы нажать себе в его лице врага?'; *aisā to ham log kabhī nahī karte kī kīsī kā ehsān bhūl jāyā* (Pr., Kut. kah., 82) 'Мы никогда не забываем чью-либо милость' (букв. 'мы никогда не делаем того, чтобы забыли чью-либо милость'); *...mujhe anyā koī aisā vyaktī dikhāī nahī partā jis par māī pūrṇa viśvās kar sakū* (Kauś., Kall., 66) '...я не вижу никакого другого человека, на которого я мог бы целиком положиться'; *māī aisi bholī nahī hū kī tumhāre man kā rahasya na samajhū* (Pr., Do bah., 11) 'Я не настолько уж проста, чтобы не догадаться, что у Вас на сердце'.

Употребление в подобных примерах сослагательного наклонения обусловлено тем, что в них действие придаточного предложения не может пониматься как факт действительности, поскольку в главном предложении отрицается реальность того, к чему относится содержание придаточного предложения.

ИМПЕРФЕКТ, ПЕРФЕКТ И ДУРАТИВ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

Имперфект сослагательного наклонения используется для обозначения такого действия, относимого обычно к настоящему времени, которое представляется незавершенным.

Перфект сослагательного наклонения служит для выражения такого действия, относимого обычно к прошедшему времени, которое представляется завершенным.

Дуратив служит для выражения непрерывности действия и обозначает действие, протекающее в какой-то определенный момент времени.

В связи с характером выражаемых ими значений имперфект, перфект и дуратив имеют более узкую сферу применения по сравнению с простой формой. Аналитические формы сослагательного наклонения, как правило, не употребляются, если осуществление глагольного действия связывается с планом будущего времени. Поэтому использование имперфекта, перфекта и дуратива сослагательного наклонения в независимом предложении ограничено теми случаями, когда выражается предположение относительно осуществления действия.

Таким образом, аналитические формы сослагательного наклонения используются в независимом предложении в следующих случаях:

1) при выражении недостоверности содержания сообщения, о чем свидетельствуют помещенные ниже примеры с формами имперфекта, перфекта и дуратива сослагательного наклонения: *śāyad āp socte hō ki Belā aur Butūl merī laṛ-kiyā hāī* (К. С., Нам vah., 45) 'Вы, может быть, думаете, что Бела и Бутул — мои дочери'; *kadācit ist se vah nārāz ho gaye hō* (Kaus., Kall., 4) 'Именно поэтому он, возможно, и рассердился'; *khyāl āyā, śāyad skūl mē koī tamāśā ho rahā ho* (Pr., Nirm., 173) 'Ему пришла мысль: «Возможно, в школе идет какой-нибудь спектакль»';

2) при выражении допущения, о чем свидетельствуют помещенные ниже примеры с формами имперфекта и перфекта сослагательного наклонения: *āp bhale hī aisā karte*

hō, parantu māi ne āj tak koī kām icchā ke viruddha nahī kīyā (Kauś., Kall., 103) 'Вы можете поступать так, я же пока ничего не сделал против своего желания'; *us kī nigāh merī taraī uṭhī ho yā na uṭhī ho, par merī taṭṭakt us vaqt tak lagī rahī jab tak jīṭan adṛṣya na ho gaī* (Pr., Pr. рас., 155) 'Взглянула ли она в мою сторону или нет, но я смотрел до тех пор, пока коляска не скрылась из виду';

3) при выражении сравнения, о чем свидетельствуют помещенные ниже примеры с формами перфекта и дуратива сослагательного наклонения: *māno Dādā thīk bāt na kah sake hō* (Yaś., D. k., 91) 'Дада как будто не сумел сказать что нужно'; *hāu yah pīrā! māno tīva laharē taṭ se ṭakrā rahī hō* (K. C., Gar., 43) 'О эта боль! Будто огромные волны бьются о берег';

4) в оптативном значении при выражении опасения, о чем свидетельствует помещенный ниже пример с формой перфекта сослагательного наклонения: *vah āj kidhar calī gaī hai? kahī bīmār na ho gaī ho* (K. C., Tal., 12) 'Куда же она сегодня ушла? Уж не заболела ли она?'.

В связи со знаменательным значением компонента главного предложения аналитические формы сослагательного наклонения, в частности форма перфекта, употребляются в придаточном предложении лишь тогда, когда речь идет о возможном действии, в том числе и о действии, вызывающем опасение, и о предполагаемом, кажущемся действии, например: *sambhav hai kī vah apnī mā ko smaraṇ kar ro paṛā ho* (Pr., Pr. рас., 87) 'Возможно, что он расплакался, вспомнив свою мать'; *Dādā ke praśna se Śailbālā ke man mē āśankā utpanna ho gaī thī kī Hariś phir girāṭr na ho gayā ho* (Yaś., D. k., 91). 'От вопроса Дады в сердце Шайлбалы зародилось беспокойство: уж не арестован ли Хариш вновь'; *sandhyā kā samay thā, parantu jān paṛtā thā jaise rāt ho gaī ho* (V., Mṛgn., 67) 'Был вечер, но казалось, что уже наступила ночь'.

Употребление аналитических форм сослагательного наклонения не наблюдается в придаточных предложениях цели и следствия, а также в придаточных предложениях времени, если действие придаточного предложения времени следует за действием главного предложения.

В придаточных предложениях других типов аналитические формы сослагательного наклонения могут использоваться, например: *yadī mujh mē hī koī khās bāt āp ne dekhī ho to mujhe batāiye* (Yaś., D. k., 156) 'Если вы заметили во мне что-то особенное, то, пожалуйста, скажите мне об этом'; *sārāś yah kī Mahandar ke logō kā jīvan aisā sukhī thā jaise vah svarga mē rahte hō* (K. C., Gar., 133) 'Од-

ним словом, жизнь обитателей деревни Махандар была такой счастливой, как будто они пребывали в раю'; *merā jīvan cādnī rāt ke samān thā jis mē nāc aur rang-raliyā ho rahī hō* (Sud., T., 166) 'Моя жизнь была подобна лунной ночи, полной танцев и веселья'. В первом примере выступает форма перфекта сослагательного наклонения в условном придаточном предложении, во втором — имперфекта сослагательного наклонения в придаточном предложении, выражающем сравнение, в третьем — дуратива сослагательного наклонения в придаточном предложении, вводимом относительным местоимением.

Аналитические формы сослагательного наклонения находят также применение в таких придаточных предложениях, в которых использование сослагательного наклонения обусловливается отрицательным значением главного предложения, например: *yah bāt nahī ki un mē matbhed na hotā ho* (Pr., M. 4, 297) 'Нельзя сказать, что у них не бывало разногласий'; *assī varṣa ke jīvan mē aisā kabhī na huā ki sār kī khabar pākar vah dauṛā na gayā ho* (Pr., P. ph., 46) 'За восемьдесят лет жизни никогда не случилось, чтобы он, узнав о том, что кого-то укусила змея, не поспешил на помощь'.

Однако надо учитывать, что при отрицании в главном предложении аналитические формы сослагательного наклонения не используются в обстоятельственных придаточных предложениях, указывающих на следствие.

ВЫРАЖЕНИЕ ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ФОРМАМИ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

Простая форма сослагательного наклонения имеет значение будущего и, реже, настоящего времени; в придаточном предложении это значение понимается по отношению ко времени действия главного предложения.

Имперфект сослагательного наклонения обычно имеет значение настоящего времени. Однако иногда в зависимости от контекста данная форма может иметь значение прошедшего времени, не отличаясь в этом случае от имперфекта изъявительного наклонения, например: *śāyad ve samajhte the ki yah log hamē pakarṇe āye hāl yā samajhte hō ki koī na koī in kī talāś karne to āyegā hī, us se acchī-acchī cizē aiṭh-ēge* (Pr., Kut. kah., 73) 'Возможно, они думали: «Эти люди пришли схватить нас», или полагали: «Ведь кто-нибудь явится сюда, чтобы разыскать их, и мы выманит у него стоящие вещи»'.

Глагол в форме перфекта сослагательного наклонения обозначает действие, предшествующее моменту речи (в независимом предложении) или действию главного предложения (в придаточном предложении).

При этом в отношении временных значений, выражаемых перфектом сослагательного наклонения, последний может не отличаться:

1) от перфекта изъявительного наклонения: *kisī vaid-hakīm ko bulāne bhejnā cāhte hōge. śāyad bukhār tez ho gayā ho* (Pr., S. sum., 8) 'Он, должно быть, хочет послать за врачом. Возможно, у него усилился жар';

2) от претерита изъявительного наклонения: *phir to manht-man mē ham logō ko āśīrvād dene lagī. śāyad unhē pichle baccō kī yād bhī āne lagī ho* (Pr., Kut. kah., 22) 'Потом она в душе стала благословлять нас. Может быть, она стала вспоминать о своих детях';

3) от плюсквамперфекта изъявительного наклонения: *mere kamre mē kyā karne āyā thā? kahī mujhe dhokhā to nahī huā? śāyad dīdījī ke kamre se āyā ho* (Pr., Nirm., 148) 'Зачем он приходил в мою комнату? Уж не померещилось ли мне? Может быть, он вошел сюда из комнаты золотки'.

Действие, обозначенное глаголом в форме дуратива сослагательного наклонения, может относиться к любому временному плану. Об этом свидетельствуют два нижеследующих примера, в которых выражается сравнение: *keval jyotihīn ākhō se ākāś kī or dekhte hāt, jaise kah rahe hō — Annadātā! Annadātā!* (K. C., Anpad., 16) 'Они лишь смотрят на небо утратившими блеск глазами, словно говоря (букв. 'словно говорят'): Аннадата! Создатель!'; *us ke svar mē baṛī komaltā thī, māno vah mujh se kṣamā yācnā kar rahā ho* (K. C., Gar., 97) 'Голос его звучал нежно, как будто он просил у меня прощения'.

Таким образом, в формах сослагательного наклонения стираются те временные оттенки, которые морфологически выражаются формами изъявительного наклонения. В ряде случаев, когда глагол стоит в сослагательном наклонении, такие временные оттенки могут быть выявлены лишь в контексте.

Этим объясняется факт употребления форм изъявительного наклонения в независимом предложении при выражении недоверности содержания сообщения и нереального сравнения, а также в придаточном предложении при выражении нереального сравнения и при указании на предполагаемое, кажущееся действие. Благодаря употреблению форм изъявительного наклонения достигается более четкое выражение временных значений.

II. УСЛОВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ УСЛОВНОГО НАКЛОНЕНИЯ

В системе условного наклонения хинди выделяются четыре формы, определяющие время совершения действия и характер его протекания: простая форма, форма имперфекта, форма перфекта и форма дуратива.

Простая форма условного наклонения равна в морфологическом отношении причастию настоящего времени. Она претерпевает изменения в зависимости от рода и числа, характеризуясь следующими морфемами, присоединяемыми к корню или основе глагола:

в форме мужского рода — для единственного числа *tā*, для множественного числа *te*;

в форме женского рода — для единственного числа *tī*, для множественного числа *tī*.

Парадигма спряжения глагола *bolnā* 'говорить' в простой форме условного наклонения имеет следующий вид:

Род Лицо	Мужской		Женский	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
1-е	<i>boltā</i>	<i>bolte</i>	<i>boltī</i>	<i>boltī</i>
2-е	<i>bolā</i>	<i>bolte</i>	<i>bolī</i>	<i>boltī</i>
3-е	<i>bolā</i>	<i>bolte</i>	<i>bolī</i>	<i>boltī</i>

Имперфект, перфект и дуратив условного наклонения образуются аналитически путем сочетания причастия смыслового глагола с простой формой условного наклонения глагола *honā* 'быть'. При образовании имперфекта условного наклонения используется причастие настоящего времени, при образовании перфекта — причастие прошедшего времени, при образовании дуратива — дуративное причастие.

Возникновение условного наклонения современного хинди связано генетически с использованием в пракритах и апабхрмша причастия настоящего времени в значении финитных глагольных форм. В них причастие настоящего времени широко использовалось для обозначения реального действия, относящегося к любому временному плану.

Вместе с тем причастие настоящего времени использовалось и при выражении условно-следственной связи для

обозначения такого действия, которое не реализуется³. Именно эта функция причастия настоящего времени среднеиндийского языка явилась основой для формирования условного наклонения современного хинди как особой грамматической категории в системе глагола.

В литературном хинди условное наклонение иногда совпадает в формальном отношении с имперфектом изъявительного наклонения. Отмеченное явление грамматической омонимии объясняется тем, что в форме имперфекта изъявительного наклонения вспомогательный глагол *honā* часто опускается при выражении обычного, повторяющегося действия в прошлом.

В ряде других индоарийских языков значение повторяемости, обычности действия в прошлом и модальное значение нереальности, аналогичное значению условного наклонения хинди, выражаются при помощи сходных (например, в гуджарати) или же одинаковых (например, в бенгали) форм. Это дает основания предполагать, что отмеченные значения в каком-то отношении близки друг другу.

И действительно, повторяемость, обычность действия отнюдь не значит, что данное действие осуществляется всегда. Рассмотрим следующий пример: *chātrālay mē ek choṭā sā auṣadhālay thā. ek dākṭar sāhab sandhyā samay ek ghanṭe ke liye ā jāyā karte the. agar koī laṛkā bīmār hotā to use davā dete* (Pr., Nirm., 83) 'При пансионе была небольшая аптека. Туда вечером на часок заходил доктор. Если кто-нибудь из мальчиков болел, то доктор давал ему лекарство'.

В этом примере в обеих частях сложноподчиненного предложения сообщается об обычных, повторяющихся событиях, относящихся к прошлому. Однако, имея в виду отдельный случай, можно предположить, что действия не были осуществлены, и дать такой перевод: «Если бы кто-нибудь из мальчиков заболел, то доктор дал бы ему лекарство».

Из факта близости отмеченных значений, находящей свое проявление в грамматике, вытекает, что употребление причастия настоящего времени среднеиндийского языка для выражения значения нереальности тесно связано с функцией выражения повторяющегося в прошлом действия. Поэтому можно предположить, что нереальность, выражаемая при помощи причастия настоящего времени, первоначально относилась к плану прошедшего времени.

³ J. Bloch, *L'indo-aryen du Vēda aux temps modernes*, Paris, 1934, p. 264; S. Sen, *Historical syntax of middle Indo-Aryan*, — «Indian linguistics», vol. XIII, pt 3—4, Calcutta, 1953, pp. 112, 113.

Использование причастия настоящего времени для обозначения нереальных действий, относимых к настоящему и будущему времени, т. е. расширение сферы употребления данного причастия при выражении значения нереальности, стало возможным благодаря закреплению за причастием данного модального значения, сопровождавшемуся сокращением сферы его использования для обозначения действий в плане изъявительной модальности.

Возникновение в хинди аналитических образований, служащих для выражения нереального действия, находится в связи с процессом развития финитных форм глагола на базе причастий. Аналитические образования и глагольная форма, развившаяся на основе причастия настоящего времени, образуют в современном литературном хинди единое наклонение, которое принято именовать условным.

Такое название закрепилось за этим наклонением благодаря тому, что для него наиболее типичным является употребление в сложноподчиненном предложении с условным придаточным (в особенности в придаточном предложении).

УПОТРЕБЛЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ УСЛОВНОГО НАКЛОНЕНИЯ

Условное наклонение употребляется как в независимых, так и в придаточных предложениях. Использование форм условного наклонения в придаточном предложении (вне зависимости от его типа) может быть связано с лексическим значением компонента сложного предложения или быть вызванным отрицательным значением главного предложения.

Наиболее употребительной из форм условного наклонения является простая форма, наименее употребительными — форма имперфекта и форма дуратива.

Отношения, выражаемые при помощи условного наклонения, противоплагаются тем отношениям, которые, с точки зрения говорящего, существуют в действительности. Сказанное можно проиллюстрировать следующим примером: *unhī kī badaulat mujhe yah avasar milā hai. anyathā kahī kistī ājis mē klarkī kartā hotā* (Kauś., Kall., 83) 'Благодаря ему я получил эту возможность. Иначе служил бы [я] чиновником в какой-нибудь конторе'.

В данном примере говорящий имеет в виду, что он не служит чиновником в конторе. Следовательно, при помощи условного наклонения выражается такое нереальное действие, которое соотносится с определенной ситуацией, существующей в действительности. Такое соотношение выражается грамматически в формах условного наклонения.

Однако иногда говорящий непосредственно сообщает о той ситуации, которой противопоставлены отношения, выражаемые условным наклонением. В таком случае более наглядно проявляется семантика условного наклонения, например: *prārabdha mē yah likhā hai yah mālūm na thā. mālūm hotā to jogin ban jāti* (Sud., Sud. sum., 185) 'Я не знала, что такова [моя] судьба. Если бы знала, то стала бы отшельницей'; *kisī aur dīn unhō ne us ādmī ko dukār diyā hotā, magar āj bāhar nikal āye* (Pr., P. ph., 49) 'В другой день он прогнал бы этого человека, но сегодня вышел ему навстречу'.

Глагол в форме условного наклонения обозначает как действие, возможность реализации которого не превращается в действительность, так и действие, которое не реализуется, будучи противоречащим действительности.

Это положение можно проиллюстрировать двумя примерами, где глагол-сказуемое главного и условного придаточного предложений стоит в простой форме условного наклонения: *bābū sāhab ke pās rupaye-paise kī kamī nahī, yadī peṣṭī de dete to māī bhāg na jātā* (Sud., Sud. sum., 109) 'У бабу нет недостатка в деньгах. Если бы он дал аванс, то я не убежал бы'; *mujhe viśvās hai kī yadī dhīltī-dhīltī pagṛī ke sthān par un ke sir par do sīg hote, to vah kisī dev se kam bhayānak dikhāyī na dete* (Ašk, K. sāh., 207) 'Я уверен в том, что если бы вместо просторного тюрбана на его голове были рога, то он не казался бы менее страшным, чем дев'.

ПРОСТАЯ ФОРМА УСЛОВНОГО НАКЛОНЕНИЯ

Действие, обозначенное глаголом в простой форме условного наклонения, может относиться к плану прошедшего, настоящего и будущего времени.

В отличие от аналитических форм условного наклонения простая форма не указывает на какой-либо определенный характер протекания действия. Характер протекания действия, обозначенного глаголом в простой форме условного наклонения, выявляется из контекста. Рассмотрим пример: *soctā, yadī us samay sāhab ko de detā, to kītnā acchā hotā! maze se gadelō mē ārām kartā, moṭarō mē ghūmtā aur acche se acchā khānā khātā* (Ašk, Pīnj., 43) '«Если бы тогда я отдал [собаку] сахибу, то было бы здорово! Я отдыхал бы в свое удовольствие на мягких подушках, разъезжал бы в автомобилях и ел бы изысканные кушанья», — думал я'. Здесь первый глагол в простой форме условного наклонения (*de detā* 'отдал бы')

обозначает действие, которое с точки зрения его протекания является завершенным и однократным, три последних глагола, стоящих в той же форме (*kartā* в сочетании с именем существительным *ārām* 'отдыхал бы', *ghūmtā* 'развезжал бы', *khātā* 'ел бы'), обозначают действия, которые мыслятся как постоянные признаки субъекта.

В следующем примере второй глагол в простой форме условного наклонения (*karte* в сочетании с именем прилагательным *tang* 'изводил бы') обозначает действие, которое мыслится обычным, повторяющимся: *yadi lālā Sadānand aisi sajjantā na dikhlāte, aur Sādīrām ko bār bār tagādā karke tang karte, to unhē aisā mānasik kaṣṭa na hotā* (Sud., T., 174) 'Если бы лала Садананд не проявил такого благородства и изводил бы Шадирама неоднократно требованиями уплатить долг, то Шадирам не испытывал бы таких душевных страданий'.

Простая форма условного наклонения в независимом предложении

Простая форма условного наклонения в независимом предложении употребляется при выражении обусловленной нереальности действия, значений возможности, необходимости, долженствования и, наконец, желательно-волеизъявительных значений.

1. Выражение обусловленной нереальности действия

В данном случае глагол, стоящий в простой форме условного наклонения, обозначает действие, которое не реализуется в силу отсутствия условия, необходимого для его осуществления. Это условие может выражаться по-разному:

1) условным придаточным предложением, глагол-сказуемое которого выступает в форме условного наклонения и обозначает действие, противопоставляемое действительности, например: *magar us se Tārā ko prasannatā na hūī. dūsrā samay hotā, to vah ānand se pāgal ho jātī* (Sud., T., 48) 'Но Тара не была рада этому. В другое время (букв.: 'если бы было другое время') она сошла бы с ума от радости';

2) словами, выполняющими в независимом предложении функцию обстоятельства, например: *kisī dūsrē samay vah is jangal mē ākar kār uṭhī, par is samay use jangal se zarā bhī bhay na thā* (Sud., Sud. sum., 47) 'В другое время она задрожала бы, очутившись в этом лесу, но теперь она нисколько не боялась леса'.

Однако условие, необходимое для осуществления действия, обозначенного глаголом в форме сослагательного наклонения, не всегда бывает выраженным. Оно может выявляться из содержания другого независимого предложения, например: *māi āp kā kuch bigārne nahī āyā hā. māi āp ko ē aṣṭa na detā parantu koī cārā na thā* (Yaś., D. k., 10) 'Я и ришел не для того, чтобы сделать Вам зло. Я бы не утруждал Вас, но не было иного выхода'.

Если независимое предложение с глаголом в форме условного наклонения следует за предложением, сообщаящим об отсутствии условий для осуществления данного глагольного действия, то в начале выступает сочетание *nahī to* или его синонимы *varnā, anyathā* 'в противном случае', 'иначе', 'а не то': *samay nahī milā nahī to bhāgī bhāgī calī ātī* (Sud., P., 34) '[У нее] не было времени. Иначе она прибежала бы'.

Способность выражать значение обусловленной нереальности действия, противоположаемого действительности, свойственна простой форме условного наклонения (равно как и другим формам этого наклонения) в такой степени, что она может передавать данное значение и в том случае, когда нет никакого непосредственного указания на условие: *jit-nā rupayā is ke peṭ me jhōk cuke utne se to ab tak gāv mol le lete* (Pr., S. sar., 45) 'Мы бы уже купили деревню на те деньги, которые истратили на ее содержание'.

Та реально существующая ситуация, которой противопоставляется действие, выражаемое при помощи простой формы условного наклонения, может относиться к плану прошедшего, настоящего и будущего времени. Следовательно, действие, об обусловленной нереальности которого сообщается, может относиться к любому временному плану.

Так, в предыдущих примерах действие, выраженное глаголом в простой форме условного наклонения, мыслится в плане прошедшего времени. В двух же следующих ниже примерах такое действие относится соответственно к плану настоящего и будущего времени, например: *bhāgya māi nahī mātā. paristhiti sab kuch kartī hai. Niranjan is bhayānak garmī mē Nainītāl hotā* (Bh., J. S., 56) 'Я не верю в судьбу. Все зависит от обстоятельств. Ниранджан был бы в Найнитале в такую жару...'; *kisān yuvak ke sāmne hāth joṛkar kharā ho gayā. bolā mahārāj! āp ne āj mujhe ubār liyā nahī to sārī rāt yahī baiṭhnā partā* (Pr., S. sar., 112) 'Крестьянин, сложив молитвенно руки, встал перед юношей и сказал: «Махараджа! Вы сегодня спасли меня. Иначе пришлось бы мне сидеть здесь всю ночь»'.

Из сказанного выше следует, что простую форму услов-

ного наклонения нельзя рассматривать как форму времени в системе форм этого наклонения.

Значение обусловленной нереальности может передаваться предложениями с глаголом-сказуемым в простой форме условного наклонения, выражающими риторический вопрос, например: *nahī, merā ghar hotā to koī zabardastī nikāl detā?* (Pr., Nirm., 3) 'Нет, если бы [это] был мой дом, то разве кто-нибудь выгонял бы [меня]?'; *tum us se prem na kartī to kaise us kā dūsrā vivāh karke us ke sukh kā dhyān rakhī* (Bh., J. S., 181) 'Если бы ты не любила его, то разве ты заботилась бы о его счастье после того, как он женился второй раз?'; *vah soctā—mujhe vidhātā ne sab sukh se vancit kar diyā hai, nahī to merī daśā aisi hīn kyō hotī* (Pr., S. sum., 103) 'Создатель лишил меня счастья. В противном случае разве мое положение было бы таким безотрадным?'—думал он'.

В приведенных примерах говорящий имеет в виду соответственно: «меня выгоняют», «ты заботаешься о его счастье», «мое положение столь безотратно».

Риторический вопрос, как известно, в случае отсутствия отрицания при глаголе-сказуемом придает высказыванию отрицательный смысл. Следовательно, если бы в наших примерах не выражался риторический вопрос, то соответствующие глаголы-сказуемые имели бы при себе отрицательную частицу по типу: *...to koī zabardastī na nikāl detā* '...то никто не выгонял бы [меня]'.

II. Выражение значений возможности, необходимости, долженствования

Указанные модальные значения передаются предложениями, содержащими риторический вопрос. Глагол-сказуемое предложения обозначает действие, относящееся к плану прошедшего времени; причем если глагол не имеет при себе отрицательной частицы (что бывает чаще), то отмеченные значения получают выражение в негативном плане, т.е. отрицается возможность, необходимость или долженствование. В связи с отрицанием возможности, необходимости или долженствования действие представляется нереализующимся, например: *thorī hī dūr calkar hāph uthe. magar mard to the hī, yah kaise kahte ki bhāt zarā aur dhīre calo* (Pr., P. ph., 17) 'Пройдя немного, он стал задыхаться. Но ведь он был мужчиной. Разве мог он сказать: Брат, иди, пожалуйста, помедленнее?' (букв.: 'как он сказал бы?' в смысле 'если бы сказал, то как?'); *jo honā thā, vah ho cukā thā. adharma karke apnā parlok kyō bigārtī* (Pr., Nirm., 189)

‘Свершилось неизбежное. Разве стала бы я губить свою жизнь в потустороннем мире свершением греха?’; *kahne la-gā—māl yahā mar jāāgā, lekin ghar na jāāgā. ākhir maj-būr hoḡar aspātāl pahūcā āyā, aur kyā kartā?* (Pr., Nirm., 92) ‘«Я умру здесь, но не поеду домой», — сказал он. В конце концов я был вынужден отвезти его в больницу. Что я мог еще поделать?».

Действие представляется реализующимся, когда при глаголе имеется отрицательная частица (обычно в сочетании с *kyō*), например: *magar yahā to dayālutā kā sikkā jamānā thā. kyō na kṣamā kar jāte* (Pr., Kut. kah., 30) ‘Но здесь надо было проявить милосердие. Разве он мог не простить?’

Придание предложению характера риторического вопроса связывается в рассматриваемых примерах с содержанием соответствующих предложений. Оно как бы подчеркивает неуместность постановки вопроса относительно совершения (несовершения) действия при имеющихся условиях.

III. Выражение желательно-волеизъявительных значений

1. Выражение желания.

В этом случае глагол-сказуемое обозначает такое желательное для говорящего действие, которое не осуществляется, будучи противопоставляемым действительности. Действие относится, как правило, к плану прошедшего или настоящего времени. В начале предложения выступает обычно частица *kāś* (*kāś ki*) ‘да будет’, ‘пусть’, ‘о, если бы’. Например: *kāś, māl use tasallī de saktā* (K. C., Tal., 13) ‘О, если бы я мог ее успокоить!’

На месте слова *kāś* в качестве эмфатической частицы могут употребляться наречия *kadācit* ‘когда-нибудь’, ‘возможно’, *kahī* ‘где-нибудь’, союз *yadi* ‘если’, например: *kadācit yahā Sāvitrī hī hotī* (Sud., Sud. su n., 142) ‘О, если бы здесь была Савитри!’; *yadi mā ke sneh mē bacce ko jāre se bacā lene kī śaktī hotī, yadi us mē bacce kā peṭ bhar dene kī sāmār-thya hotī?* (Yaś., Pinj. цг., 160) ‘О, если бы любовь матери была способна защитить ребенка от холода! О, если бы она могла накормить ребенка досыта!’.

2. Выражение упрека.

В этом случае речь идет о таком действии, являющемся, с точки зрения говорящего, желательным или необходимым, которое не осуществляется собеседником, например: *bevaqūf tumhē āne kī itnī kyā jaldī thī? nadī ke pār hī rah jāte* (K. C., Рангр., 53) ‘Глупец, зачем ты торопился при-быть сюда? Оставался бы на том берегу реки’.

3. Выражение оттенка побуждения.

Побуждение имеет крайне осторожный характер. Употребляя условное наклонение, говорящий как бы сообщает о том, что он не вправе рассчитывать на осуществление желательного для него действия, например: *bart šit hai ka-hī se ek kambal dālkar koī šit se mukta kartā* (Pras., Āk., 1) 'Очень холодно. Вот если бы кто-нибудь набросил одеяло и избавил меня от холода'.

Простая форма условного наклонения в придаточном предложении

При использовании простой формы условного наклонения в придаточных предложениях в связи с лексическим значением компонента главного предложения глагол-сказуемое обозначает противопоставляемое действительности действие, относительно которого указывается, что оно являлось:

1) возможным: *kyā yah mumkin na thā ki tum mere hukm ko pairō talē kucal detī* (Pr., Pr. рас., 364) 'Разве вы не могли нарушить мой приказ?' (букв.: 'разве не было возможным, чтобы вы растоптали мой приказ?');

2) необходимым, должным: *cāhie to yah thā ki luk chip kar māl use dekhtī...* (Bh., J. S., 70) 'Нужно было, чтобы я увидела его тайком...';

3) желательным: *māl ne hatāś sī hokar kahā—«mert bart icchā thī ki āj thorā ghūm ātī, is kavītā ne kām bigār diyā...»* (Sud., T., 197) 'Потеряв всякую надежду, я сказала: «Мне очень хотелось немного погулять сегодня (букв.: 'мое большое желание было, чтобы... погуляла'). Но это стихотворение испортило все дело...»'.

Желательное действие, выраженное глаголом в простой форме условного наклонения, может иногда относиться к плану настоящего времени, например: *māl cāhtā hū, tum puruṣ hotī* (Sud., Sud. sum., 222) 'Я хочу, чтобы ты была мужчиной'.

Простая форма условного наклонения, кроме того, используется в придаточных предложениях следующих типов.

1. В условных придаточных предложениях.

Когда глагол-сказуемое главного предложения стоит в форме условного наклонения, то глагол-сказуемое условного придаточного предложения также выступает в форме условного наклонения. Нереальность действия, выраженного глаголом придаточного предложения, в отличие от действия, выраженного глаголом главного предложения, не может рассматриваться как обусловленная. Однако оба действия противопоставляются реальному ходу событий, что видно

из следующего примера: *prārabdha mē yah likhā hai yah mālūm na thā. mālūm hotā to jogin ban jātt* (Sud., Sud. sum., 185) 'Я не знала, что такова [моя] судьба. Если бы знала, то стала бы отшельницей'.

Действие придаточного предложения может совпадать по времени с действием главного предложения, относясь к плану прошедшего, настоящего или будущего времени. Так, в приведенном выше примере действие придаточного предложения относится к плану прошедшего времени. В двух следующих ниже примерах оно, как и действие главного предложения, мыслится в плане соответственно настоящего и будущего времени: *jogin bannā itnā āsān hotā to āj sāsār mē cārō tarāf joginē hī joginē nazar ātt* (Sud., Sud. sum., 185) 'Если бы стать отшельницей было так легко, то сейчас везде и всюду попадались бы одни отшельницы'; *māi dhire-dhire dālān kī or murne lagā. yuvatī kī ākhē kah rahī thī, kyā hī acchā hotā yadi tum yah makān le lete* (K. C., Gar., 36) 'Я медленно повернулся в сторону веранды. Глаза девушки словно говорили: «Как было бы хорошо, если бы Вы сняли это помещение»'.

Временной план действия придаточного предложения может и не совпадать с временным планом действия главного предложения, причем даже в том случае, когда оба глагола выступают в простой форме условного наклонения. Так, в приводимом ниже примере содержание условного придаточного предложения мыслится в плане настоящего времени, тогда как содержание главного предложения связывается с планом прошедшего времени: *merī sī daśā yadi tumhārī hotī to tum bhī niraśavādī ho jāte* (Kauś., Kall., 19) 'Если бы у Вас было такое положение, как у меня, то и Вы стали бы пессимистом'.

2. В уступительных придаточных предложениях, например: *lekin in ko to cup rahnā cāhīe thā cāhe māi ghar mē āg hī lagā detā* (Pr., S. sum., 58) 'Но им следовало молчать, даже если бы я поджег дом'.

Следует иметь в виду, что условное наклонение сравнительно редко используется в уступительных придаточных предложениях. Это объясняется тем, что такого рода придаточные предложения в большинстве случаев носят характер мысленного допущения, для выражения которого используется сослагательное наклонение.

3. В придаточных предложениях, указывающих на следствие.

Глагол-сказуемое таких придаточных предложений, выступающий в простой форме условного наклонения, обозначает действие, относительно которого известно, что оно

не реализуется, например: *yadi tum dekh saktī to tumhē aisā dr̥śya dikhāt detā ki tum mūr̥chit ho jātī* (Sud., T., 99) 'Если бы ты могла видеть, то тебе представилось бы такое зрелище, что ты упала бы в обморок'.

4. В придаточных предложениях, вводимых при помощи относительных слов.

В придаточных предложениях, вводимых при помощи относительных слов, использование простой формы условного наклонения аналогично ее использованию в независимом предложении, например: *āp ne vahī kiyā jo is hālat mē māi bhī kartā* (Pr., Pr. рас., 287) 'Вы сделали как раз то, что сделал бы и я в таком положении'.

5. В придаточных предложениях времени.

В придаточных предложениях времени простая форма условного наклонения используется при обозначении действия, которое не осуществилось до момента совершения действия главного предложения. Придаточные предложения вводятся при помощи сочетаний *is se pahle ki* и *is se pūrva ki* 'прежде чем', 'до того как' и др., например: *is se pahle ki gārī pūrī tarah kharī hotī māi dībbe mē carh gayā* (Ašk, K. sāh., 77) 'Я влез в вагон, прежде чем поезд остановился'; *is se pahle ki koī us kī sahāyā ko pahūcā us ke prāṇ śarīr ko chor cūke the* (Ašk, Pinj., 166) 'Прежде чем кто-либо пришел к нему на помощь, жизнь покинула его тело'.

В связи с отрицательным значением главного предложения простая форма условного наклонения используется в следующих случаях:

1) в придаточных предложениях различного типа, вводимых с помощью относительных слов и определяющих какое-либо слово главного предложения по целевому или следственному признаку, например: *is kā kul bahut pratīṣṭhit na thā, na vah samrddhi thī jo is kamī ko pūrā kar detī* (Pr., Pr. рас., 143) 'Его семья не пользовалась особым уважением, не было и того богатства, которое возмещало бы этот недостаток';

2) в обстоятельственных придаточных предложениях, содержащих указание на следствие, например: *parantu māi aisā mūr̥kha nahī thā ki ruk jātā* (K. C., Kaš. kah., 143) 'Но я был не настолько глуп, чтобы остановиться'.

В подобного рода сложноподчиненных предложениях придаточное предложение передает значение нереализованного следствия или же недостигнутой цели. Употребление формы условного наклонения, а не сослагательного вызвано в значительной мере тем, что содержание главного предложения относится к плану прошедшего времени.

ИМПЕРФЕКТ, ПЕРФЕКТ И ДУРАТИВ УСЛОВНОГО НАКЛОНЕНИЯ

Глагол в форме имперфекта условного наклонения обозначает такое действие, относимое обычно к плану настоящего времени, которое представляется незавершенным, например: *māi itnā aiś kā bandā nahī hū varnā āj bherō ke gallā carātā hotā* (Pr., Pr. рас., 364) 'Не такой уж я раб страстей. Иначе пас бы я теперь отары овец'; «*kuch bhī ho, likhte acchā hāi*»—«*acchā na likhte hote to yahā kaise āte? merā sahkārī koī gharbar ādmī thore hī ho saktā hai*» (Kauś., Kall., 75) '«Что бы там ни было, пишет он хорошо.»—«Если бы не писал хорошо, то каким образом он оказался бы здесь? Мой помощник не может быть бестолковым человеком»'.

Глагол в форме перфекта условного наклонения обозначает такое действие, которое представляется завершенным. Обычно такое действие относится к плану прошедшего времени, например: *māi ne apnī bābat kam bātē nahī sunī. tumhāri tarah cintā karne lagtī to kabhī kī mar gai hotī!* (Yaś., D. k., 150) 'Я немало слышала всяких разговоров о себе. Если бы я стала беспокоиться из-за этого подобно тебе, то давно бы уже умерла'; *agar kal tak māi un ke pās calā gayā hotā to bāt ban jātī* (Pr., S. sup., 40) 'Если бы я сходил к ней до вчерашнего дня, то дело бы уладилось'.

Дуратив условного наклонения служит для выражения непрерывности действия, совершения действия в какой-то определенный момент времени, например: *Belā kī umr bārah sāl se zyādā nahī thī jab vah cauthī mē parhtī thī. apne ghar par hotī to āj vah pācvī jamāt mē parh rahī hotī* (K. C., Ham vah., 46) 'Беле еще не было двенадцати лет, когда она училась в четвертом классе. Будь она у себя дома, она теперь училась бы в пятом классе'.

Аналитические формы условного наклонения используются главным образом при выражении обусловленной нереальности в независимом предложении и при обозначении действия в условном придаточном предложении.

Кроме того, перфект условного наклонения часто используется для выражения желательно-волеизъявительных значений, например: *kāś, tum ne mujhe javānī mē dekhā hotā* (K. C., Kaś. kah., 40) 'О, если бы Вы увидели меня в молодости!'; *āp ne is samay kyō kaṣṭa kiyā. mujhī ko bulā liyā hotā* (Pr., S. sar., 104) 'Зачем Вам нужно было беспокоиться в такое время? Позвали бы меня'; *phir kuch rukkar bolā—tū ne dhotī pahīn lī hotī? agar kahī se bābū sāhab hī ā jāē tab...ve acche ādmī nāhī* (Agr., An., 161) 'За-

тем, помедлив, добавил: «Ты бы надела дхоти. Если вдруг появится бабу, то... Он ведь дурной человек»'.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ ВМЕСТО УСЛОВНОГО

Выше уже отмечалась связь в хинди между условным наклонением и формой имперфекта изъявительного наклонения. Эта связь находит свое проявление и в том, что форма имперфекта изъявительного наклонения иногда выступает на месте условного наклонения.

Так, при выражении обусловленной нереальности часто используется имперфект изъявительного наклонения от глагола *saknā* 'мочь', а также от глагола *honā* 'быть', если последний сочетается с именем, указывающим на модальную, эмоциональную или этическую оценку сообщения, например: *agar daiv-gati se yah bimārti hoti, to vah śānt ho sakte the, dūsrō ko samajhā sakte the, khud dākṭarō ko bulā sakte the* (Pr., Nirm., 96) 'Если бы эта болезнь была ниспослана судьбой, то он мог бы оставаться спокойным, мог бы вразумлять других, мог бы сам вызвать врачей'; *...to us samay acānak Kailāś ne ākar kahā, 'bhāt sāhab, ap Arun ko dākṭar ko dikhā jāte to acchā thā*» (Aśk, Pinj., 32) '...в это время неожиданно вошел Кайлаш и сказал: «Было бы хорошо, брат, если бы Вы показали Аруна доктору»'; *śart badtā hā joṭo Nārāyaṇ kā hai. yadī Madan kā hotā, chipāne kī kuā zarūrāt thī?* (Yaś., Pinj. ур., 112) 'Я быюсь об заклад, что это снимок Нараяна. Если бы [это] было фото Мадана, то разве нужно было бы его прятать?'.

III. ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

Основной функцией повелительного наклонения в современном хинди является выражение побуждения. В связи с этим повелительное наклонение в отличие от других наклонений характеризуется следующими особенностями: а) связывается почти исключительно со значением второго лица, б) относит осуществление действия лишь к будущему времени (непосредственно следующему за моментом речи или отдаленному от момента речи), в) выступает по преимуществу в независимых предложениях в составе прямой речи,

г) находится в тесной связи с особой, повелительной интонацией, которая является органической принадлежностью предложений, выражающих побуждение, д) обуславливает частое опущение в предложении подлежащего, выраженное местоимением 2-го лица.

Утрата повелительным наклонением отмеченных признаков, имеющая место в определенных случаях его употребления, ведет к сближению его форм с формами других наклонений и к затушевыванию специфики повелительного наклонения.

Грамматическими синонимами повелительного наклонения в современном хинди являются простая форма настоящего времени сослагательного наклонения (в случае выражения вежливой просьбы) и неопределенная форма глагола.

В современном литературном хинди повелительное наклонение представлено обычными формами и вежливыми формами.

К обычным формам повелительного наклонения относится форма 2-го лица единственного числа, равная корню или основе глагола, и форма 2-го лица множественного числа, образуемая путем присоединения окончания -о к корню или основе глагола и совпадающая, таким образом, с формой 2-го лица множественного числа сослагательного наклонения.

Неопределенная форма глагола	Обычные формы повелительного наклонения	
	форма 2-го л. ед. ч.	форма 2-го л. мн. ч.
<i>bolnā</i> 'говорить'	<i>bol</i> 'говори'	<i>bolo</i> 'говорите'
<i>jānā</i> 'идти'	<i>jā</i> 'иди'	<i>jāo</i> 'идите'
<i>ronā</i> 'плакать'	<i>ro</i> 'плачь'	<i>roo (ro)</i> 'плачьте'
<i>pīnā</i> 'пить'	<i>pī</i> 'пей'	<i>pīo (piyo)</i> 'пейте'

При образовании формы 2-го лица множественного числа от глаголов *lenā* 'брать', *denā* 'давать' корневой гласный выпадает и окончание присоединяется к остальной части корня.

Неопределенная форма глагола	Обычные формы повелительного наклонения	
	форма 2-го л. ед. ч.	форма 2-го л. мн. ч.
<i>lenā</i> 'брать'	<i>le</i> 'бери'	<i>lo</i> 'берите'
<i>denā</i> 'давать'	<i>de</i> 'дай'	<i>do</i> 'дайте'

В древнеиндийском языке повелительное наклонение имело полную парадигму спряжения: оно располагало формами 1-го, 2-го и 3-го лица. При дальнейшем развитии языка способность выражать побудительные значения приобреталась формой презенса индикатива действительного залога в той мере, в какой эта форма получала переосмысление в модальном отношении. В условиях, когда окончания флективных форм были уже фонетически значительно ослаблены, отмеченное сближение в семантическом плане между формами двух различных наклонений приводило к замене императива презенсом индикатива (и частично к смешению этих форм)⁴.

В литературном хинди повелительное наклонение, связанное генетически с древнеиндийским императивом, сохранило лишь формы 2-го лица. Форма 2-го лица единственного числа повелительного наклонения восходит к аналогичной форме древнеиндийского языка. Окончание формы 2-го лица множественного числа *-o* восходит к окончанию аналогичной формы в пракрите и апабхрамше *-ahu*⁵.

Вежливые формы повелительного наклонения образуются путем присоединения к корню или основе глагола морфем *-iye (-ie)*, *-iyegā (-iegā)*, *-iyo (-io)*.

Неопределенная форма глагола	Вежливые формы повелительного наклонения		
<i>bolnā</i> 'говорить'	<i>bolie (bolie)</i>	<i>boliyegā (boliegā)</i>	<i>boliyo (bolio)</i>
<i>sonā</i> 'спать'	<i>soiye (soie)</i>	<i>soiyegā (soiegā)</i>	<i>soiyo (soio)</i>
<i>bulānā</i> 'звать'	<i>bulāiye (bulāie)</i>	<i>bulāiyegā (bulāiegā)</i>	<i>bulāiyo (bulāio)</i>

Ряд глаголов, а именно глаголы *lenā* 'брать', *denā* 'давать', *karnā* 'делать', *honā* 'быть', *pīnā* 'пить', образуют вежливые формы путем присоединения к глагольному корню морфем *-jiye (-jie)*, *-jiyegā (-jiegā)*, *-jiyo (-jio)*: *lījiye (lījie)*, *dījiye (dījie)*, *kījiye (kījie)*, *hījiye (hījie)*, *pījiye (pījie)*; причем только у глагола *pīnā* корень остается неизменным.

Иногда в этих морфемах после согласного *j* наблюдается стяжение звуков, в результате чего вежливые формы повелительного наклонения имеют вид *līje*, *lījegā*, *lījo* и т. п.

⁴ R. Hoernle, *A comparative grammar of the Gaudian languages with special reference to the Eastern Hindi*, London, 1880, p. 334; S. H. Kellogg, *A grammar of the Hindi language*, London, 1875, p. 346; Dharendra Varma, *Hināī bhāṣā kā itihās*, Prayāg, 1953, p. 300.

⁵ R. Hoernle, *A comparative grammar...*, p. 336.

Подобные варианты вежливых форм повелительного наклонения характерны для разговорной речи.

По вопросу о происхождении морфем вежливых форм повелительного наклонения нет единой точки зрения. По мнению некоторых ученых, например Р. Хернле, Ж. Блока, эти формы восходят к форме настоящего времени страдательного залога древнеиндийского языка⁶. Другие лингвисты, как, например С.К. Чаттерджи и Дж. А. Гирсон, склоняются к мнению, что вежливые формы повелительного наклонения хинди связаны генетически с древнеиндийским оптативом или прекативом⁷.

Каждая из упомянутых точек зрения страдает односторонностью, поскольку они не учитывают отмечаемый в лингвистической литературе факт смешения в среднеиндийском языке форм пассива с формами оптатива и прекатива⁸.

Следует иметь в виду, что форма на *-iyegā (-iegā)* не изменяется в зависимости от рода и числа, несмотря на то, что в ее состав входит морфема *-gā*, которая, употребляясь при образовании будущего времени изъявительного наклонения, претерпевает изменения в зависимости от рода и числа слова, выступающего в функции подлежащего.

Неизменяемый характер формы на *-iyegā (-iegā)* свидетельствует об отсутствии согласования между глаголом-сказуемым и словом, обозначающим субъект глагольного действия. Таким образом, данная форма проявляет в какой-то мере признаки формы пассива.

При образовании будущего времени изъявительного наклонения морфема *-gā* присоединяется к форме, возводимой к презенсу индикатива. Вполне возможно, что и при образовании вежливой формы на *-iyegā (-iegā)* морфема *-gā* присоединяется к форме, представлявшей ранее презенс индикатива. Такое предположение ведет к признанию существования генетической связи между современными вежливыми формами повелительного наклонения на *-iye (-ie)* и *-iyega (-iegā)* и пассивом.

Влияние древнеиндийского оптатива или прекатива проявляется, по-видимому, в том, что вежливые формы повели-

⁶ R. Hoernle, *A comparative grammar...*, pp. 322, 323; J. Bloch, *L'indo-aryen...*, pp. 240, 288.

⁷ S. K. Chatterji, *The origin and development of the Bengali language*, pt 2, Calcutta, 1926, p. 900; G. A. Grierson, *The modern Indo-Aryan polite imperative*, — «Journal of the Royal Asiatic society of Great Britain and Ireland», London, 1910, January, p. 163.

⁸ S. K. Chatterji, *The origin and development...*, p. 924; S. Sen, *Comparative grammar of middle Indo-Aryan*, — «Indian linguistics», vol. XII, pt. 11—2, Calcutta, 1951, p. 114; S. Sen, *Historical syntax of middle Indo-Aryan*, — «Indian linguistics», vol. XIII, pt 3-4, Calcutta, 1953, p. 109.

тельного наклонения образуются как от непереходных, так и от переходных глаголов. Глаголы, выступающие в вежливых формах повелительного наклонения, выполняют функцию сказуемого при подлежащем, обозначающем активный субъект глагольного действия.

Таким образом, можно предположить, что в особенностях функционирования вежливых форм повелительного наклонения находит отражение факт смешения среднеиндийских форм пассива с формами опатива или прекатива.

УПОТРЕБЛЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ОБЫЧНЫХ ФОРМ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

1. Форма 2-го лица единственного числа

Форма 2-го лица единственного числа повелительного наклонения используется при передаче лишенных оттенка учтивости повелений, а также в разговоре между близкими людьми, особенно при обращении старших по возрасту к младшим, и при обращении к божеству. В качестве подлежащего при глаголе-сказуемом, стоящем в форме 2-го лица единственного числа повелительного наклонения, выступает местоимение *tū* 'ты', которое, однако, обычно опускается.

Приведем примеры употребления формы 2-го лица единственного числа: *phir sūṭ utār diyā aur sevak se bole — jā mūnīm ji ko bulā lā* (Pr., S. sum., 60) 'Затем [он] снял костюм и обратился к слуге: «Иди, позови управляющего»'; *bāyī or ek makān se bacce ke rone kī āvāz āyī aur kisi mā ne thake hue anīde svar se kahā «so jā mere lāl!»* (Ašk, Pīnj., 52) 'Из дома налево донесся плач ребенка, и его мать усталым от бессонной ночи голосом проговорила: «Спи, моя крошка»'; *us rāt bhī Devkulīś devī ke pairō ke nikaṭ baiṭhā thā aur rorahā thā — «kṛpā kar!..»* (Sud., Sud. sum., 97) 'И в ту ночь Девкулиш сидел у ног богини и слезно молил: «Окажи милость!..»'; *tab Nandarām ne kahā — «Nandarām ko nahī pahcāntā thā? le tū bhī kuch letā jā»*. *vazīrī ke bhī pair mē golī lagī* (Pras., In., 18) 'Тогда Нандарам закричал: «Ты не знал Нандарама? Ну, тогда и ты получай!» — и пуля попала в ногу вазири'.

2. Форма 2-го лица множественного числа

Форма 2-го лица множественного числа повелительного наклонения имеет более широкое употребление по сравнению с формой 2-го лица единственного числа. Она используется

как при обращении ко многим лицам, так и при обращении к одному лицу. При обращении к одному лицу она выражает вежливое побуждение. В качестве подлежащего выступает местоимение *tum* 'вы', которое, однако, обычно опускается. Примеры: *larke ne cillākar kahā — hoṣiyār raḥo! hoṣiyār raḥo! is per ke ntce ek šer baiṭhā huā hai* (Pr., Jang. kah., 5) 'Мальчик закричал: «Берегитесь! Берегитесь! Под этим деревом сидит тигр!»'; *sūd mē tum hamāre yahā kāṁ kiya karo...* (Pr., М. 4, 195) 'За проценты вы работайте у меня...'; *Mohan adhīr hokar bolā — ammā, mujhe rūkhī roṭiyā hī de do. baṛī bhūkh lagī hai* (Pr., М. 4, 165) 'Потеряв терпение, Мохан сказал: «Мама, дай мне хоть черствые лепешки. Я сильно проголодался»'.

УПОТРЕБЛЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ВЕЖЛИВЫХ ФОРМ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

1. Форма на -iye (-ie)

Эта форма является наиболее употребительной среди вежливых форм повелительного наклонения. Она используется при выражении учтвого, вежливого побуждения, обращенного к одному или ко многим лицам. Форма на *-iye (-ie)* сочетается с местоимением *āp* 'вы', 'Вы'. Примеры: *Jaiksan ne kahā — «abhi āp yahā baiṭhiye. ek-ādh ghaṇṭe mē sab intazām huā jātā hai»* (К. С., Ham vah., 59) 'Джексон сказал: «Теперь Вы будьте любезны посидеть здесь. Через какие-нибудь полчаса все будет устроено»'; *ḍāktar sāhab! āp se jo kuch ho saktā hai, kījīe* (Sud., Т., 166) 'О господин доктор! Сделайте, пожалуйста, все, что в ваших силах'.

Иногда форма на *-iye (-ie)* выступает в синтаксических условиях, требующих сослагательного наклонения. В этом случае она сближается по смыслу и по функции с простой формой этого наклонения, например: *merā āp se yahī anurodh hai ki Lajjā ko hāth se na jāne dijiye* (Pr., Pr. рас., 168) 'Я умоляю Вас не выпускать из своих рук Ладджу'; *agar āp aise ek sige kā nām batā dijie to māī to umr āp kī ghulāmī karū* (Pr., S. sar., 95) 'Если Вы назовете хоть один такой департамент, то я стану вашим рабом на всю жизнь'.

Такое использование формы на *-iye(-ie)*, редкое в современном хинди, объясняется, по-видимому, тем, что данная форма в какой-то мере связана генетически с прежним презенсом индикатива. В литературных произведениях, относящихся к началу XIX в., в значении сослагательного наклонения она употребляется чаще.

Иногда форма на *-iye (-ie)* приобретает обобщенно-личное значение, например: *ghar mē kuhrām mac gayā. jise dekhiye mujh par tyauriyā badal rahā hai magar māī ne parvāh na kī* (Pr., Pr. рас., 288) 'В доме поднялась сумятица. На кого ни посмотришь, все сердятся на меня. Но я не обращал внимания.'

Такие выражения, как *sac pūchiye* 'сказать по правде', *uō māniye* 'иначе говоря' и др., являются результатом фразеологизации предложений с формой на *-iye (-ie)* в обобщенно-личном значении.

2. Форма на *-iyegā (-iegā)*

Вежливая форма повелительного наклонения на *-iyegā (-iegā)*, так же как и форма на *-iye (-ie)*, служит для выражения учтвого, вежливого побуждения, сочетаясь с местоимением *āp*. Во многих случаях форма на *-iyegā (-iegā)* при выражении побуждения отличается от формы на *-iye(-ie)* лишь большей экспрессивностью, например: *zamīn āp le lījiyegā. māī keval cacā sāhab kā ghamand tornā cāhtā hā* (Pr., S. sum., 5) 'Землю забирайте, пожалуйста, Вы. Я лишь хочу сбить спесь с дяди'; *lālā Saudāgarmal andar āye, aur āte hī bole «kṣamā kijiegā. māī ek śikāyat lekar āyā hū»* (Sud., T., 26) 'Вошел купец Саудагармал и сразу же проговорил: «Извините, пожалуйста. Я пришел с жалобой»'.

Однако в отличие от формы на *-iye (-ie)* форма на *-iyegā (-iegā)* может указывать на то, что осуществление глагольного действия мыслится в будущем, несколько более отдаленном от момента речи, например: *«acchā hai». māī ne kḥuṣī-kḥuṣī uttar diyā. «āp mere khaccar le jāiye, kal tak vāpas bhej dījiyegā»* (K. C., Tal., 37) '«Ну, хорошо,— согласился я с большой радостью.— Забирайте моих мулов, но верните, пожалуйста, их не позднее завтрашнего дня»'.

Основная функция формы на *-iyegā (-iegā)* — выражение побуждения. Однако в придаточных предложениях и в независимых вопросительных предложениях эта форма выступает в значении будущего времени индикатива, например: *jab tak yah savāl pūrā na kījiyegā, dvār se na haṭāgā* (Pr., S. sar., 72) 'Пока [вы] не выполните эту просьбу, [я] не отойду от двери'; *Savitā ne pūchā — «āp apne citra hamē dikhāiyegā?»* (Yaś., Pinj. ur., 20) '«Вы покажете мне свои картины?» — спросила Савита'.

Когда говорящий ждет подтверждения своей мысли о совершении собеседником данного действия в будущем, в вопросительном предложении после формы на *-iyegā (-iegā)* выступает отрицательная частица *na* 'не', 'нет', например:

ek sāhab ne pūchā — kahie kis din caliyegā? paṇḍitjī kuch anyamanaska the — bole — kahā? vah vyakti bolā — kāgres mē, caliyegā na? (Kauś., Kall., 93) '«Скажите, пожалуйста, когда Вы поедете?», — поинтересовался один из господ. «Куда?» — спросил пандит, застигнутый врасплох. — «На заседание Конгресса. Ведь Вы поедете, да?» — проговорил господин».

3. Форма на -iyo (-io)

Форма на -iyo (-io) наименее употребительна из вежливых форм повелительного наклонения. Она сочетается с личными местоимениями 2-го лица *tū* 'ты' и *tum* 'вы', которые в предложении обычно опускаются. В случае сочетания с *tum* повеление может относиться как ко многим лицам, так и к одному лицу.

Побуждение, выражаемое этой формой, не является в такой степени вежливым, как побуждение, передаваемое формами на -iye (-ie) и -iyegā (-iegā). В этом смысле вежливая форма на -iyo (-io) сближается с формой 2-го лица множественного числа повелительного наклонения. Нередко действие, обозначенное глаголом в форме на -iyo (-io), мыслится в будущем, более отдаленном от момента речи: *acchā! kal sām ko zarūr cale jāiyo. agar phir māi ne tumhē yahā dekhā to gāv ke kuttō se tumhē pharvā dālāgā* (К. С., Kaś. kah., 163) 'Ну, ладно. Завтра вечером обязательно уходите. Если я снова вас здесь увижу, то велю спустить на вас собак деревни'.

В произведениях, относящихся к началу XIX в., форма на -iyo (-io) встречается чаще, чем в книгах современных авторов. В частности, отмечены случаи, когда эта форма, выражая пожелание или косвенное побуждение, относится к третьему лицу, например: *khudā tum ko zindā rakhiyo*⁹ 'Да хранит тебя бог'; *...yō kahte jāte the, bhāiyā! koī bhūliyo mat, au jo koī bhūle to pichle derō par jāiyo* (Lallū Lāl, Premśāgar, 100) '... [они] так говорили [пастухам]: «Ну, братцы! Смотрите же, не заблудитесь! Кому ж случится заблудиться, пускай тот возвращается к шатрам»'.

ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ ФОРМ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

В форме повелительного наклонения некоторые глаголы утрачивают в определенных случаях свое первоначальное

⁹ J. T. Platts, *A grammar of the Hindūstānī or Urdū language*, London, 1874, p. 137.

лексическое и грамматическое значение и имеют тенденцию перейти в другую часть речи. Среди таких форм следует отметить форму *cāhiye* от глагола *cāhnā* 'желать', 'хотеть'. Слово *cāhiye* по сути дела является в современном хинди предикативным наречием со значением «нужно», «следует».

Формы повелительного наклонения, в особенности форма 2-го лица множественного числа, от глаголов *ānā* 'приходить', *cainā* 'идти', *lānā* 'приносить', *lenā* 'брать' выступают в качестве модально-побудительных частиц при выражении намерения, решимости говорящего совершить действие, при выражении призыва к совместному действию и побуждения.

При рассмотрении случаев использования сослагательного наклонения уже отмечалось употребление в качестве частиц, близких по значению к частице «-ка» русского языка, форм от глаголов *caīnā*, *ānā*, *lānā*.

Формы повелительного наклонения от глагола *lenā*, выступающие в качестве частицы, имеют значение «ну», «вот», например: *lo Prakāśjī, khudā kā nām lekar dīvār phalāṅ jāo* (К. С., Нам. vah., 87) 'Ну, с богом, Пракаш-джи, прыгай через стену'.

ВЫРАЖЕНИЕ ЗАПРЕЩЕНИЯ

При выражении запрещения (побуждения воздержаться от осуществления действия) с формами повелительного наклонения сочетаются отрицательные частицы *na*, *mat*, *nahī*.

Частица *na*, как правило, предшествует форме повелительного наклонения, частица *nahī* следует за формой повелительного наклонения. Отрицательная частица *mat*, которая употребляется исключительно с повелительным наклонением, выступает обычно перед глаголом, но когда нужно придать большую выразительность высказыванию, она ставится после глагола.

Форма 2-го лица единственного числа сочетается с частицей *na* (реже с частицей *mat*), например: *darvāze ke pās na jā, vahā terī mṛtyu kharī hai* (Sud., Т., 272) 'Не подходи к двери. Там ждет тебя смерть'.

Форма 2-го лица множественного числа сочетается преимущественно с частицей *mat*, но может также выступать в сочетании с частицами *nahī* и *na*, например: *tum ghabrāo mat, tumhāre rupaye mil jāyāge* (Кауш., Кал., 97) 'Вы не беспокойтесь. Ваши деньги не пропадут'; *Candā ne kahā — «tujhe roko nahī...»* (К. С., Гар., 184) 'Чанда сказал: «Не удерживайте меня...»'; *cillākar bole, «apnī maut ko na bulāo, māi is samay pāgal ho rahā hū* (Sud., Т., 206) '«Не зови свою смерть. Я схожу с ума», — вскричал он'.

Вежливые формы на *-iye (-ie)* и *-iyegā (-iegā)* выступают в сочетании с частицей *na* и значительно реже с частицами *nahī* и *mat*, например: *Suṣilā ne bhaybhīt hokar kahā, bhaiyā kī bātō kā vicār na kījīe, in kī to yah ādat hai...* (Pr., M. 4, 158) 'Испугавшись, Сушила проговорила: «Не обращайтесь, пожалуйста, внимания на слова брата. У него уж такая привычка...»'; *ise kathā na samajhiegā, saccī ghaṭnā hai* (Pr., S. sum., 43) 'Не думайте, пожалуйста, что это выдумка. Так было на самом деле'; *jī jī! āp jāiye nahī, āp se mujhe bahut bātē karnī hāl* (Bh., J. S., 180) 'Сестрица, Вы не уходите. Мне нужно с Вами о многом поговорить'; *āp yah kām mat kījiegā* (Kauś., Kall., 67) 'Не извольте братья за это дело'.

С формой на *-iyo (-io)* выступает обычно отрицательная частица *mat*, например: *par phir garva mat kījo* (Lallū Lāl, Premśāgar, 64) 'Но впредь ты не гордись'.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧАСТИЦ ПРИ ВЫРАЖЕНИИ ПОБУЖДЕНИЯ

В побудительных предложениях, глагол-сказуемое которых стоит в повелительном наклонении, могут использоваться в качестве модально-побудительных частиц формы повелительного наклонения от глаголов *ānā* 'приходить', *calnā* 'идти', *lenā* 'брать': *āo uṭho, khāne ke kamre mẽ āo, vahā pitā jī ke sivā is samay aur koī na hogā* (Yaś., D. k., 36) 'Ну-ка поднимайся, иди в столовую. Там, наверное, сейчас никого нет, кроме отца'; *le tū bhī kuch letā jā* (Pras., In., 18) 'Ну, тогда и ты получи!'

В целях смягчения просьбы или приказа используется модально-побудительная частица *zarā*. Эта частица может переводиться на русский язык словом «пожалуйста». Пример: *mujhe dekhte hī us'ne kahā—sāhab, zarā bace rahiegā* (Pr., Jang. kah., 17) 'Увидев меня, он сразу же сказал: «Берегитесь, сахиб...»'.

Для того чтобы придать просьбе или приказанию большую убедительность, в хинди используется частица *na* (*nā*). Выступая как эмфатическая частица, близкая по смыслу частице «же», она следует за формой повелительного наклонения. Примеры: *lekin tum kharī kyō ho? baiṭho na* (Bh., J. S., 179) 'Почему вы стоите? Садитесь же'; *us ne tīsrī bār phir pūchā — «mā, batā do nā, tumhē kyā duḥkh hai?»* (Sud., T., 12) 'Она в третий раз спросила: «Скажи мне, мама, что тебя тревожит»'; — *mā ne kabhī nahī dekhā.* — *«to dekhiye na»* (Pras., In., 37) '«Я никогда не видел». — «Так поглядите же»'.

В качестве эмпатической частицы с формами повелительного наклонения может быть использована и частица *to: kyā bāt hai, kuch batāo to* (Kauś., Kall., 38) 'Да скажи же, в чем дело'.

* *
*

Анализ приведенного в работе материала позволяет сделать некоторые выводы относительно значения рассмотренных наклонений языка хинди и их употребительности.

Формы сослагательного, условного и повелительного наклонения служат для выражения действия, осуществление которого не представляется фактом действительности. При этом каждое из наклонений по-своему выражает значение нереальности.

Глагол в форме сослагательного наклонения обозначает такое нереальное действие, реализация которого не представляется обязательно исключенной, или такое действие, осуществление которого мысленно допускается.

Глагол в форме условного наклонения обозначает такое предположительное действие, которое не реализуется, будучи противопоставляемым действительному ходу событий.

Глагол в форме повелительного наклонения обозначает такое нереальное действие, осуществление которого мыслится находящимся в зависимости от побуждения со стороны говорящего, т. е. формы этого наклонения служат для выражения побудительных значений.

Из названных трех наклонений языка хинди наибольшей употребительностью обладает сослагательное наклонение, что объясняется множеством различных оттенков, которые могут быть выражены этим наклонением. Сослагательное и условное наклонение используются в независимых и придаточных предложениях. Повелительное наклонение употребляется, как правило в независимых предложениях.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Agr., Am.	— Vallabh Agravāl, <i>Amāvas</i> , Agravāl printiṅg pres, Farrukhābād, [S. a.].
Ašk, K. sāh.	— Upendranāth Ašk, <i>Kāle sāhab</i> , Nilābh-prakāśan-gṛh, Ilāhābād, [S. a.].
Ašk, Pinj.	— Upendranāth Ašk, <i>Pinjrā</i> , Nilābh-prakāśan-gṛh, Prayāg, 1952.
Bh., J. S.	— Udayśankar Bhaṭṭ, <i>Jīvan aur sāgharṣa</i> , Rājpal enḍ sanz, Dillī, [S. a.].

- Kauš., Kall. — Višvambharnāth Śarmā Kauṣik, *Kallol*, Vinod pustak mandir, Āgrā, 1954.
- K. C., Annad. — Kṛṣṇacandra, *Annadātā*, Rājpal end sanz, Dilli, 1954.
- K. C., Gar. — Kṛṣṇacandra, *Garjan kī ek śām*, Rājpal end sanz, Dilli, [S. a.].
- K. C., Ham vah. — Kṛṣṇan Candar, *Ham vahṣī hāī*, Hindustānī pabliṣing hāus, Ilāhābād, 1952.
- K. C., Kaš. kah. — Kṛṣṇacandra, *Kašmīr kī kahāniyā*, Rājpal end sanz, Dehli, [S. a.].
- K. C., Pancr. — Kṛṣṇacandra, *Pancrangī*, Hind kitābs limited, Bambaī, 1950.
- K. C., Tal. — Kṛṣṇacandra, *Talāṣ*, Hind kitābs limited, Bambaī, 1950.
- Lallu Lāl, Premsāgar — Lallu Lāl ji, *Premsāgar*, prakāśak — pandit Pṛthvināth Bhārgav, pratham sanskaraṇ, Banāras, [S. a.].
- Pras., Āk. — Jayśankar Prasād, *Ākāś-dīp*, Liḍar-pres, Ilāhābād, samvat 2011.
- Pras., In. — Jayśankar Prasād, *Indrajāl*, Liḍar pres, Ilāhābād, samvat 2007.
- Pr., Do bah. — Premcand, *Do bahanē aur anya kahāniyā*, Sarasvatī pres, Banāras, 1948.
- Pr., Durg. — Premcand, *Durgādās*, Hans prakāśan, Ilāhābād, 1953.
- Pr., Jang. kah. — Premcand, *Jangal kī kahāniyā*, Hindustānī pabliṣing hāus, Ilāhābād, [S. a.].
- Pr., Kut. kah. — Premcand, *Kutte kī kahānī*, Sarasvatī pres, Banāras, 1951.
- Pr., M. 4 — Premcand, *Mānasarovar (bhāg 4)*, Hindustānī pabliṣing hāus, Ilāhābād, 1951.
- Pr., Nirm. — Premcand, *Nirmalā*, Sarasvatī pres, Banāras, 1953.
- Pr., Pr. pac. — Premcand, *Prem-pacīsī*, Hindī pustak ejensī, Kāśī, samvat 1994.
- Pr., P. ph. — Premcand, *Pāc phāl*, Sarasvatī pres, Banāras, 1952.
- Pr., S. sar. — Premcand, *Saptasaroj*, Hindī pustak ejensī, Kalkatta, samvat 1983.
- Pr., S. sum. — Premcand, *Sapta-śuman*, Sarasvatī pres, Banāras, 1951.
- Sud., P. — Sudarśan, *Parivartan*, Indīyan pres limited, Prayāg, 1937.
- Sud., Sud. sum. — Sudarśan, *Sudarśan-śuman*, Rājpal end sanz, Dilli, [S. a.].
- Sud., T. — Sudarśan, *Tīrtha-yātrā*, Indīyan pres limited, Prayāg, 1927.
- Yaš., D. k. — Yašpāl, *Dādā-kāmreḍ*, Viplav kāryālay, Lakhnaū, 1944.
- Yaš., Pinj. uṛ. — Yašpāl, *Pinjre kī uṛān*, Viplav kāryālay, Lakhnaū, 1946.
- V., Mṛgn. — Vṛndāvanlāl Varmā, *Mṛgnayanī*, Mayūr-prakāśan, sātvī āvṛtti, Jhāsi, 1955.

В. А. Чернышев

ПРОСТЫЕ ОТЫМЕННЫЕ ГЛАГОЛЫ СОВРЕМЕННОГО ХИНДИ

Простые отыменные глаголы — это однословные единицы, образованные от имен или именных основ средствами морфологии. Образование глагола от имени средствами морфологии — обычный способ словопроизводства для большинства индоевропейских языков. Этот способ относится к числу очень древних: он был характерен для таких классических языков древности, как санскрит, латинский и др.

Образование глагола от имени средствами морфологии является живым процессом и во многих современных языках, например русском¹, английском², немецком³. Пополнение глагольной лексики за счет отыменных образований наблюдается и в новоиндийских (современных индоарийских) языках, в том числе и хинди⁴.

По нашим наблюдениям, диалекты западного хинди в противоположность восточному хинди характеризуются слабым развитием отыменно-глагольного словообразования.

¹ Н. С. Авилова, *К вопросу о суффиксальном образовании русского глагола*, — сб. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. II, М., 1951.

² П. И. Айнбиндер, *Деноминативные глаголы в современном английском языке*, канд. дисс., Л., 1947.

³ М. Д. Степанова, *Словообразование современного немецкого языка*, М., 1953.

⁴ Исследованию простых отыменных глаголов посвящены статьи: М. И. Клягина-Кондратьева, *О глаголах с заимствованными основами в языке урду*, — «Известия АН СССР, Отд. общ. наук», М., 1931; Ramajñā Dvivedī, *Avadhi ke kucch nām-dhātū tathā pratyay*, — «Hindustani», July, 1931, pp. 374. Из работ, в которых затрагивается вопрос образования простых отыменных глаголов, следует отметить следующие: J. T. Platts, *A grammar of the Hindūstānī or Urdū language*, London, 1874; J. Beames, *A comparative grammar of the modern aryan languages of India*, v. III, London, 1879; E. Greaves, *Hindi grammar*, Allahabad, 1933; Baburam Sak-sena, *Evolution of Avadhi*, Allahabad, 1937.

Употребляемость отыменных глаголов в западных диалектах хинди меньшая, чем в восточных. В таких восточных диалектах, как авадхи или бходжпури, образование глаголов от имен является столь продуктивным способом словообразования, что почти от каждого имени может быть образован простой отыменный глагол.

Если сравнить кхари боли, западный диалект, на основе которого сложился литературный хинди, и восточный диалект бходжпури с точки зрения развития в них простых отыменных глаголов, то выдвинутое выше положение предстанет со всей наглядностью, так как обилию и разнообразию глаголов в бходжпури будут противостоять лишь отдельные глаголы в кхари боли.

Не сравнивая всей массы отыменных глаголов, покажем употребление в диалектах глаголов, образованных от названий частей тела⁵.

Простые отыменные глаголы		Диалекты	
		бходжпури	кхари боли
<i>coṭiyānā</i>	1. 'заплетать косу'	+	—
	2. 'таскать за волосы'	+	—
	3. (перен.) 'оскорблять'	+	—
<i>nakiyānā</i>	'гнусавить'	+	—
<i>ākhiyānā</i>	'подмигивать'	+	—
<i>ṭhūḍiyānā</i>	'тереть подбородок'	+	—
<i>dāṭiyānā</i>	'кусать зубами'	+	—
<i>jibhiyānā</i>	'лизать языком'	+	—
<i>kaniyānā</i>	'трепать за уши'	+	—
<i>kādhīyānā</i>	'толкать плечом'	+	—
<i>kehuniyānā</i>	'толкать локтем'	+	—
<i>hathiyānā</i>	'брать рукой'	+	+
<i>mukiyānā</i>	'бить кулаком'	+	—
<i>chatīyānā</i>	1. 'толкать грудью'	+	+
	2. 'прижимать к груди'	+	+
<i>kākhiyānā</i>	'тащить, зажав под мышкой'	+	—
<i>gardaniyānā</i>	'хватать за шею (за шиворот)'	+	—
<i>nakhiyānā</i>	'царапать ногтем'	+	—
<i>jāghiyānā</i>	'толкать бедром'	+	—
<i>pīṭhiyānā</i>	'толкать спиной'	+	—
<i>ṭhehuniyānā</i>	'бить коленкой'	+	—
<i>latiyānā</i>	'бить ногой'	+	+
<i>eriyānā</i>	'бить пяткой (каблуком)'	+	—

⁵ Таблица составлена по опросным анкетам, подготовленным автором во время пребывания в Индии в 1956—57 гг. Знаки + и — в таблице обозначают, что данное слово соответственно употребляется или не употребляется в диалекте.

То же самое можно сказать относительно отыменных глаголов, образованных от других разрядов слов.

В литературном хинди, в основе которого лежит кхари боли, простые отыменные глаголы употребляются как диалектизмы. Характерно, что отыменные глаголы, употребляющиеся в литературном языке, практически не образуют форм каузатива, тогда как в восточных диалектах каузативные формы от отыменных глаголов образуются регулярно.

В настоящее время, когда хинди утверждается в качестве государственного языка, вполне естественно и оправданно ограждение его от массы диалектной лексики, но в то же время закономерным является и процесс обогащения лексики литературного языка за счет лексики диалектов.

Простые отыменные глаголы постепенно просачиваются в литературный язык и закрепляются в нем. Они находят путь в литературу в основном через произведения писателей, чьим родным языком является один из восточных диалектов хинди, особенно через произведения писателей молодого поколения, широко употребляющих их не только для речевой характеристики персонажей, но и в авторской речи. Приведем несколько примеров⁶:

vah baccā... jhaṭ-paṭ daurā āyā. is curail ke kādhe par carh gayā... aur apne choṭe-choṭe pairō se ise eṛiyāne lagā (Ben., M. m., 41) 'Мальчик... немедленно побежал к ней, взобрался к этой ведьме на плечо и стал подгонять ее, ударяя пятками своих маленьких ножек'; *paniyāye hue cās mē dhān ke paudhe roṭe samay chip-chip sup-sup āvāz uṭhī rahī hai* (Nag., B., 115) 'Когда ростки риса высаживают в поле, залитое водой, то и дело слышатся легкие всплески'; *pakke ghāṭ par ākar hāth maṭiyāye* (Nag., B., 103) 'Добравшись до твердого берега, вымыл руки, смазав их сначала глиной'; *carkhā skūl kī māṣṭarnī jī kīnā muṭā gaī hai?* (M. A., 260) '[Видел], как растолстела инструкторша из прядильной?'; *Rāmpakhāran Sīh kī karvāī hui sūrat ko dekh kar hī samajh gae Jittan bābū khūb jhāldār batē sunkar vāpas āyā hai* (Parti, 183) 'При одном только взгляде на кислое выражение лица Рампакхаран Синга Джиттан-бабу понял, что ему наговорили много неприятных вещей'.

Ограниченное употребление простых отыменных глаголов в литературном хинди еще не свидетельствует о том, что образование глаголов от имен является непродуктивным способом словообразования в нем. Уже сейчас в современном литературном языке по имеющимся моделям возникают

⁶ Авторы всех произведений, из которых взяты примеры, — уроженцы Бихара.

единичные новые глаголы, сфера употребления которых ограничена литературным языком. Эти новообразования еще не нашли отражения в существующих словарях. Можно привести в качестве примера три таких новых отыменных глагола: *filmānā* 'экранизировать' (<*film*); *qaumiyānā* 'национализировать' (<*qaumī*); *barqānā* 'электрифицировать' (<*barq*).

ОБРАЗОВАНИЕ ПРОСТЫХ ОТЫМЕННЫХ ГЛАГОЛОВ

В современном хинди существует два способа образования глаголов от имен: 1) суффиксация и 2) трансформация исходного имени в основу производного глагола.

В современных индоарийских языках префиксация, утраченная еще на стадии пракритов, уже не является живым способом словообразования. Если же префиксы иногда и встречаются в исконно индийском слове или выделяются при его анализе, то лишь как реликты, мертвые остатки некогда продуктивного способа словопроизводства.

Из двух существующих в хинди способов основным является суффиксация. Изменения, происходящие в основе глагола, который образуется посредством суффикса, не имеют самостоятельного значения, так как всегда сопутствуют суффиксации. К ним относятся следующие: 1) упрощение групп согласных; 2) изменение места ударения в слове; 3) количественное изменение гласных; 4) выпадение звуков; 5) удвоение первичной основы.

Суффиксация

Присоединение словообразующего суффикса обуславливает фонетические изменения в основе производного глагола: а) перемещение ударения на суффикс и, как результат этого, б) превращение всех долгих гласных в краткие в той части основы, которая предшествует суффиксу.

От имен, представляющих собой односложное слово с кратким гласным в основе и стечением двух согласных на конце, глаголы образуются при помощи суффикса *-ā-*.

Примеры: *baglānā* 'отступать в сторону (с дороги)' — от *bagl* 'сторона'; *śarmānā* 'стыдиться' — от *śarm* 'стыд'; *sardānā* 'замерзать', 'мерзнуть' — от *sard* 'холодный'; *sustānā* 'отдыхать'; 'лениться', 'нежиться' — от *sust* 'вялый', 'ленивый'; *mastānā* 'становиться пьяным', 'пьянеть' — от *mast* 'пьяный'.

Так же образован глагол *farmānā* 'приказывать', с той

лишь разницей, что он имеет в качестве «первоосновы» общую часть глагольных и именных форм персидского языка (*farmūdan*, *farmāiš*, *farmān*), выражающих идею повеления, приказания, — персидский корень *farm*.

В тех случаях, когда имя имеет окончание, глагол образуется прибавлением суффикса *-ā-* к основе имени (если основа — закрытый слог). Примеры: *dublānā* 'худеть', *dublā* 'худой'; *halkānā* 'облегчать', *halkā* 'легкий'; *muṭānā* 'толстеть', *moṭā* 'толстый'; *caurānā* 'расширять', *caurā* 'широкий'; *ūcānā* 'возвышать', 'повышать', *ūcā* 'высокий'.

Иногда при присоединении суффикса *-ā-* основа удваивается. Удвоение первичной основы придает глаголам большую экспрессивность. Примеры: *naknakānā* 'говорить в нос', 'гундосить' — от *nāk* 'нос'; *durdurānā* 'гнать', 'прогонять' — от *dūr* 'далекий', 'удаленный'; *cursipānā* 'наводить тишину', 'шикать' — от *cūr* 'тихий', 'спокойный'; *cīrcīrānā* 'раздражаться' — от *cīr* 'раздражение', 'досада'; *ghīnghīnānā* 'презирать', 'чувствовать отвращение' — от *ghīn* 'презрение', 'отвращение'.

От основ, оканчивающихся на *ī*, глаголы образуются при помощи суффикса *-yā-*. При этом долгий *ī* становится кратким. Примеры: *coṭiyānā* 'хватать (за волосы)', 'трепать за волосы' — от *coṭī* 'лок волос на голове'; *ḍorīyānā* 'привязывать скотину на веревку', 'вести на веревке' — от *ḍorī* 'веревка', 'бечевка'; *raṇiyānā* 'обводнять', 'орошать' — от *rānī* 'вода'; *mukīyānā* 'бить', 'избивать' — от *mukkī* 'кулак'; *laṭhiyānā* 'бить (дубинкой)', 'избивать' — от *laṭhī* 'дубинка'.

Суффикс *-yā-* представляет собой вариант суффикса *-ā-*; появление у вызвано тем, что перед *ā* стоит *ī* основы исходного слова.

Среди глаголов, образованных посредством суффикса *-iyā-*, можно выделить две группы:

1) глаголы, образовавшиеся от односложных имен, представляющих собой закрытый слог. Примеры: *nakīyānā* 'говорить в нос', 'гнусавить' — от *nāk* 'нос'; *pībīyānā* 'гноиться', 'источать гной' — от *pīb* 'гной'; *bhāgiyānā* 'чувствовать опьянение, пьянеть (от гашиша)' — от *bhāg* 'индийская конопля', 'гашиш'; *latīyānā* 'бить (ногой)', 'брыкать', 'лягать' — от *lāt* 'нога'; *hathīyānā* 'брать рукой', 'хватать' — от *hāth* 'рука';

2) глаголы, образовавшиеся от именных основ, представляющих собой закрытый слог. Примеры: *āḍiyānā* 'сидеть на яйцах', 'высиживать птенцов' — от *āḍā* 'яйцо'; *adhiyānā* 'делить пополам' — от *ādā* 'половина'; *kādhīyānā* 'толкать плечом' — от *kādhā* 'плечо'; *jutīyānā* 'бить (туфлей)' — от *jūtā* 'туфля', 'сапог'; *tambiyānā* 'покрываться медным налетом' — от *tāmbā* 'медь'.

Если в исходном слове имеется стечение двух подобных согласных, то при суффиксации один из них (обычно непридыхательный) выпадает. Примеры: *patthar* 'камень'—*patharānā* 'каменеть'; *makkar* 'паук'—*makarānā* 'двигаться, как паук'; *mukki* 'кулак'—*mukiyanā* 'бить кулаком'; *hadḍi* 'кость'—*haḍiyanā* 'выпирать (о костях)', 'слабеть', 'тошкать'

Трансформация имени в основу глагола

Многие отыменные глаголы формируются посредством преобразования исходного имени в основу отыменного глагола. Такой глагол строится по схеме: «основа (=исходное имя) + формообразующая морфема». Трансформации исходного имени в основу производного глагола обычно не сопутствуют какие-либо фонетические изменения в слове.

Таким путем образовано большинство глаголов от слов, заимствованных из других языков. Примеры: *kabūlnā* 'принимать', 'признавать'—от *qabūl* (ар.) 'принятие', 'признание'; *kharīdnā* 'покупать', 'приобретать'—от *kharīd* (перс.) 'покупка', 'купля'; *badalnā* 'меняться', 'изменяться'—от *badal* (ар.) 'изменение', 'перемена'; *pracārnā* 'пропагандировать', 'распространять'—от *pracār* (скр.) 'пропаганда', 'распространение'; *vicārnā* 'думать', 'обдумывать', 'рассматривать'—от *vicār* (скр.) 'мнение', 'рассмотрение'.

При трансформации существительных, оканчивающихся на *ā*, в основу глагола конечное *ā* утрачивается. Примеры: *tāgnā* 'продевать нитку', 'шить'—от *tāgā* 'нитка'; *parohnā* 'поливать (при помощи кожного ведра — «парохи»)'—от *parohā* 'кожаное ведро'.

Если же в исходном слове имеется стечение двух неподобных согласных, то при трансформации имени в основу глагола между согласными возникает краткий *a*. Примеры: *kharac* 'расход', 'трата'—*kharacnā* 'расходовать', 'тратить'; *harṣ* 'восторг', 'душевный подъем'—*haraṣnā* 'восторгаться'; *sahm* 'страх', 'ужас'—*sahamnā* 'бояться', 'страшиться'; *bahs* 'спор', 'диспут'—*bahasnā* 'спорить', 'обсуждать'.

СЕМАНТИКА ПРОСТЫХ ОТЫМЕННЫХ ГЛАГЛОВ

Образование глагола от имени — сложный семантический и морфологический процесс, процесс превращения названия предмета, его качества или свойства в наименование состояния субъекта или действия, производимого им.

Значение отыменного глагола, как правило, конкретно, ибо оно связано семантикой исходного имени.

Конкретность значения составляет специфику большинства отыменных глаголов. Одно слово — отыменный глагол — выражает одновременно действие и его характер, предметы, при помощи которых оно совершается, а иногда и оценку действия. Поэтому использование отыменных глаголов способствует краткости и выразительности речи.

Каково бы ни было содержание действия, обозначаемого простым отыменным глаголом, как бы ни были разнообразны эти глаголы, они обычно тяготеют к определенным общепотребительным глаголам, которые, будучи лишены конкретности или оценочности, обозначают действие как таковое. Так, например, следующие отыменные глаголы образуют синонимический ряд с общепотребительным глаголом *mārnā* 'бить', который, таким образом, является доминантой ряда: *jutiyānā* 'бить (туфлей)', *mukiyānā* 'бить (кулаком)', *laṭhiyānā* 'бить (дубинкой)', *latiyānā* 'бить (ногой)', *hathoriyānā* 'бить (молотком)'.

Отыменные глаголы в хинди образуются от различных частей речи: от существительных и прилагательных, от числительных и местоимений⁷.

Глаголы, образованные от имен существительных

При образовании глаголов от имен существительных в основу значения глагола кладется определенный признак предмета, обозначаемого исходным именем. Предмет, называемый исходным именем, имеет много признаков, из которых выделяются лишь отдельные, обычно наиболее важные в отношении практического использования предмета. Образование отыменных глаголов происходит, как правило, на основании выделения одного из существенных признаков, который и кладется в основу значения отыменного глагола. В качестве такого характерного признака могут выступать различные свойства предмета в зависимости от его специфики и особенностей.

Предметы с производственным назначением (орудия труда) имеют наиболее тесную (и поэтому легко осознаваемую) связь с определенным действием, которое обозначается отыменным глаголом. В этих случаях действие называется по орудью, т. е. предмету, посредством которого оно произво-

⁷ Из этой группы мы намеренно исключаем звукоподражательные глаголы.

дится. Глаголы, образованные от имен существительных, которые являются названиями предметов или орудий труда, имеют значение: «совершать действие с помощью этого орудия, применять данное орудие для совершения действия». Смысловые отношения между исходным именем и глаголом раскрываются как отношение предмета и его назначения в практической деятельности. К таким глаголам относятся, например, следующие: *āgochnā*⁸ 'вытирать тело (полотенцем)' от *āgochā* 'полотенце'; *kharādnā* 'обтачивать (на токарном станке)' от *kharād* 'токарный станок'; *ḍāḍiyānā* 'бить (палкой)' от *ḍāḍā* 'палка'; *ḍoriyānā* 'привязывать (веревкой)', 'вести (на веревке)' от *ḍorī* 'веревка'; *nāthnā* 'продевать в ноздри животного веревку, называемую «натх»'; *parohnā* 'черпать воду, поливать кожаным ведром «парохой»'; *laṭhiyānā* 'бить (дубинкой)' от *lāṭhī* 'дубинка'; *hathoriyānā* 'бить (молотком)', 'ковать' от *hathorī* 'молоток'.

К названиям орудий, от которых образуются отыменные глаголы, следует — конечно, условно — отнести и названия частей тела человека или животного, птицы или насекомого, которые воспринимаются как имеющие определенное назначение, и имеют такие же семантические связи с соответствующими отыменными глаголами. Отыменные глаголы, образовавшиеся от таких имен существительных, имеют значение: «производить действие, в котором (как орудие) принимает участие данная часть тела»: *kādhīyānā* '1. толкать плечом; 2. брать на плечо' от *kādhā* 'плечо'; *kehuniyānā* 'толкать (локтем)' от *kehunī* 'локоть'; *chatīyānā* '1. прижимать (ружье) к груди для прицела; 2. обнимать, прижимать к груди; 3. толкать грудью' от *chāṭī* 'грудь'; *ṭhōgnā* 'ударять (клювом)', 'клевать' от *ṭhōg* 'клюв'; *ḍākiyānā* 'жалить' от *ḍāk* ' жало'; *nakīyānā* '1. дергать носом, нюхать; 2. говорить через нос, гнусавить' от *nāk* 'нос'; *latīyānā* 'бить (ногой)', 'лягать', 'брыкать' от *lāt* 'нога'; *hathiyānā* 'брать рукой', 'хватать' от *hāth* 'рука' и др.

Примыкают к этой группе глаголы, имеющие значение: «использовать в определенных целях различные вещества», например: *cuṇiyānā* 'обмазывать известью', 'отбеливать' от *cūnā* 'известь'; *jhāvānā* 'тереть ноги (пемзой — при омовении)' от *jhāvā* 'пемза'; *raṇiyānā* 'обводнять', 'орошать' от *rānī* 'вода'; *māḍiyānā* 'крахмалить' от *māḍ* 'крахмал'; *maṭiyānā* (или *miṭiyānā*) 'чистить, начищать (землей, песком)' от *māṭī* (*miṭṭī*) 'земля'.

Отношения, которые устанавливаются между именем —

⁸ Все глаголы приводятся в инфинитиве, в той его форме, которая характерна для литературного хинди.

названием вещества или материала и отыменным глаголом, иногда носят иной характер. Глагол, образованный от имени существительного, которое является названием вещества или материала, может иметь значение: «становиться подобным этому веществу или материалу», «приобретать признаки этого вещества или материала».

Отношения между именем и глаголом в этом случае носят результативный характер. Примеры: *paṭharānā* 'становиться подобным камню', 'каменеть' от *paṭṭhar* 'камень'; *haḍḍiyānā* 'тощать', 'слабеть' от *haḍḍī* 'кость'; *kaṭhiyānā* (*kaṭhiuānā*) 'уподобляться дереву', 'деревенеть' от *kāṭh* 'дерево'; *tambiyānā* 'покрываться медным налетом', 'зеленеть' от *tāmbā* 'медь'; *papṛānā* (*papariyānā*) 'покрываться коркой', 'черстветь' от *papṛā* 'корка', 'кора', 'струп', 'короста'.

Глаголы, образованные от существительных — названий деятеля, всегда обозначают то действие, которое осознается как характерный признак деятеля. Такие глаголы имеют значение: «быть или вести себя соответственно значению исходного имени». Примеры: *nakāśnā* 'резать (по камню, кости)', 'гравировать' от *naqqāś* 'резчик', 'гравер'; *majhiyānā* 'держат переправу', 'работать лодочником' от *mājhi* 'лодочник'; *kuṭṇānā* 'соблазнять, обольщать', 'сводничать' от *kuṭṇā* 'сводник'; *ṭhakurānā* 'вести себя надменно' от *ṭhākur* 'землевладелец или богатый арендатор из раджпутов'; *babhanānā* 'вести себя тщеславно' от *bābhan* (диалектная форма от *brāhmaṇ* 'брахман'); *haklānā* 'заикаться', 'запинаться' от *haklā* 'заика'.

Исходное имя может обозначать материальный результат какого-либо действия. Отыменный глагол, образованный от такого существительного, обозначает действие, результатом которого является предмет, называемый исходным именем. Примеры: *khaliyānā* 'снимать (шкуру)', 'очищать (плод от кожуры)' от *khāl* 'кожура'; *khōcnā* 'делать прореху', 'разрывать (одежду)' от *khōc* 'прореха, дыра'; *chilnā* 'очищать (от шелухи, скорлупы)', 'шелушить' от *chil* 'шелуха', 'скорлупа'; *phāknā* 'резать (ломтиками)', 'нарезать' от *phāk* 'ломтик'; *mēṛiyānā* 'жежевать', 'разжежевывать' от *mēṛ* 'межа'.

Во всех случаях, о которых говорилось выше, отыменные глаголы образуются от названий конкретных предметов. Однако отыменные глаголы могут образовываться и от абстрактных существительных, обозначающих чувство, понятие и даже действие в его опредмеченном виде (последние имена, как правило, представляют собой заимствования).

Отыменные глаголы, образованные от названий чувств, ощущений, настроений и т. д., имеют значение: «испытывать определенное чувство, настроение, называемое исход-

ным именем». Такие глаголы, строго говоря, обозначают не действие, а состояние. Примеры: *kopnā* 'сердиться', 'гневаться' от *kop* (скр.) 'гнев'; *gussānā* 'сердиться', 'выражать гнев' от *gussā* (ар.) 'гнев, ярость'; *lajānā* 'скромничать' от *lajjā* (скр.) 'скромность', 'стыдливость'; *laraznā* 'дрожать', 'трепетать' от *larz* (перс.) 'дрожь, трепет'; *šarmānā* 'чувствовать стыд', 'стыдиться' от *šarm* (перс.) 'стыд'; *sahamnā* 'чувствовать страх', 'пугаться', 'страшиться' от *sahm* (ар.) 'страх', 'ужас'; *harasnā* 'восхищаться, восторгаться' от *harš* (скр.) 'восторг'.

Отыменные глаголы, образованные от абстрактных существительных, обозначающих отвлеченные понятия (ссора, брань и т. п.) или действия, имеют значения: «производить то, что выражено именем», «реализовать понятие, называемое исходным именем», например: *āropnā* 'обвинять' от *ārop* 'обвинение'; *galiyānā* 'ругать', 'бранить' от *gālī* 'брань', 'ругань'; *jhagarnā* 'ссориться' от *jhagrā* 'ссора'; *pracārnā* 'пропагандировать' от *pracār* 'пропаганда', 'пропагандирование'; *vicārnā* 'думать', 'обдумывать' от *vicār* 'мысль', 'дума', 'обдумывание'.

Конечно, рассмотренные случаи не исчерпывают всего многообразия значений отыменных глаголов. Такого рода связи, когда в основу глагола кладется функциональный признак предмета, обозначаемого исходным именем, или его качественный признак (вкус, цвет и некоторые другие свойства), являются, как показывает наблюдение, основными, закономерными связями между отыменным глаголом и исходным именем. Однако нередко случаи, когда в основу значения глагола кладутся другие, подчас самые неожиданные признаки. Примеры: *āḍiyānā* 'высиживать птенцов' от *āḍā* 'яйцо'; *kāchnā* 'завязывать' от *kāch* 'набедренная повязка'; *soḍiyānā* 'хватать за волосы', 'таскать за волосы' от *soḍī* 'лок волос (оставляемый на макушке)'; *ḍagarnā* 'идти пешком (по дороге)' от *ḍagar* 'путь', 'дорога'; *dhuriyānā* 'пылить' от *dhūl* 'пыль'.

Интересно отметить, что если в других языках имеются глаголы, образованные от имен собственных (ср. русские «объегорить» и «подкузьмить»), то в хинди до сих пор нам не встретилось ни одного такого глагола, хотя теоретически их образование не исключено.

Глаголы, образованные от прилагательных

Отыменные глаголы могут образовываться не только от существительных, но и от прилагательных (качественных):

Глаголы этого типа четко разделяются на две группы:

переходные и непереходные. Непереходные глаголы имеют значение «являться или становиться обладателем признака, называемого прилагательным» и выражают состояние, названное по соответствующему признаку предмета, указывая на начало состояния, его становление или постоянство. Примеры: *ambatānā* 'становиться кислым, скисать' от *ambat* 'кислый'; *karvānā* (*karuānā*) 'горчить' от *karvā* (*karuā*) 'горький'; *garmānā* 'становиться теплым', 'нагреваться' от *garm* 'теплый', 'горячий'; *dubrānā* 'худеть' от *dublā* 'худой', 'тощий'; *paglānā* 'сходить с ума', 'помешаться' от *pāgal* 'сумасшедший'; *muṭānā* 'толстеть', 'жиреть' от *moṭā* 'толстый', 'жирный'; *miṭhānā* 'делаться сладким' от *miṭha* 'сладкий'.

Переходные глаголы имеют значение «придавать предмету признак, названный прилагательным» и обозначают действие, направленное на объект с целью привести его в состояние, названное прилагательным. Примеры: *ūcānā* 'делать высоким', 'повышать', 'возвышать' от *ūcā* 'высокий'; *gahrānā* 'делать глубоким', 'углублять' от *gahrā* 'глубокий'; *cauṛānā* 'делать широким', 'расширять' от *caurā* 'широкий'; *lambānā* 'делать длинным', 'удлинять' от *lambā* 'длинный'; *halkānā* 'делать более легким', 'облегчать' от *halkā* 'легкий'.

Некоторые прилагательные обозначают действие как постоянное воспроизведение признака, обозначаемого исходным именем, который, таким образом, воспринимается как постоянный признак предмета, производящего действие. Примеры: *lāgrānā* 'хромать' от *lāgrā* 'хромой'; *tutlānā* 'шепелявить' от *tutlā* 'шепелявый'.

Глаголы, образованные от числительных] и местоимений

Возможно образование глаголов от других частей речи, хотя оно и менее распространено.

Отыменные глаголы, образовавшиеся от числительных больше единицы, имеют значение «увеличивать в определенное число раз». Глаголы, образованные от числительных дробных меньше единицы, обозначают уменьшение. Так, если глагол *dyorhānā* (*ḍavarhānā*) (от числительного *dyorhā* или *ḍavarhā* 'полтора')—увеличивать в полтора раза, 'получать за один полтора', то глагол *adhiyānā* (от числительного *ādḥā* 'половина') употребляется в значении «уменьшать наполовину», «делить пополам».

Глагол *adhikānā* (от неопределенного числительного *adhik* 'много') имеет значение «увеличивать во много раз», «умножать», «множить».

Глагол *saṭhiyānā*, образованный от числительного *sāṭh*

‘шестьдесят’, отступает от общего правила и значит «переваливать за шестьдесят», «стареть», «дряхлеть».

Единственным глаголом, образованным от местоимения, является глагол *arṇānā* ‘делать своим’, ‘осваивать’, ‘усваивать’, ‘присваивать’, ‘овладевать’, ‘приобретать’ (притяжательное местоимение *arṇā* имеет значение «свой»).

Многозначность отыменных глаголов

Отыменный глагол может иметь несколько значений, которые в конечном счете сводятся к значению исходного имени. В этом случае при образовании глагола реализуется не один, а два и более характерных признака предмета, обозначаемого исходным именем.

К примеру, медь обладает многими качествами: ковкостью, своеобразным цветом, способностью окисляться и т. д. Из этих многообразных признаков, характерных для меди, в основу значений отыменного глагола положено два: способность окисляться и покрываться налетом медной окиси (цветовой признак) и способность передавать предметам питания (хранящимся в медной посуде) особый, «медный» привкус (вкусовой признак). На основе этого образуется глагол с двумя различными значениями: *tambiyānā* ‘1. покрываться медным налетом, 2. приобретать «медный» привкус’.

Глагол может получать несколько значений не только потому, что в основу кладется два и более характерных признака; он может стать многозначным и в силу различного характера отношений предмета к действию, например: *dhuriyānā* ‘1. пылить (подымать пыль), 2. веять (отделять пыль)’; *maṭiyānā* ‘1. покрывать глиной, обмазывать, 2. чистить, начищать глиной’; *āḍiyānā* ‘1. сидеть на яйцах (о курице), 2. колоть яйца’; *kādhīyānā* ‘1. толкать плечом, 2. брать на плечо’; *chatīyānā* ‘1. толкать грудью, 2. прижимать к груди’.

Некоторые отыменные глаголы могут обозначать и активные и пассивные действия — иметь переходное и непереходное значение. Примеры: *badānā* ‘1. изменяться; 2. изменять’; *garmānā* ‘1. согреваться, нагреваться; 2. согревать, нагревать’; *gahrānā* ‘1. становиться глубоким, углубляться; 2. делать глубоким, углублять’; *ciknānā* ‘сглаживаться, выравниваться; 2. выравнивать, сглаживать, разглаживать’; *mastānā* ‘1. становиться пьяным, пьянеть; 2. напавать пьяным’; *muṭānā* ‘1. становиться толстым; 2. раскармливать’; *śarmānā* ‘1. чувствовать смущение, стыдиться; 2. стыдить, укорять’.

На основе образного, метафорического употребления отыменных глаголов у них развиваются вторичные, переносные значения. Связь между именем и глаголом в этом случае выступает не как прямая, а как опосредствованная. Связующим звеном между значением исходного имени и переносным значением глагола является его прямое значение. Так, глагол *garmānā*, образованный от прилагательного *garm* 'теплый', 'горячий', имеет прямое значение 'теплеть', 'нагреваться' и переносное—'гневаться', 'горячиться', 'сердиться'.

Значение, развившееся в результате переносного употребления отыменного глагола, всегда тяготеет к прямому значению, как наиболее устойчивому и постоянному. Эта связь между прямым и переносным значениями всегда сохраняется, коль скоро носителями языка не забыт состав глагола.

Примеры: *jutiyaṇā* (от *jūtā* 'туфля') '1. бить (туфлей), избивать; 2. (перен.) наносить оскорбление, оскорблять'; *coṭiyaṇā* (от *coṭi* 'пучок волос, оставляемый на макушке') '1. таскать за волосы, трепать за волосы; 2. (перен.) позорить, оскорблять'; *dhuriyaṇā* (от *dhūl* 'пыль') '1. пускать пыль, пылить; 2. (перен.) ловко скрывать ошибку'; *muṭāṇā* (от *moṭā* 'толстый, жирный') '1. становиться толстым, толстеть; 2. (перен.) становиться богатым, богатеть'; *saṭhiyaṇā* (от *saṭh* 'шестьдесят') '1. переваливать за шестьдесят (о возрасте); 2. (перен.) стареть, дряхлеть, выживать из ума'.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Ben., М. м.	— Rāmvṛkṣa Benipurī, <i>Māṭī kī mārātē</i> , Patnā, [S. a.].
М. А.	— Phaṇiśvarnāth Reṇu, <i>Mailā ācal</i> , Dillī, 1954.
Nag., В.	— Nāgārjun, <i>Balcanmā</i> , [S. a.].
Parti	— Phaṇiśvarnāth Reṇu, <i>Partī-parikathā</i> , Dillī, 1957.

О. Д. Жмотова

ИМЕННЫЕ ПРИЗНАКИ ИНФИНИТИВА В ХИНДИ И УРДУ

Инфинитивом, или неопределенной формой глагола, называют глагольную форму, которая выражает действие или состояние, не относя его к определенному грамматическому времени и лицу.

Показателем инфинитива в хинди и урду является морфема *-nā*, присоединяемая к основе глагола.

Инфинитив хинди и урду представляет собой форму, сочетающую в себе признаки имени существительного, прилагательного и глагола.

Обладая признаками существительного, он может употребляться в качестве имени действия, соответствуя по значению отглагольным существительным русского языка, образованным при помощи суффиксов *-ение, -нье, -ние, -ация, -ка* и др., а также именам действия хинди и урду с суффиксами *-o, -aī, -haṭ, -ā* и др.¹

Значение действия в хинди и урду передают также имена действия, заимствованные из арабского языка, так называемые масдары: *isteqbāl* 'встреча', *ittehād* 'объединение', *talaffuz* 'произношение' и др.; из иранских языков: *koṣiṣ* 'попытка', 'стремление'; *khāhiṣ* 'желание' и др.; из санскрита: *krānti* 'революция', *vṛiddhi* 'рост', 'увеличение' и др.

Несмотря на это, употребление инфинитива в качестве имени действия широко распространено и является харак-

¹ Следует оговориться, что значение действия сохраняется у различных имен действия не в одинаковой степени. Значение ряда имен действия конкретизировалось, например: *paṭāo* 'лагерь', 'бивак', *lacāo* 'гибкость', 'эластичность', *ladāo* 'груз'.

Кроме того, некоторые из них выражают также и результат действия, например: *chapāi* 'печатание' и 'издание', *likhā* 'писание' и 'письмо'.

терной особенностью хинди и урду. Способность инфинитива хинди и урду выступать в качестве имени используется для выражения ряда новых понятий: *sanaatī banānā* 'индустриализация'; *qaumī banānā*, *qaumiyānā* 'национализация'; *mašīnī banānā* 'механизация'; *khudkār mašīnī banānā* 'автоматизация'; *barqiyānā* 'электрификация'. Для урду этот способ выражения названных понятий является единственным.

Вместе с тем следует отметить, что если в инфинитиве превалирует идея действия, то в отглагольных существительных эта идея часто уступает место предметности. В связи с этим уместно упомянуть о сложных отыменных глаголах, где именная часть выражена именами действия, в частности, арабскими масдарами. В таких глаголах основное лексическое значение выражено именем действия, а вспомогательный глагол заключает в себе глагольные признаки. Значение этих имен действия и инфинитивов соответствующих сложных глаголов в целом совпадает: *īnkār—īnkār karnā* 'отказ', *istēmāl—istēmāl karnā* 'использование', 'употребление', *taslīm—taslīm karnā* 'признание' и др. Инфинитив употребляется тогда, когда нужно подчеркнуть идею действия.

Сходство инфинитива с именами действия поддерживается тем, что инфинитив хинди и урду имеет общие с именами существительными признаки в области морфологии и синтаксиса.

Инфинитиву, как и именам существительным, могут быть свойственны категории рода, числа и падежа. Как и имя существительное, инфинитив может сочетаться с послелогами, выступать в сочинительных сочетаниях с именами существительными и иметь при себе определение, выраженное местоимением и именем существительным с атрибутивным послелогом *kā*.

Наряду с этим инфинитив в хинди и урду обладает признаками прилагательного, проявляющимися в способности инфинитива в определенных случаях согласовываться в роде и числе с относящимися к нему словами.

Но в отличие от отглагольных имен инфинитив обладает признаками глагола — для него характерно значение переходности и непереходности, инфинитив способен выражать значение активного и пассивного действия, значение понудительности, а также оттенки значений, придаваемые действию потенциальными, комплетивными, интенсивными и другими глаголами.

Характерной особенностью инфинитива хинди и урду является то, что при инфинитиве непереходного глагола

может выступать слово в прямом падеже, выражающее субъект действия, например: *un se mulākāt ho jānā bahut saral nahī hai* (Yaś., Dekh., so., sa., 9) 'Встретиться с ним не очень просто'; *Agle din sūraj nikalne se pahle hī bacca ghar se bhāg niklā* (Ab., P., 170) 'На следующий день еще до восхода солнца ребенок убежал из дома'.

Как и личные формы глагола, инфинитив может распространяться прямым и косвенным дополнением, обстоятельственными словами и иметь при себе предикативное слово.

Śāyad us din pichlī rātse bhūkhī hone ke kāraṇ vah aur bhī murjhāī huī lag rahī ho (Yaś., T. k., 14) 'Возможно, она казалась еще более похудевшей из-за того, что весь этот день (со вчерашнего вечера) была голодна'; *Rāmā jāntī thī kī Minnī Renū jo us kī apnī laṛkī na hone par bhī, kitnā cāhtī hai, kitna pyār kartī* (Sv., 26. VII. 1957) 'Рама знала, как любит ее Минни Рену, несмотря на то, что Минни Рену не ее дочь'.

Инфинитив и относящиеся к нему слова образуют инфинитивный оборот, например: *rāste me ek-do bār pletfarm par utarne se kucch mināṭ ke liye hī mulākāt huī thī* (Yaś., Lo. dī., 13) 'Благодаря тому, что мы в пути несколько раз выходили на платформу, мы виделись с ним несколько минут'.

В подобных оборотах может выступать инфинитив с отрицанием, а также инфинитив в сочетании с различными глаголами, например в сочетании с глаголом *denā* в значении «позволять»: *1917 kī krānti ke bād pūjivādī deśō ne soviyat ko cārō or se gherkar samājvādī krānti kā prabhāv bāhar na phailne dene kā bharsak prayatna kiyā thā* (Yaś., Lo. dī., 217) 'После революции 1917 года капиталистические страны, окружавшие со всех сторон Советский Союз, по мере сил старались не допустить распространения влияния социалистической революции за пределы Советского Союза'.

Настоящая статья является частью работы, посвященной инфинитиву в хинди и урду. В ней рассматриваются именные признаки инфинитива².

Сначала рассмотрим свойственные инфинитиву признаки имен существительных в следующем порядке:

I. Морфологические признаки инфинитива.

II. Синтаксические признаки инфинитива.

² Глагольным признакам инфинитива посвящена наша статья «Глагольные черты инфинитива хинди и урду» (сб. «Языки Индии», М., 1961).

1. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ИНФИНИТИВА

1. Род

Для хинди и урду категория рода является одной из наиболее важных категорий имени. Именам существительным в хинди и урду свойственны категории двух родов — мужского и женского. Инфинитив хинди и урду обладает категорией мужского рода.

Категория рода инфинитива в хинди и урду выражается при помощи морфологических и синтаксических средств.

Имена существительные, оканчивающиеся на *-ā*, как правило, относятся к существительным мужского рода. Окончание инфинитива *-ā* также можно считать морфологическим показателем мужского рода. При образовании формы прямого падежа множественного числа и формы косвенного падежа единственного числа окончание *-ā* меняется на *-e*.

Синтаксически категория рода инфинитива в хинди и урду проявляется в согласовании с инфинитивом определения, выраженного местоимением и существительным с послелогом *kā*. Местоимения и послелог *kā*, согласующиеся с инфинитивом, выступают в форме мужского рода, например: *mahilāō ne hamāre jāne par nāk sikoṛne ke bajāy prasannatā hī prakat kī* (Yaś., Lo. di., 32) 'При нашем появлении женщины не выказывали недовольства, они были даже любезны'; *mujhe ek puṣpa ke marne kā afsos hai* (K. C., Nam vah., 36) 'Я жалею о гибели какого-то цветка'.

2. Число

Инфинитив может выступать в качестве абстрактного существительного³ и поэтому, как правило, не имеет множественного числа⁴.

Употребление инфинитива в форме множественного числа бывает сопряжено с тем, что он приобретает значение конкретности.

Приобретение инфинитивами конкретных значений привело в некоторых случаях к тому, что они, утратив глагольные свойства, полностью перешли в разряд существи-

³ Абстрактные существительные в отличие от конкретных имен существительных употребляются обычно лишь в форме единственного числа.

⁴ Случаи, когда инфинитив выступает в форме множественного числа, согласуясь со словом в прямом падеже, обозначающим субъект или объект действия, выраженного инфинитивом, будут рассмотрены ниже (см. раздел «Признаки прилагательного, присущие инфинитиву»).

тельных, например: *aise gāne hamē nahī ma'lūm* (Sud., Т., 69) 'Такие песни нам неизвестны'.

Утрата глагольных свойств выражается в том, что инфинитив с конкретным значением не может иметь прямого дополнения и сочетаться со словом в прямом падеже, обозначающим субъект действия, выраженного инфинитивом.

Следует сказать, что в хинди и урду употребление инфинитива с конкретным значением — сравнительно редкое явление.

3. Падеж

В хинди и урду отмечают наличие трех падежей: прямого, звательного и косвенного⁵.

Прямой падеж хинди и урду соответствует именительному и отчасти винительному падежам русского языка. Звательный падеж является падежом названия лица, к которому обращена речь. Форма косвенного падежа имен существительных хинди и урду самостоятельно не употребляется. Она может выражать отношения существительного к другим словам в предложении только в сочетании с последом.

Имена существительные мужского рода, оканчивающиеся на *-ā*, исключая санскритские и иранские имена существительные и некоторые термины родства хинди, образуют форму косвенного падежа единственного числа заменой окончания *-ā* на *-e*.

Форма косвенного падежа множественного числа имен существительных образуется присоединением к основе окончания *-ō*.

Инфинитив хинди и урду может выступать, как правило, в форме прямого и косвенного падежа единственного числа и в определенных случаях в форме прямого и косвенного падежа множественного числа.

Образование форм прямого и косвенного падежа един-

⁵ По вопросу о существовании падежей в хинди и урду нет единой точки зрения. Одни исследователи [см., например, А. П. Баранников, *Хиндустани (урду и хинди)*, Л., 1934] считают, что падежей нет, а имеется категория формы (прямой и косвенной); другие — авторы грамматик на английском языке (см., например, J. T. Platts, *A Grammar of the Hindūstānī or Urdū language*, London, 1874), исходя из норм санскрита и перенося эти нормы на язык хинди и урду, называют восемь падежей. В новых работах отмечают три падежа: прямой, звательный и косвенный (см.: T. G. Bailey, *Studies in North Indian Languages*, London, 1938; H. M. Hoenigswald, *Declension and Nasalization in Hindustani*, — «Journal of American oriental society», 1948, v. 68, № 3; Т. Е. Катенина, *Краткий очерк грамматики языка хинди*, — в кн.: «Русско-хинди словарь», М., 1957).

ственного и множественного числа инфинитива ничем не отличается от образования указанных форм существительных, оканчивающихся на -ā. Примеры: *aur rāt ke do baje tak filmī gānō kī āvāz sunāt detī rahtī hai* (К. С., Subh h., 34) 'И до двух часов ночи продолжали раздаваться звуки песен из фильмов'; *aisē gāne hamē nahī ma'lūm* (Sud., T., 69) 'Такие песни нам неизвестны'.

В форме звательного падежа инфинитив никогда не употребляется, так как он не может обозначать лицо, к которому обращена речь.

II. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ИНФИНИТИВА И ОСЛОЖНЕНИЕ ЕГО РАСПРОСТРАНЯЮЩИМИ СЛОВАМИ

1. Употребление инфинитива с послелогоми

В большинстве случаев инфинитив выступает в предложении в сочетании с послелогоми.

Он может сочетаться как с простыми, так и со сложными послелогоми. Послелог, выступающий с инфинитивом, имеет те же значения, что и в сочетании с именами существительными.

Выступая с послелогоми, инфинитив, как и имя существительное, имеет форму косвенного падежа большей частью единственного числа, например: *Puāre ne us ke baiṭhne par pūchā* (Gur., M., 219) 'Пьяре спросил его после того, как он сел'; *Ab kī lām par jāne ke pahle us ke jī mē bahut āyā kī vah mā ko ek patra likh de* (Gur., M., 44) 'На этот раз перед отправлением на фронт ему очень хотелось написать письмо матери'; *tumhē apnā khūn ek kāle bacce ko dene mē koī 'iterāz nahī?* (Ab., P., 193) 'Вы не возражаете против того, чтобы дать свою кровь черному ребенку?'; *vah āp ko baiṭhne ke liye kursī peś karte hāī* (К. Лāl Кар., Śī. te., 91) 'Они предлагают вам стул для того, чтобы вы сели'.

Когда инфинитив выступает в предложении в качестве прямого дополнения, он может сочетаться с послелогом *ko*: *merā dil us se bātē karne ko cāhtā hai* (К. С., Ul. d., 64) 'Я хочу говорить с ним'.

Но обычно инфинитив, выполняющий функцию прямого дополнения, выступает без послелога *ko*, например: *māī āp ko tārtkī mē rakhnā nahī cāhtā. Apereśan sākht hai* (Sud., C., 34) 'Я не хочу оставлять вас в неведении. Операция серьезная'; *māī bhī ek ghoṭa khā gayā lekin tairnā jāntā thā koī andeśa na thā* (Pr., Va., 71) 'Я тоже нырнул, но так как умел плавать, я нисколько не боялся'.

Инфинитив не сочетается с послелогоми, выражающими пространственные отношения. Это объясняется семантикой инфинитива, который обозначает действие или состояние.

2. Сочинительные сочетания инфинитива с именами существительными

Именной характер инфинитива проявляется также в его способности выступать в сочинительных сочетаниях с именами существительными.

В таких сочетаниях инфинитив и имя существительное выступают в качестве однородных членов предложения. Находясь перед или после существительного, инфинитив связывается с ним при помощи соединительного или противительного союза или без помощи союзов. Чаще инфинитив сочетается с существительными, имеющими значение действия. Инфинитив и существительное относятся к одному и тому же члену предложения и могут иметь одни и те же распространяющие слова. Примеры: *aur is mūsīqī aur is gāne mē nau baras ke kāle bacce ko nau hazār baras kī dāstān sunāi detī* (Ab., P., 178) '...и в этой музыке, и в этом пении девятилетнему темнокожему ребенку слышался рассказ, уносящий его на девять тысяч лет назад'; *būṛhe ne apne mulk ke karōṛ kāle rang ke logō ko khuddārī sikhāi thī, khuddārī, khud'itemādī, āzādī aur usūlō ke liye laṛ jānā, mar jānā* (Ab., P., 206) 'Старец учил миллионы черных людей своей страны самообладанию, уверенности в себе, учил бороться и умирать за свободу и за принципы'.

В первом примере имя существительное *mūsīqī* 'музыка' и инфинитив *gānā* 'пение' выполняют функцию косвенного дополнения и соединены между собой союзом *aur* 'и'. В следующем примере два инфинитива и имена существительные выступают в предложении в качестве однородных членов, как прямые дополнения.

3. Определение при инфинитиве

Инфинитив может иметь при себе определения, выраженные местоимением и именем существительным с атрибутивным послелогом *kā*. Из местоимений в качестве определения к инфинитиву особенно часто выступают притяжательные и указательные местоимения. Примеры: *goyā use yaqīn ho sukā thā kī merā bhāgnā nāmumkin hai* (Sud., C., 291) 'Как будто он был уверен, что теперь мое бегство невозможно'; *ab bhī mere bacche kī umīd hai* (Ab., P., 179) 'Даже теперь есть надежда на мое спасение'; *us kā bolnā al-*

batta th̥k hai (Mīr Am., B. bah., 9) 'Его высказывание безусловно правдиво'; *parantu unkā ānā viphal nah̥ huā* (Ašk, Garm r., 32) 'Но его приход не оказался бесполезным'; *Ninni ko Lākhī kā hāsna acchā lagā* (V., Mīgn., 48) 'Нинни понравился смех Лакхи'; *dūstre tīr ke cālne kī bārī nah̥ āī* (там же, 53) 'Следующая стрела не полетела'; *dunyā ke aman aur khāskar yurop kī behūdī ke liye mašriqī aur maghribī yurop ke mumālik mē dostāna ta'lluqāt kā honā zarūrī hai* (N. Z., 3. XI. 1955) 'Для мира во всем мире и особенно для благоденствия в Европе необходимо наличие дружественных отношений между странами Восточной и Западной Европы'; *Aśā mā ko ākhīrī ghūṭ pānī ke dene kī koṣiś kar rahī thī* (Ism. Cu., Z., 6) 'Аша пыталась дать матери последний глоток воды'.

В первом примере определение к инфинитиву, выраженное притяжательным местоимением *merā* 'мой', согласуется с инфинитивом в роде, числе и падеже (мужской род, единственное число, прямой падеж).

В следующем примере то же местоимение выступает в форме косвенного падежа, так как и инфинитив стоит в косвенном падеже.

В первом из двух последующих примеров в качестве определения к инфинитиву выступает указательное местоимение *vah* 'тот' в единственном числе, во втором — во множественном с атрибутивным послелогом *kā*. Послелог *kā* согласуется с инфинитивом в роде, числе и падеже (мужской род, единственное число, прямой падеж).

В последних четырех примерах определения выражены существительными с атрибутивным послелогом *kā*, который согласуется с инфинитивом в роде (мужском) и падеже — прямом (в первом и третьем примерах), косвенном (во втором и четвертом).

Следует отметить, что в случае с инфинитивом переходного глагола определение, выраженное существительным или местоимением с послелогом *kā*, называет субъект действия, обозначенного данным инфинитивом.

При инфинитиве переходного глагола определение, выраженное существительным или местоимением с послелогом *kā*, может называть и объект действия: *Fa'l... jumle ke bānāne mē bahut karāmad hotā hai* (A. Naq, Q., 195) 'Глагол является необходимым элементом при построении предложения', и субъект, например: *Sardārīlāl kisī kā kahna nā mānegā* (Sūd., C., 207) 'Сардарилал не согласится ни с чьими словами'.

Характерно, что инфинитив переходных и непереходных глаголов в отношении средств связи с другими словами

функционирует то как глагол, то как имя. В одних случаях слово, обозначающее прямой объект действия, выраженного инфинитивом, может быть оформлено послелогом *ko* или выступать без послелога, т. е. так же, как и перед другими формами глагола. Примеры: *Mohan rassī ko torṇe kī koṣīṣ karne lagā* (К. С., Ul. d., 121) 'Мохан попытался разорвать веревку'; *māl śirf gīt sunne āyā hū* (К. С., Ek, 62) 'Я пришел только для того, чтобы послушать песню'.

В других случаях, как указывалось выше, слово, обозначающее прямой объект действия, выраженного инфинитивом, может выступать в качестве определения к инфинитиву, т. е. в сочетании с послелогом *kā*, например: *jaise mujh se koī cīz chipānā cāhtī hai aur jaise māl is cīz ke chipāne kā mauqā' de rahā hū* (Pr., Va., 51) 'Как будто она хочет спрятать от меня какую-то вещь и как будто я даю ей возможность спрятать эту вещь'.

В одном и том же предложении в первом случае слово *cīz* 'вещь' выступает как прямое дополнение к инфинитиву *chipānā* 'прятать', а во втором — то же слово *cīz* выступает как определение к инфинитиву того же самого глагола.

То же можно сказать в отношении связи инфинитива непереходных глаголов со словом, обозначающим субъект действия, выраженного инфинитивом. Это слово может выступать либо в форме прямого падежа, как и перед личными формами глагола, например: *akhbār band hone ke thore din ba'd Rājan ke ghar kī talāṣī hūī thī* (К. С., Subh h., 98) 'Через несколько дней после того как газета закрылась, в доме Раджана был произведен обыск', либо в форме косвенного падежа с послелогом *kā*, т. е. в качестве определения, например: *śānta vidyālay ke khulne se pahle Gopal Nagar kī laṛkiyō ko Nisbat rod ādi vidyālayō mē jānā partā thā* (Ašk, Garm r., 31) 'До открытия института «Шанта» девушкам Гопал Нагара приходилось ходить в институт на Нисбат-Род и в другие институты'.

ПРИЗНАКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО, ПРИСУЩИЕ ИНФИНИТИВУ

Инфинитиву присущи также признаки прилагательного, которые проявляются в том, что инфинитив в определенных условиях может согласовываться в роде и числе с относящимися к нему словами.

1. Соглашаясь со словом в прямом падеже, выражающим субъект или объект действия, обозначенного инфинитивом, инфинитив может выступать в форме женского или мужского рода множественного числа тогда, когда он выполняет в

предложении функцию подлежащего. Примеры: *yahā to sās lent muṣkil hai* (Pr. Kh., 149) 'Здесь трудно дышать'; *jab hamē navīn tīrthō kā arthabatānā paṛā to hamē jhū-jhlahat honī svabhāvik thī* (Hin., 24. XII. 1957) 'Когда нам пришлось рассказывать о значении новых мест паломничества, то наше недовольство было естественным'; *yahā par is drāme ka cand iqtibās naql karne śāyad be maḥal nahī hōge* (Maṇṭo, Gan., 114) 'Привести здесь некоторые выдержки из этой драмы не будет неуместным'.

В первом примере инфинитив выступает в форме женского рода, так как согласуется в роде со словом, обозначающим прямой объект действия, выраженного инфинитивом.

Во втором примере инфинитив согласуется со словом, обозначающим субъект действия, называемого инфинитивом, и также выраженным существительным женского рода. В последнем примере инфинитив согласуется со словом, обозначающим прямой объект действия, которое передано инфинитивом.

Чаще, однако, инфинитив, выполняющий функцию подлежащего, не согласуется с относящимися к нему словами и выступает в форме мужского рода единственного числа, например: *ājkal rel mē jagah milnā baṛā kaṭhin hai* (Yu., 1. XI. 1958, 16) 'В настоящее время найти место в поезде трудно'.

II. Согласование инфинитива может иметь место и в тех случаях, когда он входит в состав оборотов, выражающих долженствование⁶.

В оборотах со значением долженствования инфинитив сочетается с глаголами *honā* 'быть', *paṛnā* 'падать' и отглагольным наречием *sāhiye* 'нужно', 'следует'. Эти обороты различаются по смыслу.

Сочетание инфинитива с глаголом *honā* 'быть' выражает обязательство, взятое по отношению к самому себе и допускающее свободу выбора. Часто оно обозначает условие, необходимое для успешного осуществления каких-либо планов: *tujhe kahā jānā hai* (Gur., M., 182) 'Куда ты должен идти?'.

Сочетание инфинитива с глаголом *paṛnā* 'падать' передает значение неизбежности совершения действия, вызванной внешними обстоятельствами, например: *is ke ek mahīna ba'd mujhe kār o bār ke silsile mē ghair mumālīk jānā paṛā* (Pr., Va., 48) 'Через месяц после этого мне пришлось поехать за границу по делам'.

⁶ Это отмечает и Мейль (см. P. Meile, *Infinitives adjectives en hindi*, — «Bulletin de la Société Linguistique de Paris», t. 44, fasc. II, Paris, 1948, pp. 74—81).

Сочетание инфинитива с наречием *cāhiye*⁷ 'нужно', 'необходимо' выражает необходимость совершения действия. Долженствование в этом обороте выражено менее категорично, чем в двух предыдущих.

Сочетание инфинитива с формой *cāhiye* может передавать значение необходимости в плане настоящего или будущего времени. Для выражения значения необходимости в прошлом употребляется наречие *cāhiye* с формой прошедшего несовершенного времени от глагола *honā* 'быть': *tumhē kistī ustād se rāg ke sabaq lenā cāhiyē* (Q., A., 213) 'Вам нужно брать уроки пения у какого-нибудь учителя'; *tumhē yeh mauqa' khonā nahī cāhiye thā* (Is., Cir., 350) 'Вам не следовало упускать этот случай'.

В состав оборотов со значением долженствования может входить существительное или местоимение⁸ с послелогом *ko* (в значении дательного падежа), которое выражает лицо, совершающее действие или испытывающее то или иное состояние: *admī ko širf baṭan dabānā cāhiye* (K. C., Ul. d., 50) 'Человеку нужно только нажать кнопку'.

В случае отсутствия имен с послелогом *ko* инфинитив в таких оборотах может выступать как в форме действительного, так и страдательного залогов. Примеры:

merī bīvī ke pās cand zavar the vah farokht dene paṛe (Sud., C., 128) 'У моей жены было несколько драгоценных вещей — их пришлось продать'; *in gāō mē varṣā ke pānī ke upayog ke liye tālāb yā choṭe bādḥ banāe jāne cāhiye* (Hin., 2. XII. 1957) 'Для использования дождевой воды в этих деревнях нужно создать водоемы или небольшие плотины'.

Признаки прилагательного у инфинитива в этих сочетаниях проявляются в том, что он может согласовываться в роде и числе с относящимся к нему словом, стоящим в прямом падеже и выражающим субъект действия, названного инфинитивом (в случае с непереходным глаголом), или объект (если глагол переходный).

Примеры на сочетание инфинитива с глаголом *honā*: *mujhe āp se abhī kucch bātē karnī hāī* (Pr., Sev., 158) 'Я сейчас должен сказать вам несколько слов'; *yeh tumhārī taklīf ke mu'āvaza ke ṭaur par hai. tumhē qabūl karne*

⁷ Наречие *cāhiye* по форме является желательным наклонением от глагола *cāhnā* 'хотеть', 'желать'. Согласуясь с подлежащим, наречие *cāhiye* может выступать в форме множественного числа *cāhiyē*. Чаше это наречие употребляется в форме *cāhiye*.

⁸ Личные и указательные местоимения, выполняющие ту же функцию, могут выступать не в сочетании с послелогом *ko*, а в своих флективных формах.

hōge (Sud., Q., 83) 'Это награда за твои страдания; ты должен принять их [деньги]'.

Примеры на сочетание инфинитива с глаголом *paṛnā*: *biyāh se kucch dīn pahle use Lengle ke pās naukrī karnī paṛī* (Pr., K., 8) 'За несколько дней до свадьбы ему пришлось работать у Ленглы'; *lekin Āftāb kō apne ĩaur ĩarīq kuch badalne hī paṛēge* (Is., Cir., 42) 'Но Афтабу придется несколько изменить свое поведение'.

Примеры на сочетание инфинитива с наречием *cāhiye*: *bhāt tumhē is tarah kī bāt nahī karnī cāhiye* (Gur., M., 90) 'Брат, тебе не следует говорить так'; *mujhe pūre vāq'āt ma'lūm hone cāhiyē* (Maṇṭo, C., 69) 'Мне должны быть известны все события'.

Согласование инфинитива, однако, не является обязательным. Но в этом случае со словом в прямом падеже, относящимся к инфинитиву, обязательно согласуются глаголы *honā*, *paṛnā* и глагол-связка, выступающая в форме прошедшего несовершенного времени в сочетании с наречием *cāhiye*. Примеры: *is kām kī jaldī karnā hai* (V., Mgn., 72) 'Это дело надо сделать скорее'; *ma'lūm huā kī ek rūpaya terah āne denā hai* (Cugh., Ph., 282) 'Выяснилось, что нужно отдать одну рупию и тринадцать анн'; *majbūrā Sardārīlāl ko zanjīr manzūr karnā paṛī* (Sud., C., 198) 'Поневоле Сардарилалу пришлось примириться с оковами'; *kahā jāntī ho kitnī taklīfē uṭhānā paṛēgi* (Pr., Kh., 209) '...сказал: «Знаешь ли ты, сколько придется перенести трудностей...»'; *aisī choṭī choṭī cīzē to tumhē khud dhō lenā cāhiyē* (Maṇṭo, B., 15) 'Такие мелкие вещи Вам нужно постирать самому'; *us kī šādī kar denā cāhiye* (Maṇṭo, B., 61) 'Его следует женить'.

Как показывают примеры, обороты с несогласующимся инфинитивом не теряют значения долженствования. Следует отметить, что в оборотах, выражающих долженствование, инфинитив чаще согласуется со словом в прямом падеже. Так, в 81 из 94 проанализированных нами случаев инфинитив, выступающий с наречием *cāhiye*, согласуется в роде и числе с относящимися к нему словами⁹.

Из 72 случаев употребления инфинитива с глаголом *honā* 'быть' в 52 инфинитив согласуется в роде и числе.

Из 85 случаев употребления инфинитива с глаголом *paṛnā* 'падать' инфинитив согласуется в 54.

III. Употребление инфинитива в форме женского рода и

⁹ При подсчете учитывались только случаи, когда относящиеся к инфинитиву слова выступают в форме женского рода или мужского рода множественного числа.

мужского рода множественного числа возможно также в тех случаях, когда он выступает в сочетании с глаголами, обозначающими начало действия: *šurū honā, ārambh honā* 'начинаться' и *šurū karnā, ārambh karnā* 'начинать'. Примеры: *idhar yeh log jāgne šurū' hue* (K. C., Ul. d., 117) 'Тогда эти люди начали просыпаться'; *māl ne jeb se rūmāl nikālā aur us ke āsū pōchne šurū' kiye* (Maṇṭo, C., 35) 'Я достал из кармана носовой платок и стал вытирать ей слезы'; *Banvārīlāl ne Sardārīlāl par jarah karnī šurū' kī* (Sud., C., 219) 'Банварилал стал допрашивать Сардарилала'; *aur vahī śrī catak ke sāth calte calte unhō ne vibhinna nām gināne ārambh kiye...* (Ašk, Gagnī., 18) 'И тогда, идя вместе с господином Чатаком, они начали перечислять различные имена...'; *sūrya lagbhag kṣitij par pahūc kar chipā hī cāhtā thā kī vīmān ne cāl pakarṇī ārambh kī* (Yaś., Lo. dī., 15) 'Солнце почти достигнув горизонта, готово было скрыться, когда самолет начал набирать скорость'.

В приведенных примерах инфинитив, выступающий в сочетании с глаголами *šurū karnā, ārambh karnā* 'начинать', а также с глаголами *šurū honā* и *ārambh honā* 'начинаться', меняет свое окончание в зависимости от рода и числа существительного, стоящего в прямом падеже и относящегося к инфинитиву.

Но и в этих сочетаниях у инфинитива не всегда проявляются признаки прилагательного. Примеры: *māl ne us se kuch kahṇā cāhā magar unhō ne sunne se inkār kar diyā aur boṭal kholna šurū' kar dī* (Maṇṭo, Gan., 129) 'Я хотел сказать ему что-то, но он отказался слушать и стал открывать бутылку'; *lekin bārīš śubh tak hotī rahī aur makā-nāt gīrnā šurū' ho gaye* (Śah., № 11, 1953) 'Но дождь продолжался до утра, и дома начали рушиться'; *magar ab us ke sūkhē honṭō par ek 'ajīb sī muskarāhaṭ namūdār honā šurū' hui* (Q., A., 44) 'Но теперь на его пересохших губах начала появляться удивительная улыбка'.

В сочетаниях инфинитива с глаголами, обозначающими начало действия, как и в оборотах, выражающих долженствование, в большинстве случаев наблюдается согласование инфинитива с относящимися к нему словами. Из 106 сочетаний инфинитива с глаголами *šurū karnā* и *šurū honā* в 63 инфинитив меняет свое окончание.

IV. Все сказанное о сочетаниях инфинитива с глаголами, обозначающими начало действия, в равной степени относится и к сочетаниям инфинитива с глаголами, обозначающими окончание, прекращение действия, например: *khatam karna, band karna* 'оканчивать', 'прекращать'; *khatam honā, band honā* 'оканчиваться', 'прекращаться'.

Примеры: *us kī sazā mē akhbār vāle ne agle din se us ko akhbār dene band kar diye* (Ab., P., 172) 'В наказание за это владелец газеты со следующего дня прекратил давать ему газеты'; *lekin tum ne kabhī yeh bhī socā kī māī agar śādī kar lūgi to vah raqm jo mujhe Darā kī jāedād se māvār miltī hai milnī band ho jāyegī* (Is., Cir., 414) 'Но ты иногда думала и о том, что когда я выйду замуж, то перестану получать ту сумму, которую я ежемесячно получала из средств Дары'.

Однако и в подобных сочетаниях инфинитив может выступать в своей неизменной форме, например: *ekāek us kī ākhō se motī gīrnā band ho gaye* (K. C., Ul. d., 44) 'Внезапно жемчужины перестали падать из ее глаз'; *lekin jōhī un kī tāj hīlnā band ho jāti ham sab samajh jāte kī vah gahrī nīd so gaye hāi* (Manṭo, Gan., 225) 'Но, как только его нога переставала двигаться, все мы понимали, что он заснул крепким сном'.

В случае согласования инфинитива обязательно наличествует и согласование сказуемого с этими же словами. Когда употребляется несогласованный инфинитив, сказуемое чаще согласуется со словами, относящимися к инфинитиву, но может выступать и в форме мужского рода единственного числа. Примеры: *us ne Nānak Cand se bāt cīt karnā band kar diyā thā* (Sud., C., 163) 'Он перестал разговаривать с Нанакчандом'; *Šam Dās ne lambī lambī tārikhē dālnā šurū kiyā* (Sud., Q., 39) 'Шамдас стал назначать длительные сроки'; *aur unhō ne sādhutā se bāt karnā ārambh kiyā* (Yaś., Dekh., so., sa., 7) 'И они стали говорить вежливо'.

V. Признаки прилагательного могут проявиться и у инфинитива, выступающего в сочетаниях с глаголом *cāhnā* 'хотеть', 'желать'. Примеры: *hamāre vidyārthiyō ne un se prācīn aur ādhunik āngrezī sāhitya ke viśay mē kuch bātē jānnī cāhī, parantu ve uttar na de sake* (Yaś., Lo. dī., 189) 'Наши студенты хотели узнать у них кое-что о древней и современной английской литературе, но они не смогли объяснить'; *abhī hāl mē ham ne apne ek mitra se jo kī sarkārī karmacārī hāi Uttar Pradeś ke nirmān ke bāre mē jānkārī prāpta karnī cāhī* (Hīn., 24. XII. 1957) 'Теперь мы хотели узнать у нашего друга, который является государственным служащим, о строительстве в Уттар-Прадеш'; *agar ham is 'ilāqe ke mujāhidō ko madad karnī cāhte hāi, to...* (Im., 4. V. 1958) 'Если мы хотим помочь борцам этого района, то...'

Здесь также инфинитив не обязательно выступает в форме женского рода или мужского рода множественного числа.

В отличие от рассмотренных ранее сочетаний, в сочетаниях с глаголом *cāhnā* инфинитив чаще, не согласуясь, выступает в форме мужского рода единственного числа (в 36 случаях из 50). Примеры: *ḍrāivār jī mujh se śādī karnā cāhā thā* (Kah., XII. 1957) 'Шофер хотел жениться на мне'; *māī ne urdū mē bāt karnā cahi to ma'lūm huā kī urdū nahī bol sakte* (Аһ., G., 51) 'Когда я хотел заговорить на урду, выяснилось, что они не могут говорить на урду'.

Мунши Тхакардас Пахва¹⁰ отмечает, что согласование инфинитива, выступающего в сочетаниях с глаголом *cāhnā*, особенно часто встречается в тех случаях, когда в предложении слово, обозначающее субъект действия, выступает с послелогом деятеля *ne*. Отметим также, что когда сказуемое, выраженное глаголом *cāhnā*, стоит в одной из форм прошедшего совершенного времени, то при равных условиях инфинитив чаще меняет окончание.

* *

*

Таким образом, инфинитиву в хинди и урду свойственны признаки прилагательного, проявляющиеся в способности согласовываться в роде и числе со словом в прямом падеже, выражающим объект или субъект действия. Согласование, однако, не является обязательной нормой для хинди и урду. В одинаковых по значению сочетаниях можно наблюдать употребление различных форм инфинитива.

Некоторые лингвисты¹¹ считают, что форма инфинитива в подобных сочетаниях зависит от местного диалекта той области, где родился тот или иной автор.

В заключение отметим, что во всех рассмотренных сочетаниях (с глаголами *honā*, *paṛnā* и наречием *cāhiye*, с глаголами, обозначающими начало и окончание действия, с глаголом *cāhnā*), а также тогда, когда инфинитив выполняет функцию подлежащего, инфинитив всегда выступает в форме мужского рода единственного числа в следующих случаях:

1) если при нем нет слова в прямом падеже: *āj mujhe bhī marnā hai* (K. C., Nam vah., 89) 'Сегодня я должен умереть';

2) если слово, выражающее прямой объект, является существительным с послелогом *ko*: *vah mā ko chornā nahī cāhtā* (Gur., M., 37) 'Он не хотел покидать мать';

¹⁰ Munshi Thakardass Pahwa, *The pucca munshi*, 2d ed., Peshawar, 1936, p. 277.

¹¹ J. T. Platts, *Grammar of the Hindūstānī or Urdū language*, London, 1874, p. 328; 'Abd-ul-Haq, *Qavā'id-e-urdū*, Delhī, 1940, s. 195.

3) если прямой объект выражен инфинитивом: *yeh bhī zāhir hai ki darjanō adbā ko likhnā band karnā paṛegā* (К. Лāl Кар., Śī. te., 106) 'Ясно также и то, что десяткам писателей придется прекратить писать';

4) и, наконец, во всех тех случаях, когда слово, с которым инфинитив может согласовываться, требовало бы постановки инфинитива в форме мужского рода единственного числа.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

A. Haq, Q.	— 'Abd-ul-Haq, <i>Qavā'id-e-urdū</i> , Delhi, 1940.
Ab., P.	— Khwaja Aḥmad 'Abbās, <i>Pāō mē phūl</i> , Bambaī, 1948.
Aḥ., G.	— 'Aziz Aḥmad, <i>Gurez</i> , Lahaur, 1955.
Ašk, Garm r.	— Upendranāth Ašk, <i>Garm rākh</i> , Ilāhābād, 1952.
Cugh., Ph.	— 'Azimbeg Cughtāi, <i>Phurairī</i> , Karāci, [S. a.].
Gup., M.	— Bhairavprasād Gupta, <i>Maśāl</i> , Ilāhābād, 1951.
Hin.	— «Hindustān».
Im.	— «Imroz».
Ism. Cu., Z.	— 'Ismat Cughtāi, <i>Ziddī</i> , Dehlī, 1950.
Is., Cir.	— Im Islam, <i>Cirāgh-e-maḥfil</i> , Lahaur, 1950.
Kah.	— «Kahāni».
K. C., Ek	— Kriṣan Candar, <i>Ek girjā ek khandaq</i> , Bambaī, 1948.
K. C., Ham vah.	— Kriṣan Candar, <i>Ham vahśī hāt</i> , Ilāhābād, 1952.
K. C., Šubh h.	— Kriṣan Candar, <i>Šubh hotī hai</i> , Bambaī, 1948.
K. C., Ul. d.	— Kriṣan Candar, <i>Uṭṭā darakht</i> , Dillī, 1954.
K.Lāl Kap., Śī. te.	— Kanhayālāl Kapūr, <i>Šiša o teša</i> , Lahaur, 1950.
Mañṭo, B.	— Sa'adat Husn Mañṭo, <i>Burqe'</i> , Lahaur, 1955.
Mañṭo, C.	— Sa'adat Husn Mañṭo, <i>Cughad</i> , Bambaī, 1948.
Mañṭo, Gan.	— Sa'adat Husn Mañṭo, <i>Ganje firište</i> , Lahaur, 1953.
Mir. Am., B. bah.	— Mir Amman, <i>Bāgh o bahār</i> , Lahaur, 1952.
N. Z.	— «Nayā Zamāna».
Pr., K.	— Premcand, <i>Kocvān</i> , Lahaur, [S. a.].
Pr., Kh.	— Premcand, <i>Khvāb o khayāl</i> , Dehlī, [S. a.].
Pr., Sev.	— Premcand, <i>Sevāsadan</i> , Ilāhābād, [S. a.]
Pr., Va.	— Premcand, <i>Vāridāt</i> , Lahaur, 1952.
Q., A.	— Aḥmad Nadim Qāsmī, <i>Āble</i> , Lahaur, 1949.
Sud., C.	— Sudaršan, <i>Candan</i> , Lahaur, 1927.
Sud., Q.	— Sudaršan, <i>Qaus Quzaḥ</i> , Lahaur, 1921.
Sud., T.	— Sudaršan, <i>Tyāg</i> , Lahaur, 1927.
Sv.	— «Śvādhinatā».
Šāh.	— «Šāhrāh».
V., Mṛgn.	— Śrī Vṛindāvanlāl Varmā, <i>Mṛignayanī</i> , Jhāsi, 1955.
Yaš., Dekh., so., sa.	— Yašpāl, <i>Dekhā, socā, samjhā</i> , Lakhnau, 1951.
Yaš., Lo. dī.	— Yašpāl, <i>Lohe kī dīvār ke donō or</i> , Lakhnau, 1953.
Yaš., T. k.	— Yašpāl, <i>Tum ne kyō kahā māt sundar hū?</i> , Lakhnau, 1954.
Yu.	— «Yugprabhāo».

Т. Я. Елизаренкова

ОБ АСИММЕТРИИ В СИСТЕМЕ КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В ЯЗЫКЕ ХИНДИ

Согласно традиционной грамматике, в хинди от любого глагола можно образовать два каузатива. Каузатив первой степени, образуемый путем присоединения к основе глагола суффикса *-ā* (иногда *-lā*) или при помощи чередования корневого гласного (у определенной группы глаголов), имеет значение «заставить или помочь сделать то, что выражено исходным глаголом». Каузатив второй степени, образуемый путем присоединения к основе глагола суффикса *-vā* (иногда *-lvā*; у ряда глаголов образование каузатива второй степени может сопровождаться изменением корневого гласного), имеет значение «заставить или помочь сделать то, что выражено исходным глаголом, через посредника (а не непосредственно самому)».

Для изучения системы каузативных глаголов в хинди необходимо дать их формальное описание и семантический анализ. Строго говоря, ни то, ни другое невозможно, если при анализе исходить только из категории каузативности, не учитывая других категорий. В противном случае тотчас же возникнут трудности при выделении каузативных глаголов из общей системы глагольных форм. Противопоставление глаголов в хинди по степени каузативности не вполне самостоятельно и подчинено более широкому противопоставлению по переходности-непереходности¹. Единого формально-го (как, впрочем, и семантического) критерия для выделения каузативных глаголов нет.

Каковы же условия, необходимые для описания системы

¹ «Важно отметить, — пишет Жюль Блок, — что оппозиция каузативных основ простым, дополненная оппозицией простых основ пассивным, приводит к конечной оппозиции непереходных основ переходным» (см. J. Bloch, *L'indo-aryen du Vêda aux temps modernes*, Paris, 1933, p. 244).

каузативных глаголов, если по одной данной форме мы часто не можем определить ее принадлежность к той или иной системе? Так как характер любой формы определяется ее противопоставлением другим формам языка (т. е. тем, какое место она занимает в системе противопоставлений), то в первую очередь надо выявить тот минимальный парадигматический контекст, который позволяет квалифицировать данную форму.

Эти парадигматические контексты можно получить разными способами. Прежде всего следует использовать прямые корреляции, позволяющие установить значение члена. Существенную помощь может оказать также тот прием, который после работ З. С. Харриса и Н. Хомского называется трансформационным анализом, и который заключается в том, что данная конструкция при сохранении своего содержания преобразуется в иной структурный тип. Значение этого приема состоит в том, что он позволяет выяснить те специфические черты, которые нейтрализуются в преобразуемой конструкции. Например, с точки зрения чисто формального анализа конструкции типа *māi ne us kī madad kī* и *māi ne us kī kitāb lī* будут одинаковы. Разница между ними выявится только, если перевести то же высказывание в иной структурный план: *use merī madad milī*, но *mujhe us kī kitāb milī*.

Иногда для выяснения специфики конструкции данного языка бывает полезна ее трансформация на другой язык. Например, в ряде случаев значения послелога *se* в хинди будут передаваться разными английскими предлогами:

dost se milnā — to meet a friend,
kalam se likhnā — to write with a pen,
kamre se jānā — to go out of the room,
Dillī se Bambaī tak — from Delhi to Bombay.

Сравнение грамматической категории одного языка с соответствующей категорией другого хотя и бывает иногда полезным, тем не менее таит в себе некоторую опасность. Дело в том, что суть грамматической категории определяется не только внутренними ее особенностями, но и ее местом среди других категорий данного языка. Поэтому для описания системы каузативных глаголов в хинди важно знать, с какими глагольными категориями в данном языке соотносится категория каузативности.

С точки зрения формы в хинди можно выделить несколько наиболее распространенных типов противопоставления глагольных основ, произведенных от одного и того же корня.

1. Исходная основа — основа + *ā* — основа + *vā*. Примеры :
bannā—banānā—banvānā,
likhnā—likhānā—likhvānā и т. п.

Чаще всего гласный первого слова таких глаголов не бывает долгим (однако *phailnā—phailānā—phailvānā*, *lauṭnā—lauṭānā* и некоторые другие) и основа всегда оканчивается на согласный. Разновидность этого типа представляет собой случай, когда исходная основа трехсложная и *a* второго слога во второй форме полностью редуцируется, например:

laṭaknā—laṭkānā—laṭakvānā,

pighalnā—pighlānā—pighalvānā и т. п. Это наиболее распространенный и продуктивный тип противопоставления основ.

2. Исходная основа с кратким корневым гласным — основа с корневым гласным долгим или *guṇa* — основа с корневым гласным кратким + суффикс *-vā*². В отдельных случаях ступени *guṇa* второй основы может быть противопоставлена слабая ступень первой основы в виде долгого гласного. Чередование корневого гласного бывает качественным, например:

khulnā—kholnā—khulvānā,

khīcnā—khēcānā—khīcvānā и т. п., или количественным,

например:

luṭnā—lūṭnā—luṭvānā,

pisnā—pīsnā—pisvānā,

marnā—mārānā—marvānā и т. п.

В трехсложных основах этого типа удлиняется гласный второго слога, например:

nikalnā—nikālānā—nikalvānā,

*ukharṇā—ukhārṇā*³—*ukharvānā* и т. п. У некоторых глаголов чередование гласных сопровождается также чередованием согласных (главным образом *ṭ* и *r*), например:

chūṭnā—chorṇā—churvānā,

biknā—becnā—bikvānā и др.

Этот тип образования основ при помощи чередования гласных в той или иной степени отражен во всех новоиндийских языках, но не является регулярным ни в одном из них. Из-за непродуктивности такого способа образования глагольной основы в ряде случаев возникают основы-дубликаты без чередования и с продуктивным суффиксом *-ā*. Таким образом, цепь противопоставлений состоит из четырех членов, например:

ladnā—lādnā—ladānā—ladvānā,

² Этот тип противопоставления, основанный на чередовании гласных, отражает ступени чередования корневого гласного древнеиндийского глагола в разных грамматических категориях.

³ Возможна также аномальная форма *ukheṇā*.

dikhnā (или *dīkhnā*)—*dekhnā*—*dikhānā*—*dikhvānā*,
juṭnā—*jornā*—*juṭānā*—*jurvānā*,
ṭūṭnā—*torṇā*—*tuṛānā*—*tuṛvānā* и т. п.

Такой способ образования основ принадлежит скорее к прежней системе языка, чем к современной, поэтому аномалии здесь наиболее многочисленны.

Структура исходных основ в целом та же, что и у предыдущего типа.

3. Исходная основа с долгим гласным (или *guṇa*)—основа с кратким гласным (слабая ступень)+суффикс *-ā* (иногда *-lā*)—основа с кратким гласным+суффикс *-vā* (иногда *-lvā*).

Тип исходной основы структурно ограничен: основа всегда бывает двусложной, гласный первого слога долгий. Например:

sīkhnā—*sikhānā* (*sikhlānā*)—*sikhvānā*,
oṛhnā—*urhānā*—*urhvānā*,
leṭnā—*liṭānā*—*liṭvānā* и т. п.

В отдельных аномальных формах (таких, как *bhigonā*, наряду с *bhigānā*—от *bhīgnā* и *ḍubonā* наряду с *ḍubānā*—от *ḍūbnā* и др.) *o* представляет собой нерегулярный рефлекс древнего суффикса каузативных глаголов.

4. Исходная основа на долгий конечный гласный—основа на краткий гласный+суффикс *-lā*—основа на краткий гласный+суффикс *-lvā*⁴, например:

pīnā—*pilānā*—*pilvānā*,
sonā—*sulānā*—*sulvānā*,
khānā—*khilānā*—*khilvānā* и т. п.

Иногда система противопоставлений состоит из четырех членов за счет того, что по аналогии с другими типами противопоставлений образуется первый член этого ряда с кратким гласным, который, однако, содержит элемент *-l-*, подобно третьему и четвертому членам своего ряда, например:

silnā—*sīnā*—*silānā*—*silvānā*,
dhulnā—*dhonā*—*dhulānā*—*dhulvānā*.

Таковы главные типы противопоставлений глагольных основ в хинди. Из их рассмотрения очевидно, что четко отличаются друг от друга по своей системе противопоставлений основы, оканчивающиеся на гласный (сравнительно немногочисленные), и основы, оканчивающиеся на соглас-

⁴ Отклонения от этой нормы единичны, например: *bonā*, *boāna*, *khonā*, *khōnā*.

ный. Что касается основ, оканчивающихся на согласный, то по форме исходной основы нельзя определить форму последующих членов оппозиций. Ср., например:

palnā — pālā — pālānā,

но:

malnā — malānā — malvānā,

paṛnā — paṛānā — paṛvānā,

но:

bigaṛnā — bigāṛnā — bigaṛvānā и т. п.

Для того чтобы знать, к какому типу оппозиции принадлежит данная основа, необходимо как минимум знать первые два члена, входящие в состав данной оппозиции. Третий член можно установить на основании первых двух. Однако по второму и третьему или по первому и третьему членам недостающий член оппозиции можно установить далеко не всегда.

Наиболее распространенной в хинди является оппозиция, состоящая из трех членов. Некоторые глаголы (большей частью принадлежащие ко второму и лишь в отдельных случаях к третьему типу) имеют оппозицию из четырех членов. Наряду с этим есть глаголы, у которых отсутствует второй или третий член оппозиции. Например, некоторые основы на конечный долгий гласный имеют только первую и третью формы:

gānā — gavānā,

khenā — khivānā,

lenā — livānā (только в *livā lānā*) и т. п.⁵

У ряда глаголов неупотребительна третья форма, например:

baṣnā — baṣānā

hārnā — hārānā и т. п.

Есть глаголы, которые вообще не вступают в данный тип оппозиции или, строго говоря, второй и третий члены таких оппозиций являются нулевыми, например: *honā*, *rahnā*, *ānā*, *jānā*, *paṛnā*, *rānā*, практически *lenā* и др.⁶ Следует отметить, что это один из самых употребительных вспомогательных глаголов, служащих для образования различных сложных глаголов.

Посмотрим теперь, какие семантические противопоставле-

⁵ Эти глаголы перечислены в кн.: Kāmtāprasād Guru, *Hindī vyākaraṇ*, Kāśī, 2009.

⁶ Довольно подробно этот вопрос рассмотрен в кн.: Kiśorīdās Vājpeyī, *Hindī śabdānuśāsan*, Kāśī, 1956, pp. 465, 466.

ния связаны с формальным противопоставлением глагольных основ. Одинаковым в формальном плане оппозициям глагольных основ⁷ будут соответствовать разного типа семантические оппозиции в зависимости от того, является ли первый член оппозиции переходным глаголом или нет⁸.

Как известно, второй член оппозиции, первым членом которой является непереходный глагол, имеет просто переходное значение (а не каузативное)⁹. Например:

№ 1 *bore gir rahe hāi* 'мешки падают';

№ 2 *kulī bore girā rahā hai* 'кули бросает мешки';

№ 1 *mahal bantā hai* 'дворец строится';

№ 2 *kārīgar mahāl banāte hāi* 'мастера строят дворец'.

Первый член такой оппозиции может иметь активно-непереходное (*girnā* 'падать', *calnā* 'двигаться', *uṭhnā* 'вставать' и др.) и медиопассивное значение (*bannā* 'строиться', *kaṭnā* 'быть разрезанным', 'резаться', *dhulnā* 'стираться' и др.). Формально в хинди эта разница не выражена¹⁰. Можно только заметить, что первым членом оппозиции из четырех членов всегда бывает глагол с медиопассивным значением.

Третий член оппозиции, считающийся согласно традиционной грамматике каузативом от второго члена, фактически, как показал в своих работах Т. Г. Бэйли¹¹, представляет собой каузатив не от переходного глагола, а от пассива переходного глагола (т. е. от пассива второго члена). Он значит «заставлять (или приказывать), чтобы было сделано то, что выражено переходным глаголом». Например:

№ 3 *mālik kulī se bore girvā rahā hai* и

№ 3 *rājā kārīgarō se mahāl banvātā hai*

⁷ Поскольку разные по способу образования формы как *mūrnā* и *karānā* занимают одно и то же место в системе противопоставлений, их следует считать одним и тем же членом противопоставления.

⁸ Определение переходности и непереходности, исходя из структуры предложения хинди, дает J. Burton-Page в статье *Compound and conjunct verbs in Hindi*, — BSOAS, vol. XIX, pt 3, 1957, pp. 469—478.

⁹ Это было отмечено еще в грамматике Келлога (см. S. H. Kellogg, *A grammar of the Hindi language*, 3d ed., London, 1938, p. 253).

¹⁰ В некоторых новоиндийских языках, например в сингалезском, есть особое спряжение, охватывающее медиопассивные глаголы. От каждого переходного глагола может быть образована синтетическая форма медиопассива и аналитическая форма пассива, например: *karānāvā* 'делать', *kerēnāvā* 'делаться', *karānu labānāvā* 'быть сделанным', см.: W. Geiger, *Litteratur und Sprache der Singhalesen*, Strassburg, 1900, S. 70; H. Hendrikson, *The three conjugations in Singhalese*, — BSOAS, vol. XIII, pt 1, 1949, pp. 154—165).

¹¹ См. статьи Т. Г. Бэйли «The meaning and usage of causal verbs in Urdu and Panjabi» и «The four classes of Urdu verbs», — в кн.: T. G. Bailey, *Studies in North Indian languages*, London, 1938, pp. 29—37; см. также соответствующий раздел «Teach yourself Hindustani», London, 1950.

значат собственно: 'Хозяин приказывает, чтобы мешки были сброшены с помощью кули' и 'Раджа приказывает, чтобы дворец был построен мастерами'.

Правильность этого положения доказывается трансформационным анализом (по существу именно этот метод был применен с большой убедительностью Бэйли, хотя, естественно, он его нигде так не называет). При преобразовании в пассив конструкции с так называемым «каузативом от переходного глагола» (он является третьим членом оппозиции, в которой первый член — непереходный, вторым и третьим членом — если первый член переходный) деятель конструкции № 2 никогда не будет стоять в форме именительного падежа. В именительном падеже будет объект конструкции № 2:

mālīk ke hukm se bore kulī se gīrvāye jā rahē hāī и
rājā ke hukm se mahāl kārīgarō se banvāyā jātā hai.

Нельзя сказать *kulī gīrvāyā jā rahā hai* или *kārīgar banvāye jāte hāī*, подобно тому как мы можем употребить в английском языке: *The coolie was ordered by his master to throw down the sacks* или *The workmen were ordered by the king to build the palace.*

Таким образом, при помощи трансформационного анализа Бэйли доказывает, что в хинди нет каузативов от переходных глаголов¹².

Если первый член оппозиции — переходный глагол, то второй его член будет значить «заставить (помочь), чтобы было сделано то, что выражено первым членом», а третий член будет значить «заставить (помочь) с помощью кого-либо другого, чтобы было сделано то, что выражено первым членом», например: *larkā dūdh pītā hai* 'мальчик пьет молоко' — *mā larke ko dūdh pilātī hai* 'мать поит мальчика молоком' (букв. 'делает так, чтобы молоко было выпито мальчиком', так как в пассиве будет: *dūdh larke ko mā se pilāyā jātā hai*); *mā āyā se larke ko dūdh pilvātī hai* 'мать велит няне напоить мальчика молоком' (букв. 'делает так, чтобы молоко было выпито мальчиком с помощью няни'). Кстати, глаголы, которые в хинди принято называть каузативными, часто выражают не принужде-

¹² В работах Бэйли речь идет об урду и пенджаби. Но каузативные глаголы в урду и хинди, как известно, одинаковы. К тому же мысли, высказанные Бэйли, приложимы не только к этим близко родственным языкам, но и к новоиндийским языкам, сильно отличающимся по своему строю от центральной группы новоиндийских языков, например к цыганскому языку. Об этом см. Rade Uhlik, *O kauzativu u novoindiskim jezicima zeban-i Urdu i Rromendi čhib-Prilozi za orijentalnu filologiju i istoriju jugoslovenskih naroda pod turskom vladavinom*, V, Sarajevo, 1954—1955, pp. 299—320.

ния к действию, а скорее причину того, что происходит, или содействие тому, чтобы что-либо происходило.

В оппозиции из четырех членов первый имеет медиопассивное значение, второй — переходное, третий и четвертый члены имеют то же значение, что и в трехчленной оппозиции, когда первый глагол переходный¹³.

Таковы идеальные модели противопоставления глагольных основ хинди по каузативности и связанным с нею другим значениям.

Положение осложняется тем, что между разными членами противопоставления довольно часто бывают не только грамматические, но, как отмечают многочисленные исследователи, также и лексические различия. Например:

<i>sunnā</i> 'слушать'	<i>sunānā</i> 'рассказывать'	<i>sunvānā</i> 'делать так, что-бы было рассказано другим'	
<i>likhnā</i> 'писать'	<i>likhānā</i> 'диктовать'	<i>likhvānā</i> 'делать так, что-бы было записано другим'	
<i>milnā</i> 'встречаться', 'смешиваться'	<i>milānā</i> 'знакомить', 'смешивать'	<i>milvānā</i> 'знакомить (через посредство кого-л.)', 'смешивать (через посредство (кого-л.)'	
<i>dikhnā</i> (<i>dīkh-na</i>) 'казаться', 'виднеться'	<i>dekhnā</i> 'видеть'	<i>dikhānā</i> 'показывать'	<i>dikhvānā</i> 'делать так, чтобы кем-либо что-то было показано'
<i>bolnā</i> 'говорить'	<i>bulānā</i> 'звать', ¹⁴	и т. п.	

В частности поэтому при переводе на другие языки значения разных членов таких оппозиций передаются этимологически разными словами.

Иногда дифференциация значений в оппозиции может быть связана с наличием параллельных пар глаголов с че-

¹³ Этот тип оппозиции подробно рассмотрен Бэйли.

¹⁴ Можно упомянуть и такую аномалию, как *kahlānā* 'называться' (редко 'называть') — от *kahnā* 'говорить'.

редованием корневого гласного (непродуктивный тип) и без чередования с суффиксом *-ā*, например:

gaṛnā ('вонзаться', 'быть закопанным') — *gārṇā* ('закапывать') — *garānā* ('вонзать').

В двух последних членах оппозиции довольно часто происходит нейтрализация различительной способности. Обычно это имеет место в тех случаях, когда на грамматические противопоставления не наслаиваются лексические, т. е. когда все формы глагола выражают одну «идею». Например, в оппозициях:

<i>karṇā</i>	<i>karānā, karvānā</i>	
'делать'	'способствовать тому, чтобы было сделано'	
<i>chapṇā</i>	<i>chāpnā</i>	<i>chapānā, chapvānā</i>
'печататься'	'печатать'	'способствовать тому, чтобы было напечатано'
<i>chūṭnā</i>	<i>choṇā</i>	<i>churānā, churvānā</i>
'быть отпущенным'	'отпускать'	'делать так, чтобы кто-то был отпущен'

К этому следует добавить, что чаще всего при неполной оппозиции отсутствует ее последний член. Причиной этого, возможно, является недостаточная ясность его семантического противопоставления другим членам оппозиции (каузатив к непереходному глаголу и к пассиву одного или двух переходных глаголов)¹⁵.

Употребление «второго каузатива» обязательно только тогда, когда подчеркивается идея посредника, например: *māi ne us ko likhāyā* (или *likhvāyā*) 'я диктовал ему'; *māi ne yih us se likhvāyā* (а не *likhāyā*) 'я написал это с его помощью'¹⁶.

Разница в употреблении послелогов *ko* и *se* соответствует различию между непосредственным участием в действии и ролью посредника.

Если теперь сопоставить оппозиции, которые можно установить на основании формального критерия и на основании семантического, то мы увидим, что они не будут соответствовать друг другу. В зависимости от переходности или непереходности глагола те или иные клетки будут оставаться незаполненными.

¹⁵ Ср., например, роль *likhvānā* и *sunvānā* в соответствующих оппозициях.

¹⁶ Munshi Thakardass Pahwa, *The pucca munshi*, 2d ed., Peshawar, 1936, p. 336.

V	V ₁	V ₂	V ₃	
Непереходный или медиопассивный глагол	Переходный глагол	Каузатив к V ₁ или к пассиву V ₁ без помощи посредника	Каузатив к V или к пассиву V ₁ или V ₂ при помощи посредника	Примечания
<i>dikhñā</i>	<i>dekhnā</i>	<i>dikhānā</i>	<i>dikhvānā</i>	<i>dikhñā: dekhñā</i> — лексические различия <i>dekhnā: dikhānā</i> — лексические различия
<i>kaṭñā</i>	<i>kāṭñā</i>	<i>kaṭānā</i>	<i>kaṭvānā</i>	<i>kaṭānā: kaṭvānā</i> — семантических различий нет
—	<i>likhnā</i>	<i>likhānā</i>	<i>likhvānā</i>	<i>likhnā: likhānā</i> — лексические различия
—	<i>karnā</i>	<i>karānā</i>	<i>karvānā</i>	<i>karānā: karvānā</i> — семантических различий нет
<i>bannā</i> <i>uṭhnā</i>	<i>banānā</i> <i>uṭhānā</i>	— —	<i>banvānā</i> <i>uṭhvānā</i>	

Приведенная схема показывает, что:

1) одинаковые члены формальной оппозиции могут быть разными членами семантической оппозиции, если один из них переходный глагол, а другой — непереходный, и, наоборот, с одним и тем же формальным показателем может быть связано разное грамматическое значение;

2) в семантической оппозиции переходных глаголов отсутствует V₂;

3) в семантической оппозиции переходных глаголов отсутствует V.

До некоторой степени эти различия сглаживаются тем, что довольно часто у переходных глаголов V₂ и V₃ совпадают. Кроме того, роль V для переходных глаголов отчасти играют аналитические формы пассива¹ (*likhā jānā*, *kiyā jānā*, *dekhhā jānā* и др.).

Следовательно, наряду с непереходными глаголами в хинди употребляются пассивы от соответствующих переходных глаголов: *bannā* и *banāyā jānā*, *kaṭñā* и *kāṭā jānā* и др.

Разница между этими двумя типами глаголов в том, что пассивный глагол подразумевает, что действие было вызвано каким-то деятелем, а непереходный глагол (часто в интенсивной форме) просто фиксирует внимание на самом действии, например:

lakṛī jalāyī gayī 'дрова сожжены',

lakṛī jal gayī 'дрова сгорели'¹⁷.

¹⁷ E. Grieses, *Hindi grammar*, London, 1933, p. 308.

Нарушением общего правила об отсутствии каузативов от переходных глаголов в хинди являются некоторые разговорные конструкции, которые, как указывает Бэйли, противоречат нормам литературного языка. В этих немногочисленных случаях деятель конструкции № 2 (см. стр. 81) стоит в именительном падеже при пассивной конструкции, например:

vah sikhāi gaī hai 'она обучена'

или

laṛke khilāye gaye 'мальчики были накормлены'.

Такое употребление если и возможно, то только при наличии неполной конструкции, а именно, когда отсутствует объект конструкции № 2. Поэтому невозможно следующее употребление:

vah hindī bhāṣā sikhāi gayī hai 'она обучена языку хинди'
или *laṛke roṭī khilāye gaye* 'мальчики накормлены хлебом'.

Это лишний раз подтверждает, что данная конструкция не противостоит рассмотренной ранее конструкции, так как они встречаются в неодинаковых условиях.

Подводя итог, можно сказать, что поскольку при противопоставлении глаголов по так называемой каузативности с одним формальным показателем могут быть связаны разные грамматические значения и одно и то же грамматическое значение может быть выражено разными формальными показателями, эта система является асимметричной. С асимметрией ее связано и то, что ее нельзя определить в хинди, исходя только из внутренних данных этой системы. Определение системы каузативных глаголов в хинди требует учета категории активности-пассивности и более широко — категории переходности-непереходности глаголов.

В. А. Чернышев

ОПРЕДЕЛЕНИЕ В ХИНДИ

Вопрос об определении (как и вообще проблема членов предложения) неразрывно связан с вопросом о словосочетании, поскольку определение всегда является компонентом какого-либо сочетания, состоящего из двух (иногда более) слов. Словосочетание — это соединение слов, образующее грамматическое единство, которое выражается или в их смысловой и структурной равнозначности, или в семантической и грамматической зависимости одного его компонента от другого. Словосочетания по полноте и законченности мысли и интонационному рисунку делятся на сочетания законченные (примером чего может служить сочетание, состоящее только из главных членов предложения в составе простого нераспространенного предложения) и незаконченные. Все словосочетания, имеющие в качестве ведущего компонента один из главных или второстепенных членов предложения, относятся к разряду незаконченных, или семантически незавершенных сочетаний. В незаконченном словосочетании устанавливаются отношения господства и подчинения. Один из компонентов такого сочетания, выступая семантически и грамматически ведущим, является основным, подчиняющим словом, другой же компонент, зависящий от ведущего, — неосновным, подчиненным словом.

Различные сочетания отличаются друг от друга и в отношении сочетаемости их компонентов. Члены законченного (предикативного) сочетания характеризуются двусторонней обязательной сочетаемостью, т. е. не только сказуемое тяготеет к подлежащему, но и подлежащее тяготеет к сказуемому. Что же касается незаконченных сочетаний, то сочетаемость их членов неодинакова. Для подчиненного компонента характерна односторонняя обязательная сочетаемость, тогда как подчиняющий (ведущий) компонент обладает лишь

потенциальной (возможной) сочетаемостью (исключение составляют случаи обязательной сочетаемости переходных полнозначных глаголов с прямым дополнением или глаголов неполной предикации — с предикативным определением).

Для определений, как и для других второстепенных членов предложения, характерна односторонняя обязательная сочетаемость.

Связь между определением и определяемым — это наиболее тесная связь между словами в предложении хинди. При атрибутивной связи в ее наиболее типичном виде сцепление двух слов отличается такой устойчивостью, что словосочетание становится как бы целостной единицей, выступающей в составе предложения как единый комплекс.

В хинди имеются три типа определения:

1) атрибутивное определение¹, которое характеризуется зависимостью от имени существительного и выражается словами или оборотами, обозначающими признак предмета;

2) приложение, т. е. такое определение, которое, обозначая признак имени существительного, само выражено существительным;

3) предикативное определение, которое отличается двойной (от имени и от глагола) зависимостью и выражается как именем прилагательным, так и существительным.

1. АТРИБУТИВНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Атрибутивное определение зависит от имени существительного, т. е. слова с предметным значением, выражая некоторые (или один) из его многочисленных признаков. Определение может также относиться и к любому субстантивированному слову. Определение может обозначать:

2) качество предмета: *mazbūt jānvar* 'сильное животное', *khūbsūrat laṛkā* 'красивый юноша', *lambā hāth* 'длинная рука' и т. д.;

2) цвет: *lāl phul* 'красный цветок', *harī ghās* 'зеленая трава', *kāle bādāl* 'черные облака';

3) принадлежность: *merī kitāb* 'моя книга', *hamārā vatan* 'наша родина', *tumhārā patra* 'ваше письмо';

4) родственные отношения: *sasera bhāt* 'двоюродный (по отцу) брат', *matrī bahan* 'двоюродная (по матери) сестра', *ajiyā sasur* 'дед мужа';

5) назначение предмета или материал, из которого он

¹ Первый тип определения мы условно называем атрибутивным, чтобы отграничить его от приложения и предикативного определения.

сделан: *vyāpārik sāsthā* 'торговая организация', *faujī aḍḍā* 'военная база', *ūpī kaprā* 'шерстяное платье', *reṣmī sārī* 'шелковое сари';

6) расположение среди подобных ему предметов: *dasvā ghar* 'десятый дом', *paṁhī pustak* 'первая книга', *tīsrā pāṭh* 'третий урок';

7) действие в его развитии или результате как признак данного предмета: *kheltā huā laṛkā* 'играющий мальчик', *paṛhī huī kitāb* 'прочитанная книга', *bhejā huā patra* 'отосланное письмо' и многие другие признаки.

Определение может выражаться различными частями речи. Для одних частей речи функция определения является основной или единственно возможной (прилагательные, притяжательные местоимения, причастия, числительные), тогда как употребление в функции определения других (существительного, инфинитива, наречия) бывает сопряжено с использованием дополнительных лексико-грамматических средств (послелогов, морфем).

Определение хинди, обозначая признак предмета, далеко не всегда отражает форму определяемого слова (согласуется с ним), так как в хинди имеются разряды слов, которые лишены способности к морфологическим изменениям. Таким образом, в зависимости от способности имени к морфологическим изменениям и обуславливаемого этим характера грамматической связи между компонентами словосочетания определения в хинди выступают как согласованные или несогласованные.

Согласованное определение

К ним относятся определения, выраженные словами, которые способны в той или иной степени отразить форму определяемого слова и которые изменяются в зависимости от рода, числа или падежа² определяемого слова. Согласованное определение обычно выражается следующими частями речи:

1) изменяемыми прилагательными, к которым в хинди относятся все прилагательные, оканчивающиеся на *ā*, кроме некоторых заимствований³: *baṛā deś* 'большая стра-

² Автор придерживается мнения, что существительные хинди имеют три падежа: прямой, косвенный (или послеложный) и звательный.

³ К таким лексическим заимствованиям относятся слова, вошедшие в хинди из иранских языков, как *tāzā* 'свежий', *khūfā* 'пневный', *dos-tānā* 'дружеский'. Однако, подчиняясь действию грамматических законов хинди, они все больше проявляют тенденцию к изменениям (*tāzā—tāze, tāzī*).

на', *choṭī larkī* 'маленькая девочка', *sasere bhāt* 'двоюродные братья';

2) притяжательными, указательными, вопросительными, относительными и неопределенными местоимениями: *megā kartavya* 'мой долг', *yaḥ ghar* 'этот дом', *kyā lekḥ?* 'какая статья?', *koī lekḥ* 'какая-то статья';

3) причастиями настоящего и прошедшего времени, образованными по нормам современного хинди (а не заимствованными как факты лексики из других языков и не образованными по моделям, вошедшим из них): *kheltā huā larkā* 'играющий мальчик', *muskurātī huī larkī* 'улыбающаяся девочка', *likhe hue patra* 'написанные письма'.

Определение, зависящее от определяемого слова мужского рода единственного числа, согласуется с ним в роде, числе и падеже, например: *baṛā rāṣṭra* 'большое государство' — м. р. ед. ч. прям. пад.; *baṛe rāṣṭra kā* (*ko, mē, se, tak...*) — м. р. ед. ч. косв. пад.

Определение, относящееся к слову мужского рода множественного числа, согласуется с ним только в роде, так как форма определения как в прямом, так и в косвенном падеже множественного числа остается неизменной: *baṛe rāṣṭra* 'большие государства' — *baṛe rāṣṭrō kā* (*ko, mē, se, tak...*).

Поскольку во всех трех случаях (прямой и косвенный падежи множественного числа и косвенный падеж единственного числа) определения имеют общее окончание -e, то эта форма служит показателем только грамматического рода определяемого слова.

Определение, согласующееся со словами женского рода, имеет одну форму для всех падежей и чисел, например: *muskurātī larkī* 'улыбающаяся девочка' — *muskurātī larkī kā* (*kō, mē, se, tak...*); *muskurātī larkiyā* 'улыбающиеся девочки' — *muskurātī larkiyō kā* (*ko, mē, se, tak...*).

Поэтому в женском роде между определением и определяемым словом устанавливается такая связь, когда определение отражает только одну грамматическую категорию определяемого слова — категорию рода.

Указательные местоимения *yaḥ* 'этот', 'эта' и *vaḥ* 'тот', 'та', которые употребляются в хинди и как личные местоимения со значением «он», «она», выражают только такие грамматические категории, как число и падеж: *yaḥ* 'этот', 'эта', *vaḥ* 'тот', 'та' (ед. ч. прям. пад.); *ye* 'эти', *ve* 'те' (мн. ч. прям. пад.); *is* 'эго' ('этого', 'этой'), *us* 'то' ('того', 'той') (ед. ч. косв. пад.); *in* 'этих', *un* 'тех' (мн. ч. косв. пад.).

Вопросительные местоимения *kyā* и *kaun*, которые, вы-

ступая в функции определения, имеют близкие, а иногда и совпадающие значения «какой», своей формой выражают только прямой падеж, хотя форма косвенного падежа отражает и число (формы косвенного падежа этих местоимений совпадают), например: а) прямой падеж: *kyā dām* 'какая цена', *kaup tikaṭ* 'какой билет'; б) косвенный падеж: *kis dām se* 'какой ценой' (ед. ч.), *kis tikaṭ par* 'на каком билете' (ед. ч.), *kin tikaṭō mē se* 'из каких билетов' (мн. ч.).

Неопределенное местоимение *koī*, употребляясь в функции определения со значением «какой-то», «какой-либо», «какой-нибудь», выражает число и падеж. Указанная форма неопределенного местоимения показывает, что определяемое слово употреблено в прямом падеже единственного числа, например: *koī laṛkī* 'какая-то девушка', *koī sipāhī* 'какой-нибудь солдат'.

Форма косвенного падежа того же местоимения *kisī...* (*ko...*), кроме категории падежа, выражает и категорию числа, например: *kisī laṛkī se* 'с какой-то девушкой', *kisī sipāhī se* 'с каким-нибудь солдатом'.

Неопределенное местоимение не имеет формы множественного числа. Форма *kaī* ныне переосмыслилась и употребляется со значением «несколько».

Имя существительное, инфинитив и наречие в хинди, как уже упоминалось, выступают в функции определения не самостоятельно, а лишь в сочетании с послелогом или морфемами.

Имя существительное, обозначая материал, из которого сделан предмет, его принадлежность, разновидность, возраст и другие признаки, обычно употребляется с послелогом *kā*, согласующимся с определяемым словом. Примеры: *pī-tal kā bartan* 'бронзовая посуда', *pīm ke per* 'деревья ним', *pītā kī pustak* 'книга отца'.

Имя существительное, обозначающее какой-либо предмет, воспринимаемый как характерный, наиболее показательный признак другого предмета, употребляется в функции определения к имени — носителю этого признака с морфемой *vālā*. Имя существительное и инфинитив (см. ниже) перед *vālā* принимают форму косвенного падежа (как и перед послелогом). В этих атрибутивных сочетаниях грамматическим изменениям при согласовании подвергается морфема *vālā*. Примеры: *aiṇak vālā chātra* 'студент в очках', *koḷar vālā shāṛṭ* 'рубашка с воротником', *khur vālā jāṇvar* 'копытное животное'.

Слово, выступающее в сочетании с морфемой *vālā*, в свою очередь может иметь при себе определения и другие зависящие от него слова, образуя вместе с ними целый

оборот. Примеры: *safed dāṛhī vālā kisān* 'крестьянин с седой бородой' (или 'седобородый крестьянин'), *lāl nāk vālā dukāndār* 'торговец с красным носом' (или 'красноносый торговец'), *baṛī-baṛī ākhō vālī laṛkī* 'девушка с большими глазами' (или 'большеглазая девушка')⁴.

Наречие, которое в хинди относится к неизменяемым словам, в функции определения выступает, как правило, с послелогом *kā*, например: *āj kā akhbār* 'сегодняшняя газета', *kal kī ghaṭnā* 'вчерашнее событие', *yaḥā ke kisān* 'здешние крестьяне'.

Инфинитив в атрибутивной функции, обозначая назначение предмета, выраженного определяемым, или раскрывая его содержание, употребляется с послелогом *kā*, например: *likhne kī mez* 'писменный стол', *paṛhne kī kitāb* 'книга для чтения', *viśva śānti sthāpit rakhne kī apīl* 'призыв сохранить мир во всем мире'.

При помощи морфемы *vālā* от инфинитива образуется причастие со значением настоящего времени (иногда с оттенком будущего), которое может употребляться в атрибутивной функции, хотя чаще выступает в роли предикатива, например: *aktūbar mē hone vālā sammelan* 'конференция, которая состоится в октябре'.

Прилагательное, выполняющее функцию определения, может сочетаться с частицей *sā*, которая придает прилагательному значение неполноты качества и согласуется (как и прилагательное) с определяемым словом, принимая окончания *-ā*, *-e*, *-ī*. Примеры: *mailā sā ācal* 'грязноватое покрывало', *nīlī sī cīṛiyā* 'голубоватая птичка', *pīle se patte* 'желтоватые листья'.

Частица *sā* может употребляться и с причастиями, образованными по правилам современного хинди.

Частица *sā* выступает не только после прилагательных (и причастий), но также после существительных и даже целых оборотов с послелогом *kā*, когда нужно выразить признак путем метафорического сравнения с каким-то предметом, название которого выступает в функции определения. Примеры: *paṇḍit kī sī bolī* 'речь, как у пандита', *hāthī kā sā mūh* 'рот, как у слона', *bāgh ke se dāt* 'зубы, как у льва'.

Когда при слове имеется несколько определений, все они (если выражены изменяемыми словами) согласуются с определяемым в равной степени. Порядок определений зави-

⁴ Иногда, особенно в разговорной речи, морфема *vālā* употребляется не только с существительными, но и с прилагательным, например: *plet-fārm par toṛā vālā sūhab nikalū hai* 'На платформе появился толстый господин'.

сит от воли говорящего, например: *ghūzhrāle bāl vālā ūce kad kā naujavān* 'курчавый, высокого роста юноша'.

Однако определение, выраженное существительным или оборотом с послелогом *kā*, обычно предшествует определению, которое выражается прилагательным, например: *mohan kā choṭā bhāī* 'младший брат Мохана', *Soviat yūniyan kī pās varṣiya uojnāē* 'пятилетние планы Советского Союза'.

В тех случаях, когда одно и то же определение, независимо от того, чем оно выражается, относится к двум (или более) определяемым словам, из которых одно — мужского, другое — женского рода, оно, как правило, согласуется с ближайшим к нему именем, например: *tumhārī patnī aur cār putra* 'ваши жена и четверо сыновей', *merā dāmād aur beṭī* 'мой зять и дочь', *uskī bahū aur* 'его невестка и сыновья'.

Однако во многих случаях определение принимает форму мужского рода, как более предпочтительного, несмотря на то, что имя, непосредственно следующее за определением, — женского рода. Обычно в таких случаях определение выступает в форме мужского рода множественного числа, т. е. оканчивается на *e*: *apne mātā aur bhāiyō (ko)* 'своей матери и братьям', *apne strī bālak (samet)* 'вместе со своей женой и детьми', *tumhāre nanad aur devar* 'твои золовка и деверь'.

Несогласованное определение

К этому виду относятся те случаи, когда слово, выступающее в функции определения, не зависит от изменений, которые претерпевает определяемое слово. Другими словами, при несогласованном определении морфологические изменения определяемого слова не влияют на форму определения. Связь между именем с предметным значением и определением к нему устанавливается на основе их смысловой связанности как компонентов единого словосочетания, что влечет за собой своеобразный порядок компонентов и свойственную такому словосочетанию единую интонацию.

В функции несогласованных определений выступают прежде всего неизменяемые прилагательные, к которым в хинди относятся все прилагательные (а также заимствованные из иранских языков и санскрита причастные формы, которые все чаще осознаются как прилагательные) с нулевым окончанием, т. е. имеющие в исходе согласный и любой гласный, за исключением *ā*. Примеры: *lāl jhāḍa*

'красное знамя', *lāl jhāḍe (kā)* 'красного знамени', *lāl jhāḍō (kā)* 'красных знамен'.

В функции несогласованного определения выступают также количественные числительные, например: *mezē* 'сто-
лы' (без указания их количества) — *das mezē* 'десять сто-
лов'; *striyā* 'женщины' — *tīn striyā* 'три женщины'; *larke*
'мальчики' — *do larke* 'два мальчика'.

Структурные типы определения

Внутри разряда нераспространенных определений в хин-
ди следует выделить три структурных типа: простое,
сложное и составное. Простое определение — это
определение, которое выражается одним словом. К слож-
ным относятся определения, выраженные сочетанием суще-
ствительного (наречия или инфинитива) с послелогом *kā*
(или морфемой *vālā*), в котором ни первый, ни второй ком-
понент самостоятельно в атрибутивной функции выступать
не могут. Определения с частицей *sā* следует отнести к
составным определениям, так как первый компонент может
функционировать в качестве определения и без частицы.

Приобретая зависящие слова, определение становится
распространенным. Наиболее частым случаем распро-
странения определений является образование степеней срав-
нения, которые в хинди выражаются не морфологически, а
синтаксически, например: *baṛā deś* 'большая страна', *bahut*
baṛā deś 'очень большая страна', *sab se baṛā deś* 'самая
большая страна' и т. д.

Обычным типом распространения является развитие при-
частий в причастные обороты: *kheltā huā larḳā* 'играющий
мальчик'; *bāg mē kheltā huā larḳā* 'мальчик, играющий
в саду'; *pille se kheltā huā larḳā* 'мальчик, играющий со
щенком'.

II. ПРИЛОЖЕНИЕ

Особым видом определения является приложение.

«Приложением выражаются аппозиционные отношения,
возникающие между названиями субстанций и явлений,
следовательно между существительными, а также между
существительными и местоимениями субстантивными (лич-
ными и предметными)»⁵.

Приложение — это второстепенный член предложения,
выраженный существительным, который обозначает приз-

⁵ А. А. Шахматов. *Синтаксис русского языка*, Л., 1941, стр. 272.

нак, качество или свойство предмета. Зависимость приложения от господствующего слова фиксируется в хинди как морфологически, так и синтаксически и интонационно. Морфологически зависимость проявляется в согласовании приложения с управляющим словом; синтаксически — в конструктивном расположении компонентов сочетания. Последний способ выражения зависимости приложения от определяемого является основным, так как в силу аналитического характера строя языка хинди согласование имеет место в редких случаях.

Интонационно, в потоке речи зависимое слово не отделяется от определяемого. Оба компонента словосочетания произносятся без интонационного членения, на едином выдохе и ровным тоном, как семантически единый и интонационно заверченный отрезок высказывания.

Аппозиционные отношения имеют непосредственную связь с отношениями атрибутивными, поскольку как те, так и другие выражают признак, качество, свойство предмета.

Присоединяясь к определяемому слову, приложение уточняет и характеризует его в самых различных отношениях. Приложение может обозначать:

1) условное название предмета: *dainik* «Hindustān» 'ежедневная газета «Хиндустан», *kahānti-sāgrah* «Nav-pallav» 'сборник «Нав-паллав»;

2) различные качества и свойства: *śarābī thekedār* 'пьяница-подрядчик', *barmār Luttō* 'отцеубийца Лутто';

3) социальное положение или кастовую принадлежность, которая во многих случаях определяет профессию и род занятий: *mazdūr Bahādur Sīh* 'рабочий Бахадур Синх', *zamīndār Bhāgat Sīh* 'заминдар Бхагат Синх', *tahsildār Viśvanāth* 'тахсильдар Вишванатх', *Mahīcan samār* 'Махичан-кожевник', *Kālū bhāgī* 'Калу-подметальщик', *Balgobin mo-cī* 'Балгобин-сапожник';

4) родственные отношения: *Rāmdhānī cāsā* 'дядя Рамдхани', *Mohan māmā* 'дядя Мохан';

5) возраст: *panjavān Kālīcaran* 'юноша Каличаран', *burhiyā kākī* 'старуха-тетка';

6) национальность или вероисповедание: *bāgālī Mukhopadhyāy* 'бенгалец Мукхопадхьяй', *vaiṣṇav Bāvandās* 'вишнуит Бавандас', *musalmān hamlāvar* 'мусульмане-завоеватели';

7) ласкательный или бранный эпитет, кличку или псевдоним: *badmāś Gulām Husain* 'негодяй Гулам Хусейн', *Sumariddās* «Betār» 'Сумаритдас «Телеграф», *Upendranāth* «Aśk» 'Упендранатх «Слез», *Phanīśvarnāth* «Reṇu» 'Пханишварнатх «Пылинка»;

8) эмоциональную оценку, отношение говорящего к предмету речи: *mādar vatan* 'Родина-мать', *Bhārat mātā* 'Индия-мать', *Gāgā mātā* 'Ганга-мать'.

Как всякое определение, приложение обычно относится к словам с предметным значением — существительным. Однако нередки случаи, особенно в возвышенной или эмоционально окрашенной речи, когда приложение относится к местоимениям (личным или обобщенно-предметным).

Становясь ведущим словом аппозиционного сочетания, личные местоимения (которые, как известно, с послелогом *kā* не употребляются, а с послелогом деятеля выступают в форме прямого падежа) приобретают способность принимать форму косвенного падежа и сочетаться с послелогом *kā*.

Формы личных местоимений перед послелогом

Число	Лицо	С приложением	Без приложения
Ед.	1-е	<i>mujh</i> }	—
	2-е	<i>tujh</i> }	
Мн.	1-е	<i>ham</i> }	—
	2-е	<i>tum</i> }	
Ед.	1-е	<i>mujh</i> }	<i>māi</i> }
	2-е	<i>tujh</i> }	
Мн.	1-е	<i>ham</i> }	<i>ham</i> }
	2-е	<i>tum</i> }	

Примеры: *agar īśvar ne inhē vāñī dī hotī to ve Ihurī se pūchte* — «*tum ham gharībō ko kyō nikāl rahe ho?*» (Pr., Sarv., 191) 'Если бы бог наградил их речью, они бы спросили у Джхури: «Почему ты выгоняешь нас, бедняков?»'; *vahī merī ākhō kā ujālā, mujh ādhe kā sahārā, mere jīvan kā ādhār aur mere jarjar śarīr kā prāñ thā* (Pr., Sarv., 126) 'Свет глаз моих, мне, слепому, опора, основа жизни моей, душа в дряхлом теле моем, — вот кто он был для меня'.

Приложение чаще бывает выражено одним словом, т. е. является нераспространенным.

Приобретая определения и другие зависимые слова, приложение становится распространенным. Примеры: *zile kī rājñīti ke janak Rāmkiśun bābū ke bāgle par vah jis samay hāzīr huā us samay pulīs kī lārī khārī thī* (M. A., 171) 'В то время, когда он пришел в особняк, где жил Рамкисун-бабу, зачинатель политического движения в округе, у его

подъезда уже стояла полицейская машина'; — *ek bār bolo kalejā khol kar — garībō ke netā Lutto babū kī — ī — ī...!* — *jai, jai, jai!* (Partī, 63) 'Еще раз крикнем с открытой душой: «Вожак бедняков Лутто-бабу слава, слава, слава!»'; *devtāō aur mandirō ke pazar Banāras mē rahkar bhī Abhārānī ko sab se pahle apne Bhagvān kī yād ātī hai* (М. А., 172) 'Даже живя в Бенаресе, городе богов и храмов, Абхарани не забывает своего Бхагвана'.

Как показывают наблюдения, приложение может выступать по отношению к определяемому слову и в препозиции, и в постпозиции. Но в любом случае оно всегда тесно связано с управляющим словом, непосредственно примыкая к нему. Распространенное приложение, как правило, выступает препозитивно (см. приведенные выше примеры). Нераспространенное приложение, обозначающее общественное положение, возраст, вид (при названии рода), профессию или род занятий, также употребляется препозитивно. Примеры: *thākūr Rāmkiṛpāl Sīgh bole — «is bār tahsildārī kā majā milegā»* (М. А., 2) '[местный] богач Рамкирпал Сингх сказал: «На этот раз [он] узнает, что значит быть тахсильдаром»'; *tahsildār Hargaurī Sīh ne naye raiyatō ke sāth zamīnbandobastī kā elān kar diyā hai* (М. А., 219) 'Тахсильдар Харгаури Синх объявил о том, что земля будет закреплена за новыми арендаторами'.

Постпозитивно употребляются, как правило, лишь нераспространенные приложения, обозначающие профессию, унаследованную по касте, касту и родственные отношения, т. е. нечто неизменное и присущее человеку от рождения, а также приложения, относящиеся к местоимениям. Примеры: *Hasal gāv ke Harakhū telī ne albattā paisā jamāyā* (М. А., 215) 'Маслодел Харакху из деревни Хасаль поднакопил деньжонок'; *Balgobīn mocī camār ṭolī ke sabhī dhol bajāne vālō ko hukm detā hai — bājā band nahī ho!* (Partī, 504) 'Бальгобин-сапожник отдает приказ барабанщикам с улицы чамаров, чтобы они продолжали играть и дальше'; *Gā-gā naṭṭīn kī āvāz phaṭe kanastar kī tarah jhanjhanā rahī hai* (Partī, 176) 'Голос Ганги, [принадлежащей к подкасте] наттин, дребезжит, как разбитый бидон'.

Приложения, обозначающие имя-прозвище, или кличку, могут употребляться и препозитивно, и постпозитивно. Когда кличка только пускается в обиход и не является еще общепризнанной, она выступает в препозиции к определяемому слову. Становясь общепризнанной — своего рода «вторым именем» человека — кличка начинает употребляться только постпозитивно. Примеры: *«betār kā khabar» Sumarītdās sabō ko kahtā hai — «dekho, dekho»* (М. А., 172) '«Бес-

проволочный [телеграф]»—Сумаритдас всем говорит: «Смотрите, смотрите»' (кликка только пущена в обиход); *Sumarītdās «betār» kī jībḥ thaktī nahī. Subah se hi bakbak kartā jā rahā hai* (М. А., 217) 'Язык у Сумаритдаса «Беспроволочного [телеграфа]» не устает. С самого утра болтает безумолку»; *Sumarītdās «betār» ko āj tīn dīn se peṭ mē sūl ho gayā hai. Nahī to sab bāt kah jātā* (М. А., 265) 'Сумаритдас «Беспроволочный [телеграф]» третий день уж животом мучается. А то бы давно все рассказал' (кликка уже стала «вторым именем» человека).

Приложения могут быть слитными, т. е. состоящими из двух приложений, выступающих в одной и той же позиции по отношению к определяемому слову, например: *nīm kī ṭhāḍhī chāyā mē Gurudīn caudhrī apnā moṭā laṭṭh sābhāle hue baiṭhe hāī aur uskī (Jumman kī) buṛhīyā mā Sākūran us se bātē kar rahī hāī* (Z., S., 70) 'В прохладной тени нима, опираясь на свою толстую палку, сидел староста Гурудин, а старуха, его мать Шакуран, вела беседу с ним'; *Prāṇmohan bābū ne kuch dīn hue apne ghar mē Amaleśh kā ānā-jānā band kar diyā thā... is liye (unkī putrī aur apnī sacerī bahān) Vīṇā ke pīche hāth dhokar paṛ gayā hai* (М. А., 198) 'Несколько дней назад Пранмохан-бабу запретил Амалешу бывать у него в доме... Поэтому [Амалеш] начал преследовать Вину, его дочь и свою двоюродную сестру'; *yuvak kemramen śrī Bhaveśnāth em. e. kī partīkṣā dekar āyā hai — partī ke vibhinna rūpō kā adhyayan karne (Partī, 12) 'Юноша фотограф, г-н Бхавешнатх, после экзамена на степень магистра искусств приехал сюда изучать пустошь'.*

Переходным случаем является тот, когда определяемое слово выступает с двумя приложениями, из которых одно стоит в препозиции, а другое — в постпозиции по отношению к нему, например: *būrhā Raghū Rāmāyanī thar-thar kāp rahā hai — guru ho! dekho!* (Partī, 365) 'Старик Рагху, исполнитель Рамаяны, трясется весь: «Будь наставником! Смотрите!»'; *gāv ke prasiddha aur purāne lāl bujhakkar Bhīmmal māmā ne grām pustakālay ke paṭhanāgār mē ghoṣṇā kī* (Partī, 15) 'Всем известный старый деревенский мыслитель дядюшка Бхиммал сделал заявление в читальном зале местной библиотеки'; *jāti ke sardār Jhallū mocī aur Ghovan mocī ko vah roj dārū pilātā hai* (Partī, 352) 'Он каждый день поит дару (алкогольным напитком) вожаков касты — сапожника Джхаллу и сапожника Гхована'.

Приложение, как правило, выражается словом, лексически и семантически отличающимся от определяемого слова. Однако могут быть такие сочетания, в которых одно слово

лексически или семантически дублирует другое. При анализе их следует исходить из того общего правила, что приложение характеризует, квалифицирует, уточняет или раскрывает содержание другого компонента сочетания. Синонимические повторы, широко распространенные в хинди и по форме совпадающие с аппозиционными сочетаниями (например: *pālan-poṣaṇ* 'вскармливание', *jāc-partāl* 'расследование', *kāṭ-chāṭ* 'разрезание'), не являются таковыми, поскольку в них отсутствует квалифицирующий момент. Что же касается лексических повторов, то дублирующее слово здесь может считаться приложением только в том случае, если оно имеет при себе определения.

Примеры: *śīt kā prakop huā aur sārā gāṁ khāsi mē gra-sta ho gayā aur vah sārī vipatti Jhīgur kī karnī thī — abhā-ge hatyāre Jhīgur kī* (Pr., Sarv., 41) 'Наступили холода, и вся деревня стала кашлять, — все это случилось из-за Джхингура, несчастного убийцы Джхингура'; *...yād ātī hai Māyejī, — Māyejī, Rāmkisun bābū kī «fistiri»!* (M. A., 39) '... Вспоминается Маеджи, жена Рамкисуна-бабу Маеджи!'

Ведущий компонент аппозиционного словосочетания обычно функционирует или как подлежащее, или как дополнение (см. приведенные выше примеры). Приложение редко сочетается с существительным в роли обстоятельства. Усиливая в определяемом слове его предметное значение, оно способствует восприятию его в роли подлежащего или дополнения, а не обстоятельства. Определяемое слово вместе с связующим от него приложением может выступать также в функции обращения, т. е. слова, грамматически не связанного с предложением.

В зависимости от функции ведущего компонента меняется грамматическое оформление аппозиционного сочетания:

1) в прямом падеже единственного числа оба компонента не подвергаются изменениям;

2) в косвенном падеже и вокативе единственного числа изменениям подвергаются, естественно, только те компоненты словосочетания, которые выражены изменяемыми существительными мужского рода;

3) в прямом падеже множественного числа первый компонент аппозиционного словосочетания, состоящего из имен женского рода, остается в неизменной форме единственного числа; форму множественного числа принимает лишь второй компонент, например: *...āp ko sunnā manā hai kyō dābtī thī kumārī beṭiyā* (Parti, 129) 'Вам нельзя слушать о том, почему утопились [ero] дочери-девственницы';

4) в косвенном падеже множественного числа окончание

-ō принимает только тот компонент словосочетания, который располагается непосредственно перед послелогом (второй компонент); первый компонент принимает форму косвенного падежа единственного числа, если он относится к изменяемым существительным мужского рода, или остается в неизменной форме единственного числа, например: *parga-nā ke itihās mē vidhavā hindū rāṇiyō ke rājākāj kī bātē milti hāi* (Parti, 416) 'В истории уезда встречаются сведения о правлении нескольких **рани** — индусских **вдов**'; *jin ek pīr kā nām hai... vah kabhi-kabhi manmohan vālā rūp dharkar kumārī aur bevā laṛkiyō ko bharmātā hai* (M. A., 315) 'Джином называют одного волшебника... Иногда он принимает вид красивого парня и соблазняет **молодых** — **незамужних** и **вдов**';

5) в вокативе множественного числа окончание -ō, характерное для существительных обоих родов, принимает лишь второй компонент, например: *uṭṭho, kisānō ke beṭe sarūto!* (M. A., 130) 'Вставайте, **молодцы**, **крестьянские дети**'; *kisān bhāiyo, māgne se kuch nahī milegā* (Nag., B., 176) '**Братья крестьяне**, просьбами мы ничего не добьемся'.

Таким образом, в хинди грамматическая форма не всегда отражает грамматические связи между компонентами словосочетания.

Семантическая связь между членами аппозиционного сочетания проявляется, в частности, в том, что в качестве приложения выступает обычно слово того же рода, что и определяемое. Однако иногда такого совпадения может и не наблюдаться, например: *parde ko hilāne vālī phāgun kī āvārā havā ne bāvan ke dīl ko bhī hilānā śurū kīyā* (M. A., 170) '**Бродяга-ветерок**, колыхавший занавеску, заставил трепетать и сердце Бавана'; *unhō ne us hatyā-kāḍ kī śīkār ek yuvatī kī bebaśī kā barā karuṇ citraṇ ek kavītā mē upasthit kīyā thā* (Ašk, Ch., 52) 'В новом стихотворении он нарисовал очень трогательную картину беспомощности одной **девушки**, **жертвы этой резни**'; *Parānpur koī choṭā gāv nahī, tumhārī naihar Kavaīyā kī tarah* (Parti, 228) '**Паранпур** — не какая-нибудь маленькая деревня, наподобие **Кавая**, **резиденции** твоего тестя'.

До сих пор мы рассматривали приложения, связанные с определяемым словом структурно и интонационно. Однако приложение в хинди может присоединяться к определяемому слову и при помощи некоторых вспомогательных лексических средств. Такими средствами связи служат союзы, союзные слова и слова полнозначные (самостоятельные): союзы *yānī* или *arthāt* 'то есть', союзные слова *jaisā* или *sarīkhā* и *sā* 'такой, как', самостоятельные слова *nāmak*,

nāmī или *nām kā* 'по имени', *śīrṣak* 'под заголовком', *urf* 'по прозвищу', *śifat* 'имеющий качество'.

Примеры на присоединение приложений при помощи:

1) союзов: ...*ek koṭhrī mē baithkar Jittan bābū yānī śrī Jiten-dranāth Miśra jī ekṭak khirkī se dekh rahe hāī* (Partī, 15) '...сидя в своей комнате, Джиттан-бабу, то есть господин Джиттендранатх Мишра, неподвижно смотрит в окно'; *ḍha-hī hūī havelī kī ek-ek īṭ par nāgarī akṣar «pa pu ha» kā mārka hai «pa pu ha» arthāt parānpur havelī* (Partī, 21) 'На каждом камне приходящего в ветхость помещения правления написано «па», «пу», «ха», то есть «Паранпур хавели»';

2) союзных слов: *devī Durgā jaisī larkī ā rahī hai* (Partī, 379) 'Сюда идет [величественная], как сама богиня Дурга, девушка...' *svayā Abhaya kā parivār bahut barā nahī thā, usmē Abhaya ke sivā do jan aur the — ek uskī hīre sī patnī aur dūsrā us kā phal sā baccā* (Z., S., 106) 'Семья Абхая не очень большая; она состоит из самого Абхая, его жены, подобной бриллианту, и его сына, подобного свежему плоду';

3) полнозначных слов: ...*ek din presnoṭ mē yah khabar prakāśit hūī kī Purniyā zile ke Merīgāj nāmak gāṇ mē māleryā ṣṭeṣan kholā gayā hai* (M. A., 61) 'Однажды появилось газетное сообщение, что в деревне (под названием) Меригандж округа Пурния открывается малярийно-эпидемиологическая станция'; *śrī Siyārāmśaran Gupta... kā janma Jāsi zile ke antargat Cīrgāṇ nām ke kasbe mē huā hai* (G., K., 23) 'Сиярамшаран Гупта ...родился в деревне (под названием) Чиргаон округа Джханси'; *Gulerī jī ne «Us ne kahā thā» śīrṣak kahānī mē bīc kī ghaṭnāō kā varṇan mara-nāsanna Lahnāsīh kī smṛti ke rūp mē kiyā hai* (G., K., 4) 'В рассказе (под заголовком) «Так сказала она» о событиях, прошедших за это время, Гулери повествует в форме воспоминаний умирающего Лахнасинга'; *unhō ne Dīn-dayāl Tivārī urf Dīnū... kī ucit khātir kī* (Partī, 167) 'Он достойно встретил Диндаяла Тивари, по прозвищу Дину'.

Приложения, присоединяемые посредством лексических средств, могут употребляться препозиционно или постпозиционно, хотя для каждого разряда приложений, различающихся средствами связи, эта позиция является твердо установленной и неизменной. Так, приложения, присоединяемые при помощи союзных слов *jaisā, sarīkhā* или *sā*, самостоятельных слов *nāmak, nāmī, nām kā, śīrṣak* и *śifat*, всегда находятся в препозиции. Приложения, присоединяемые посредством союзов *yānī* и *arthāt*, а также самостоятельного слова *urf*, употребляются постпозиционно (см. приведенные выше примеры).

Все рассмотренные лексические средства связи, за исключением союзных слов *jaisā*, *sarīkhā* и *sā*, не влияют на форму приложения. Только союзные слова влияют на форму существительного, являющегося приложением, обуславливая изменения, подобные тем, которые претерпевает имя в косвенном падеже единственного или множественного числа.

III. ПРЕДИКАТИВНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Предикативное определение имеет много общего с атрибутивным определением и приложением, но оно обладает и чертами, присущими только ему. Если атрибутивное определение и приложение характеризуются, хотя и в разной степени, зависимостью только от одного члена предложения, играющего по отношению к ним роль определяемого слова, то своеобразие предикативного определения заключается в том, что, обозначая признак предмета (и, следовательно, будучи связано с именем, называющим этот предмет), оно вместе с тем зависит и от глагола, выступающего в функции предиката. Таким образом, для предикативного определения, в отличие от других видов, характерна двоякая зависимость.

Предикативные определения обычно характеризуют как «члены, выражающие признак какого-либо предметного понятия (подлежащего или прямого дополнения), но связанные во временном отношении со сказуемым и, в частности, с глаголом»⁶.

Предикативное определение при глаголах полной предикации

Предикативное определение, связанное в структуре предложения с глаголами полной предикации, обозначает признак предмета, который становится наиболее заметным или актуальным в момент осуществления действия, выраженного глаголом, вместе с процессом его совершения.

Будучи связано с непереходным глаголом, предикативное определение называет признак, присущий самому предмету, который совершает действие, не направленное ни на какой другой предмет. Завися от обоих главных членов предложения (подлежащего и сказуемого), предикативное

⁶ В. Г. Адмони, *Введение в синтаксис современного немецкого языка*, М., 1955, стр. 358.

определение обозначает признак, который становится значимым и актуальным лишь во время совершения действия, например: *are! are! tū bādśāh ke sāmne nāgā bhāgā jā ga-hā hai* (M. K., 23) 'Эй! Эй! Ты же голый бежишь перед бадшахом'; *Madho to bhūkhā so gayā* (S. S.) 'Мадхо-то так и уснул голодным'; *pitā jī, āp to niścint baiṭhe hai. Kyā āp ko merā patra nahī milā?* (Z., S., 151) 'Отец, вы сидите такой спокойный. Разве вы не получили моего письма?'; *Sukhiyā kī mā ek or udās baiṭhī thī* (Z., S., 172) 'Мать Сукхии сидела печальная в сторонке'.

Прилагательное в функции предикативного определения, стоящее в форме прямого падежа единственного числа мужского рода, формально не отличается от наречия — обстояательства образа действия, так что выделенные слова в приведенных выше примерах можно понять и истолковать двояко — и как обстоятельство, и как предикативное определение: *nāgā* 'нагишом' (обстоятельство), 'голый' (предикативное определение); *bhūkhā* 'натошак' (обстоятельство), 'голодный' (предикативное определение); *niścint* 'беззаботно' (обстоятельство), 'беззаботный' (предикативное определение); *udās* 'печально' (обстоятельство), 'печальный' (предикативное определение).

Однако факт согласования изменяемого прилагательного с именем субъекта, выраженным существительными женского рода, а также общая всем прилагательным в этой функции позиция позволяют отнести это явление к предикативному определению. Примеры: *Lachmī ekdam nāgī khaṛī ho rahī hai* (M. A., 395) 'Лачхми стоит обнаженная'; *tum bhūkhī kyō so rahogī?* (Pr., Sarv., 219) 'Зачем же ты будешь [ложиться] спать голодной?'; *ek din niyamānusār Rāmeśvarī chat par akelī baiṭhī huī thī* (Kauśik, Tai) 'Однажды, Рамешвари сидела, как всегда, в одиночестве (букв. 'одинокая') на крыше'.

По-иному устанавливаются связи предикативного определения при переходном глаголе полной предикации.

Сравним предложения: *ve sab gāriyā āgan mē khaṛī dekhte hāi* 'Они видели, что все экипажи стоят во дворе, (букв. 'стоящие во дворе') и *sab gāriyā āgan mē khaṛī thī* 'Все экипажи стояли во дворе' (букв. 'были стоящими во дворе').

Они обнаруживают известную семантическую близость: отношения между *gāriyā* 'экипажи' и *khaṛī* 'стоящие' в первом предложении напоминают отношения между подлежащим и сказуемым во втором предложении. На первый взгляд может даже показаться, что и в первом предложении *khaṛī* является предикативным членом составного ска-

зуемого. Однако и по содержанию, и по форме этого слова можно видеть, что оно относится не к подлежащему *ve*, а к дополнению *gāriyā*.

В этом предложении сказуемое, выраженное переходным глаголом, будучи непосредственно связанным с подлежащим, согласуется с ним в роде и числе (мужской род, единственное число), а *kharī* относится не к подлежащему, а к дополнению и принимает форму женского рода, согласуясь со словом, которое выступает в этой функции. Возникает комплекс *gāriyā-kharī*, между компонентами которого устанавливаются отношения, сходные с отношениями между подлежащим и сказуемым.

Глагол *dekhnā* 'смотреть' обозначает действие, переходящее на объект. В процессе этого действия у объекта выявляются дополнительные признаки, которые выражаются этим своеобразным определением. Таким образом, слово *kharī*, будучи связано с глаголом-сказуемым во временном плане и в плане отношения к действительности, обозначает признак предмета, название которого функционирует в предложении в качестве прямого дополнения. Это слово с двойной зависимостью является предикативным определением. Своеобразие его заключается в том, что, если в предложениях с непереходным глаголом как глагол-сказуемое, так и предикативное определение связаны с подлежащим (и при наличии соответствующих условий согласуются с ним), то предикативное определение при переходном глаголе обозначает признак не подлежащего, а прямого дополнения. Наличие у предмета, выраженного прямым дополнением, того или иного признака не связано с действием глагола как его результат. В процессе осуществления действия только проявляется у же имеющийся у предмета признак.

Предикативное определение при глаголах неполной предикации

Мнение о том, что предикативное определение, как своеобразный член с двойной зависимостью, может употребляться только при глаголах полной предикации, представляется нам неверным, так как возможны и другие виды предикативных определений, которые грамматически ничем не отличаются от рассмотренных выше; разница заключается только в характере семантических связей между словами, обозначающими признак предмета, действие и предмет—объект действия.

Сравним употребление глаголов в следующих предложениях:

us ne ghar banāyā
 'Он построил дом'
māl yah bāt samajhtā hā
 'Я понимаю это дело'
vah merī bāt māntā hai
 'Он уважает мое мнение'

us ne tumhē ādmī banāyā
 'Он сделал тебя человеком';
māl us ādmī ko pāgal samajhtā hā
 'Я считаю его сумасшедшим';
vah mujhe apnā hitaiśt māntā hai
 'Он считает меня своим доброжелателем'.

Глаголы в предложениях, расположенных справа, употребляясь в несколько измененном значении, кроме прямого дополнения, требуют другого слова и без него выражают действие лишь частично, т. е. являются глаголами неполной предикации. В предложениях без этого добавочного слова образуется как интонационное, так и смысловое зияние, наносящее ущерб смыслу всего высказывания. Так, например, нельзя сказать: *sarkār ne Umākānt ko... banāyā* 'Правительство сделало Умаканта...'; *māl ne Rām ko... samajhā* 'Я считал Рама...'; *Syām is ādmī ko... māntā thā* 'Шьям считал этого человека...'.
 Указанные предложения становятся полными, если зияния в них заполнить соответственно словами: *mantrī* 'министр', *pāgal* 'сумасшедший', *apnā hitaiśt* 'свой доброжелатель'. Обозначая признак имени объекта, эти слова функционируют в предложении в качестве предикативных определений.

К глаголам неполной предикации относятся следующие.
 1. Глагол *banānā*, как однозначный смысловой глагол, имеет значение «делать», «создавать», «строить». Выступая в качестве глагола неполной предикации, он обозначает уже акт превращения объекта в нечто иное, называемое именем с предметным значением, или приобретение им какого-либо признака, который передается именем прилагательным, например: *soviyaṭ log mātṛbhūmī ko aur bhī zyādā śaktisālī aur s amṛddha banānā cāhte hāi* 'Советские люди хотят сделать свою родину еще более могущественной и процветающей'.

2. Глагол *samajhnā*, как однозначный смысловой глагол, имеет значение «понимать». В значении «считать», «полагать» он является глаголом неполной предикации. Примеры: *subodh mē aur sab guṇ the par ādmī pahcānnā na jānte the. Ve madārī lāl ko ab bhī apnā dost hī samajhte the* (Pr., Sarv., 155) 'Были в Субодхе и все другие достоинства, но вот распознавать людей он не умел, Мадари Лала он до сих пор считал своим другом'; *Kamlī ko dāin bhūt aur*

ḍākin par viśvās nahī tahsildār sāhab bhī ise mūrkhataṁ samajhte hāī (М. А., 133) 'Камля не верит ни в ведьм, ни в злых духов и привидений. Господин тахсильдар тоже **считает** все это глупостью'; *jānvarō mē gadhā sab se zyādā buddhihīn samajhā jātā hai* (Pr., Sarv., 118) 'Из всех животных самым глупым **считается** осел'.

3. Глагол *mānnā*, как глагол полной предикации, имеет значения: 1) «признавать»; 2) «уважать», «почитать»; 3) «верить».

Становясь глаголом неполной предикации, он приобретает значение «считать», «признавать (кем-то, чем-то или каким-то)». Примеры: *Jotakhi jī etrāz karte hāī—Kālīcaran ko ham log pās nahī māntē* (М. А., 140) 'Джотакхи джи **признает** Каличарана членом панчаята'; *Larsighdās ko kalakṭar sāhab ne bhī mahant mān liyā* (М. А., 90) 'Ларсингдаса даже сам окружной судья **признал** махантом'.

4. Глагол *kahnā* 'говорить', 'провозглашать', употребляясь в качестве глагола неполной предикации, имеет значение «называть (кем-то или каким-то)». Примеры: *log inḥē haizā—ḍakṭar hī kahte hāī* (М. А., 184) 'Люди **называют** его «холерным доктором»'; *ham jab kisī ādmī ko pahle darje kā bevakūf kahnā cāhte hāī to use «gadḥā» kahte hai* (Pr., Sarv., 187) 'Если мы хотим **назвать** кого-нибудь круглым дураком, то **называем** ослом'; *ve to hameśā ham loḍ ko hī choṭā kahte hāī* (М. А., 243) 'Ведь они всегда **называют** нас ничтожными'.

5. Глагол *ṭhahrānā* 'устанавливать', 'размещать', становясь глаголом неполной предикации, приобретает значение «определять», «считать», «квалифицировать», «признавать (кем-то или чем-то)». Примеры: *Srīpat jī ne dhvaniyō ke prayog ko bhī nindaniya ṭhahrāyā hai* (Yaś., A. u., 116) 'Даже **употребление** звукоподражаний Шрипат джи **считает** предосудительным'; *yadī kisī ālocak kī ālocnā mē truṭī yā niyat kā fark dikhāī de to kyā us ke liye sabhī ālocak ko sāmūhik rūp se uttardāyī ṭhahrānā ucit hogā?* (Yaś., A. u., 117) 'Разве **следует считать** всех критиков **ответственными** за то, что в какой-то критической статье какого-то критика имеются ошибки или искажение смысла?'

6. Глагол *batānā* 'говорить', 'сообщать', 'объяснять', 'разъяснять', употребляясь с предикативным определением, получает значение «называть (кем-то или чем-то)». Примеры: *Gopi Gulāb ko cor batātā hai* 'Гопи **называет** Гулаба вором'; *Sivdān sīh cauḥān is upanyās ko «hindī kā ab tak kā sarvaśreṣṭha upanyās aur sarvaśreṣṭha bhāratiya upanyās tathā yug kā mahākāvya batāte hāī* (Yaś., A. u. 113) 'Шивдан

Синх Чаухан называет этот роман «лучшим романом в литературе хинди и великой поэмой среди лучших индийских романов (нашей) эпохи».

7. Глагол *rakhnā*, как глагол полной предикации, имеет значения: 1) «ставить», «класть»; 2) «хранить», «беречь»; 3) «иметь», «обладать»; 4) «соблюдать», «исполнять».

Как глагол неполной предикации, он приобретает значение «держатъ (в качестве кого-то)» или «сохранять (каким-то)»: *basanti pīkar bīrle piyakkar hī hoṣ durust rakh sakte hāi* (М. А., 205) 'После весеннего дару даже заядлый пьянчужка редко сохранит рассудок здоровым'; *dāt ne javāb diyā—hā, nārāyaṇ ārko kuṣal rakhē* (Pr., Sarv., 57) '«Да хранит тебя Вишну процветающим»,—ответила няня'.

8. Глагол *cupnā* имеет значения: 1) «собирать» (например, цветы); 2) «отбирать» (например, игроков для команд). С предикативным определением, которое при нем всегда выражается именем существительным, он приобретает значение «избирать (кем-то)». Примеры: *kājrēs mē Rāmīāl Saksenā jī ko sekretrī cupā gayā* 'На конференции секретарем избран Рамлал Саксена'.

9. Глагол *badna* 'назначать', 'предлагать', 'выдвигать', как и предшествующий глагол, употребляется только с предикативным определением, выраженным именем существительным. Примеры: *Jumman Miyā, kise pās badte ho?* (Pr., Sarv., 136) 'Джумман Миян, кого [ты] предлагаешь [выбрать] членами [панчаята]?'; ...*Aglū Caudhrī ko to mānte ho? lo, māi unhī ko sarpās badtī hū* (Pr., Sarv., 137) 'Аглу Чаудхри уважаешь? Ну, так вот его я и предлагаю [выбрать] главой панчаята'.

10. Глагол *karnā* 'делать (что-то)', употребляясь в качестве глагола неполной предикации, означает «делать (кем-то, чем-то, каким-то)». Примеры: *unhō ne merī or aīst ākhō se dekhā jo patthar ko bhī tom kar detī* (Sud., T.) 'Она посмотрела на меня взглядом, который даже камень превращает в воск' (букв. 'делает камень воском'); *is tarah dīl choṭā karnā thīk nahī* (Yaś., Pinj. ur.) 'Нехорошо так убиваться' (букв. 'делать сердце таким униженным').

Примечание. Среди непереходных к разряду глаголов неполной предикации относится прежде всего *honā*, который в качестве глагола полной предикации имеет значение «быть, существовать», а как глагол неполной предикации—«быть, становиться (кем-то, чем-то, каким-то)»: *vah vidyārthī hai* 'Он (есть) студент'; *merā bhāi injīniyar ho gayā hai* 'Мой брат стал инженером'; *uskā cehrā lāl ho rahā hai* 'Его лицо становится красным'.

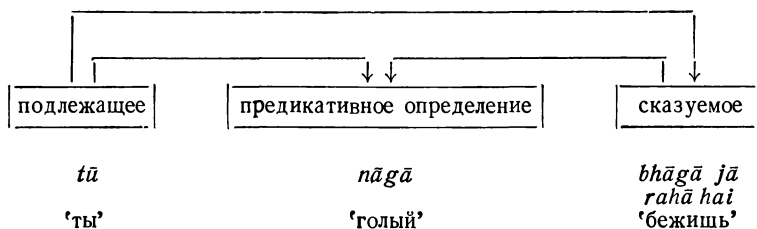
Имя, которое вводится в предложение глаголом *honā*, обозначает конкретное содержание состояния, намеченного глаголом. Этот именной компонент сочетания обозначает признак подлежащего, соединяясь с ним в

предложении посредством глагола *honā*, поскольку имя в хинди, как известно, предикативными признаками не обладает.

К непереходным глаголам неполной предикации, кроме *honā*, относятся и некоторые другие, также обозначающие факт существования, однако с большей конкретизацией: *banṇā* 'становиться, делаться (кем-то, чем-то)' — *vah svayāsevak ban gaī* 'Она стала добровольцем'; *rahnā* 'оставаться (кем-то, чем-то, в каком-то состоянии)' — *lekh adhūrā rahā hai* 'статья осталась незаконченной'; *nikalnā* 'оказываться (кем-то, чем-то, каким-то)' — *Sādhu cor nikalā* 'Садху оказался вором'; *ṭhaharnā* 'оставаться (как и прежде — кем-то, чем-то)' — *āp hī mere mitra ṭhahare hāi* 'Только вы остались другом'; *dikhṇā* 'казаться, выглядеть (кем-то, чем-то)' — *yah manuṣya videṣṭi dikhṭā hai* 'Этот человек кажется иностранцем'; *lagṇā* 'казаться, восприниматься (кем-то, чем-то, каким-то)' — *dākṭar ko bādal bare acche lagte hāi* 'Доктору кажутся прекрасными облака'.

Грамматические связи между именем субъекта, сказуемым и предикативным определением совершенно одинаковы как в том случае, когда сказуемое выражено полнозначным непереходным глаголом, так и в том случае, когда предикативные связи выражаются глаголом неполной предикации. В этом нетрудно убедиться, если сравнить две следующие схемы:

Полная предикация:

Неполная предикация

Здесь разница лишь в семантической наполненности глагола и, следовательно, его способности самостоятельно выступать в роли сказуемого. Если в первом случае глагол самостоятельно, полностью выражает содержание действия и образует группу сказуемого, то во втором случае глагол вне связи с предикативным определением не может пол-

ностью выражать действия (или состояния) и самостоятельно функционировать в роли предиката. Предикативное определение при нем, семантически выступая неотъемлемой частью завершенности и полноты суждения (действия или состояния), грамматически становится именной частью составного сказуемого. Таким образом, именная часть составного сказуемого — это предикативное определение при глаголах, в наибольшей степени утративших вещественное значение и получивших характер связочных глаголов.

Предикативные связи в такого рода словосочетаниях явно преобладают над атрибутивными, а само имя, выражающее признак имени субъекта, уже противостоит ему как семантически основной элемент предиката. Такой тип словосочетаний, генетически связанный с предикативным определением, следует рассматривать в разделе о сказуемом.

Согласование предикативного определения с именем объекта

Связь между предикативным определением и именем объекта выражается формально в тех случаях, когда предикативное определение выражено изменяемым прилагательным, а имя объекта употреблено без послелого *ko*.

Это проявляется в том, что прилагательное (или другое изменяемое слово, употребленное в этой функции), отражая форму определяемого слова, согласуется с ним: *ek mahātmā ne ḍaul acchā dekḥā to gāv mē āsan jamā diyā* (Pr., Sarv., 210) 'Какой-то святой, увидев, что деревня расположена в хорошем месте (букв. 'увидев расположение хорошим'), обосновался в ней'; *ālasī aur kāyar manuṣya apne kartavya se apnī jān adhik pyārī samajhte hāi* (K. K., 45) 'Ленивые и трусливые люди считают жизнь дороже долга'; *apnā mūh tum ne kālā kiyā* 'Вы измазали (букв. 'сделали черным') свое лицо'.

Предикативное определение не согласуется с именем объекта, если последнее выступает с послелогом *ko*; в этом случае предикативное определение, выраженное изменяемым прилагательным, употребляется в форме прямого падежа мужского рода⁷. Примеры: *tārī ke naṣe mē ādmī moṭargārī ko bhī sastā samajhtā hai* (M. A., 244) 'Напившись тари, человек даже машину считает дешевой [вещью]'; *is gālī ko koī burā nahī māntā* (M. A., 236) 'Никто не считает это ругательство оскорбительным для себя'; *Kamlā caḥṭī hai kī mā thori der ke liye ḍāktar ko akelā chor de* (M. A., 184)

⁷ Иногда — правда, весьма редко — наблюдается полное согласование предикативного определения даже с именем объекта, употребляемого с послелогом *ko*; сейчас, однако, это воспринимается уже как анахронизм, например: *ek ghaṇṭā paścāt ham isī bālīkā ko us ghar ke dvār par kharī dekhte hāi* (Kauśik, Rakṣa bandhan) 'Час спустя мы видим ту же девочку стоящей у входа в дом'.

‘Хочется Камле, чтобы мать хоть на минутку оставила доктора одного’.

Несколько иначе обстоит дело с предикативным определением — причастием настоящего или прошедшего времени, образованным по нормам живого языка. Предикативное определение, выраженное причастием, обычно согласуется с именем объекта, если последнее стоит без послелога, например: *māl darvāzā khulā choṛkar calā jātā hū* (Ašk, B. a., 206) ‘Я ухожу, **оставив дверь открытой**’; *...ek cor par āfat āī dekhkar dūsra cor uskī āp kar letā hai* (Pr., Sarv., 45) ‘...Увидев друга, попавшего в беду (букв. ‘**увидев беду, пришедшей на...**’), вор приходит к нему на помощь’; *Mīr sāhab darvāze par to the hī, muhre bāhar phēke jāte dekhe* (Pr., Sarv., 175) ‘Мир-сахаб, стоя у двери, смотрел, как выбрасывают шахматные фигуры’ (букв. ‘**видел фигуры выбрасываемыми**’).

Однако в этом случае иногда наблюдается отсутствие согласования, например: *is koṭhrī kā darvāzā khulte suntā to «annā! annā!» kahkar daurtā* (Pr., Sarv., 59) ‘Слыша, как открывается дверь комнаты (букв. ‘**слыша дверь открывающейся**’), он с криком уберал’; *farzī piṭṭe dekhā to dhā-dhlī karne lage* (Pr., Sarv., 185) ‘Увидев, что его ферзь находится под угрозой (букв. ‘**увидев ферзя поражаемым**’), [он] начал плутовать’.

Предикативное определение—причастие, как правило, не согласуется с определяемым словом—именем объекта, если последний стоит с послелогом *ko*, но в то же время определение не принимает и формы прямого падежа мужского рода единственного числа. Независимо от рода и числа определяемого слова, оно выступает в форме косвенного падежа мужского рода, хотя глагол-сказуемое по общему правилу принимает прямую форму мужского рода, например: *ekāek us ne Indramāṇī ko baisikal liye pletfārm par āte dekhā* (Pr., Sarv., 67) ‘Вдруг он увидел Индрамани, который шел по платформе, ведя велосипед’ (букв. ‘**увидел Индрамани подходящими**’); *...cārō javānō ko bhūmī par paṛe pāuā* (Pr., Sarv., 104) ‘...Всех четырех юношей [он] **нашел лежащими** на земле’; *jab ham jā rahe the to Rabiya aur Sonmā ko āp ke khet mē śakarkand ukhāṛte pakāgā* (M. A., 139) ‘По пути [он] захватил **Рабию и Сонму**, когда они рвали сахарный тростник у вас в поле’ (букв. ‘**застал рвущими**’).

Имя существительное в функции предикативного определения, занимая позицию между именем объекта и глаголом-сказуемым, всегда стоит в прямом падеже, независимо от конструкции предложения. Однако, несмотря на то что оно

выступает в форме прямого падежа и располагается непосредственно перед глаголом, в предложении с эргативной конструкцией предикативное определение никак не влияет на форму глагола-сказуемого — сказуемое в таких оборотах всегда стоит в «нейтральной» форме, например: *mujhe āśā hai ki āp sab logō ko mujh se koī śikāyat na hogī. mujhe apnā afsar nahī, apnā bhāī samajhiye* (Pr., Sarv., 153) 'Я надеюсь, что вы не будете жаловаться на меня. **Считайте меня своим братом, а не начальником**'; *phūkār us ne kahā—«is dhokhābāz dagābāz zālim ne mujhe miṭṭī kar diyā* (Yaś., Pinj. uṛ) 'Шипя (от ярости), она произнесла: «Этот обманщик, мошенник, негодяй разбил мою жизнь» (букв. 'сделал меня грязью').

Структурные разновидности предикативного определения и его место в предложении

Предикативное определение может быть нераспространенным и распространенным.

Чаще встречается нераспространенное предикативное определение, выраженное одним словом — прилагательным, причастием или существительным. В тех случаях, когда необходимо выразить побочные признаки имени — предикативного определения, оно, приобретая зависимые слова, образует распространенное предикативное определение, или группу предикативного определения.

Группа предикативного определения, выраженного прилагательным, может содержать в качестве пояснительных слов наречия меры и степени, а также целые обороты, употребляющиеся в хинди для выражения сравнения, например: *Jaysīh apne lambe kad ko aur bhī lambā kar diyā* (Sud., T.) 'Джайсинх гордо выпятил грудь' (букв. 'сделал свой длинный **рост** еще более длинным'); *ghar kā prabandh usne pahle kī apekṣā bahut acchā kar diyā hai* (Sud., T.) 'Она обставила свое жилище еще лучше, чем прежде' (букв. 'сделала **устройство** дома очень **хорошим** по сравнению с прошлым').

Предикативное определение, выраженное существительным, становится распространенным за счет введения в предложение определений или обстоятельств, относящихся к нему, например: *mahant Sevādās is ilāke ke gyānī sādhu samajhe jāte hāī* (M. A., 25) 'Маханта Севадаса люди **считают** ученым **садху** всего округа';

При одном глаголе могут выступать два и более предикативных определения, которые, не завися одно от другого, выступают как однородные члены предложения, соеди-

няясь посредством соединительных или противительных союзов, например: *kuch log vyartha hī ek sāth kaī kriyāō kā prayog karke vākyā bahut bhaddā aur jañil kar dete hāi* (Varṇā Г. Р., 95) 'Некоторые, употребляя без особой необходимости несколько глаголов подряд, делают предложение тяжелым и трудным [для понимания]'.

Прилагательное или существительное, выступающее в функции предикативного определения, может занимать по отношению к глаголу различные позиции: 1) может быть отделено от глагола сочетанием слов или даже целым предложением: *usca śikṣā prāpta (bi. e., el. el. bi. hai) karne ke uprānt Aṣk jī ne urdū bhāṣā mē likhnā śurū kiyā* (R., 373) 'После того как Ашк получил высшее образование (он бакалавр искусств и бакалавр права), он начал писать на урду'; 2) может занимать инвертированную позицию: *us ne hukm nikāl diyā kī lagāo śakkar par kanṭrol aur karo afīmciyō ko tang* (М. К., 23) 'Оно (правительство) издало постановление,—ввести контроль на сахар, чтобы поставить курильщиков опиума в безвыходное положение'; 3) предикативное определение может опускаться, если оно уже выступало в ближайшем контексте: *bolā — «dekho! ab kī bār māi tumhē aur māi kartā hū age na karūgā* (М. К., 35) '[Он] сказал: «На этот раз я извиняю вас (букв. 'делаю прощенными'), но уж больше не буду»'.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Aṣk, B. a.	— Upendranāth Aṣk, <i>Barī-barī ākhē</i> , Īlāhābād, 1955.
Aṣk, Ch.	— Upendranāth Aṣk, <i>Chīṭe</i> , Īlāhābād, 1949.
G., K.	— Gulābrāy, <i>Kathā-kusumājali</i> , Agrā, 1956.
K. K.	— Hamad Omar, <i>Kahāvātō kī kahāniyā</i> , Jammu, [S. a.].
M. A.	— Phaṇiśvarnāth Reṇu, <i>Mailā ācal</i> , Dillī, 1954.
M. K.	— Manorājak kahāniyā, Dillī, [S. a.].
Nag., B.	— Nāgārjun, <i>Balcanmā</i> , Īlāhābād.
Partī	— Phaṇiśvarnāth Reṇu, <i>Partī-parikathā</i> , Dillī, 1957.
Pr., Sarv.	— Premcand, Sarvaśreṣṭha kahāniyā, Dillī, [S. a.].
R.	Deviśaran Rastaugī, <i>Hindī sāhitya kā vivecanāt-mak itihās</i> , Dillī [S. a.].
S. s.	— Phaṇiśvarnāth Reṇu, <i>Sarpācmī kā sāgun</i> ,—«Kālpānā», aprail, 1958.
Sud., T.	— Sudārśan, <i>Tīrtha-yātrā</i> , Banāras, 1945.
Varma, H. P.	— Rāmcandra Varmā, <i>Hindī Prayog</i> , Banāras, 1953.
Yaś., A. u.	— Yaśpāl, <i>Ālocanā aur ulkāpāt</i> ,—«Nayā pāth», mārc, 1958.
Yaś., Pinj. uṛ.	— Yaśpāl, <i>Pinjare kī uṛān</i> , Lakhnau, [S. a.].
Z., S.	— Zakhūrbakhś, <i>Šabnam</i> , Bambaī, 1949.

О. Г. Ульциферов

СЛОЖНОСОЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ХИНДИ

Синтаксис сложного предложения является одним из наименее изученных разделов грамматики современного литературного хинди, хотя круг вопросов, связанных с характеристикой сложного предложения, представляет большой теоретический и практический интерес.

Работы индийских и других зарубежных авторов сейчас уже не могут удовлетворять индологов, поскольку они, с одной стороны, представляются несколько устаревшими (наиболее значительные работы по синтаксису сложного предложения написаны в конце XIX и в начале XX в.), а, с другой стороны, содержат, за редким исключением, элементарные сведения о сложном предложении.

Все сказанное в еще большей степени относится к одному из разделов сложного предложения — к сложносочиненному предложению¹.

Синтаксисом сложного предложения занимались и в Со-

¹ По вопросу о сложносочиненном предложении в хинди см.: S. H. Kellogg, *A grammar of the Hindi language*, London, 1875 (далее: Kellogg, *A grammar...*); M. Kempson, *The syntax and idioms of Hindustani* London, 1894 (далее: Kempson, *The syntax...*); Sūryakānt, *Sūrya hindī vyākaraṇ*, Dehli, 194...; T. Bailey, *Teach yourself Hindustani*, London, 1950; Sinhāsan Ray, *Ādarś vyākaraṇ aur racnā*, Kalkattā, 195...; Dunicand, *Hindī vyākaraṇ*, Hošiārpur, 1951; Kāmtāprasād Guru, *Hindī vyākaraṇ*, Kāśī, 2009; H. C. Scholberg, *Concise grammar of the Hindi language*, Oxford, 1955; S. V. Sarmā, *Navin hindī vyākaraṇ*, Dallī, 1955; Bi. Bi Sarmā, *Hindi grammar and translations*, Bombay, 1956; Satyaprakāś, *Vyākaraṇ manjarī*, Ilāhābād, 1956.

Из перечисленных работ лишь работы Келлога, Кемпсона, Камтапраасада Гуру и, в меньшей степени, грамматика Дуничаанда имеют самостоятельное научное значение. В дальнейшем ссылки будут даваться только на эти работы.

ветском Союзе. Но в работах советских индологов² рассматриваются в основном вопросы сложноподчиненного предложения и даются лишь самые основные сведения о сложносочиненном предложении в современном литературном хинди.

В настоящей работе автор исследует сложносочиненные предложения в современном литературном хинди, классифицируя их в зависимости от средств связи компонентов, характера выражаемых ими отношений и особенностей их структуры.

Положения работы основаны на анализе около 3000 примеров сложносочиненных предложений; нами были расписаны на карточки отдельные произведения Премчанда, Джайшанкара Прасада, Сударшана, Джайнендры Кумара, Упендранатха Ашка, Яшпала и других писателей, ряд публицистических работ, а также передовые и редакционные статьи газеты «Хиндустан» (месячный комплект) и газеты «Джан-юг» (полугодовой комплект).

* *
*

К сложносочиненным предложениям в современном литературном хинди можно отнести сочетание посредством сочинительных союзов двух или нескольких высказываний, объединенных ритмико-мелодически и образующих в своем сочетании структурно-синтаксическое и смысловое единство³.

Некоторые исследователи языка хинди высказывали мнение, что предложения, входящие в состав сложносочиненного, синтаксически самостоятельны, равноправны и не за-

² См.: А. П. Баранников, *Краткий грамматический очерк хинди* — В. М. Бескровный, *Хинди-русский словарь*, М., 1953, стр. 1211—1213; А. П. Баранников, П. А. Баранников, *Хиндустан (хинди и урду)*, М., 1956, стр. 225—236; Т. Е. Катенина, *Краткий очерк грамматики языка хинди* — «Русско-хинди словарь» под ред. В. М. Бескровного, М., 1957, стр. 1371—1375; Л. Г. Лозовой, *Условное предложение в современном литературном хинди*, — «Ученые записки Института востоковедения», т. XIII, 1958, стр. 179—212.

³ До сих пор нет единого определения сложносочиненного предложения. Наиболее полными и правильными, на наш взгляд, являются определения, приводимые в «Грамматике русского языка» (изд. АН СССР, т. II, ч. 2, М., 1954, стр. 177). Кроме того, заслуживают внимания определения сложносочиненного предложения в работе В. В. Виноградова «Основные вопросы синтаксиса предложения» («Вопросы прагматического строя», изд. АН СССР, М., 1955, стр. 425) и в работе И. А. Поповой «Сложносочиненные предложения в современном русском языке» («Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950, стр. 358).

висят друг от друга. Приведем высказывания Келлога и Кемпсона: «Когда объединены два или более грамматически независимых предложения, то они называются сочиненными»⁴; «Грамматически они (сложносочиненные предложения.—О. У.) самостоятельны»⁵.

Однако это мнение справедливо лишь в отношении «обратимых»⁶ предложений: *uski ākhē band thī aur uske vic ār na jāne kahā cakkār kāṭ rahe the* (Ašk, В. р., 146) 'Его глаза были закрыты, и его мысли витали неизвестно где'; *dar-vāzā caupaṭ khulā thā aur ghar ke sab log mīthī nīd mē kharrāṭe le rahe the* (Sud., Т., 102) 'Дверь была распахнута настежь, и все люди в доме спали сладким сном' (ср. *ghar ke sab log mīthī nīd mē kharrāṭe le rahe the aur dar-vāzā...*).

Но таких предложений в языке очень мало, и даже в сложносочиненных предложениях с соединительными союзами только первое предложение можно считать построенным свободно.

Структура же второго предложения и последующих, если они есть, бывает обусловлена отношением к первому⁷: *kāī dīnō se vah [larkā] rog-grasta thā aur kāī dīnō se donō mē se koī bhī kām par na gayā thā* (Ašk, В. р., 118) 'Несколько дней он (мальчик) был болен, и несколько дней никто из них двоих не ходил на работу'; *kisī ne bāhar khaṭkhaṭāyā, aur māī ghabra uṭhā* (Pras., In., 70) 'Кто-то постучал снаружи, и я вздрогнул'.

Здесь перестановка компонентов невозможна, так как в обоих предложениях имеется оттенок причинно-следственного сообщения, что позволяет нам ввести следственный союз: *kāī dīnō se vah rog-grasta thā aur isliye...; cūki kist ne bāhar khaṭkhaṭāyā, isliye māī...*

В предложении с противительными союзами порядок слов второго предложения в большинстве случаев обуслов-

⁴ Kellogg, *A grammar...*, p. 511.

⁵ Kempson, *The syntax...*, p. 121. Такой же точки зрения придерживаются и некоторые русисты: «Сложносочиненными предложениями называются такие предложения, в которых объединены грамматически равноправные, однородные предложения» (см. А. Н. Гвоздев, *Современный русский язык*, ч. 2, М., 1958, стр. 189); «Сложное предложение, состоящее из простых равнозначных предложений, не зависящих одно от другого, называется сложносочиненным» (см.: А. С. Матийченко, *Учебник русского языка*, ч. 2, Синтаксис, М., 1958, стр. 107).

⁶ Термин А. И. Пешковского (см. А. И. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении*, изд. 7^е, М., 1956, стр. 464).

⁷ См.: «Грамматика русского языка», т. I, ч. 2, М., 1954, стр. 177, 178; В. В. Виноградов, *Основные вопросы синтаксиса предложения*, стр. 431—433; «Современный русский язык. Синтаксис», изд. МГУ, 1958, стр. 345—347.

лен: в начале второго предложения стоит противопоставляемый член.

Правильно подошел к пониманию этого вопроса Гуру, который, говоря о «равноправии» сочетающихся предложений, подчеркивал, что «из этого не следует, что между ними нет взаимной зависимости»⁸.

Анализ смысловых взаимоотношений между компонентами сложносочиненного предложения показывает, что путем их соединения выражаются все смысловые отношения, существующие между предложениями, за исключением сравнительных, а именно—отношения временные, причинно-следственные, уступительные, присоединительные, сопоставительные, модально-оценочные и противительные. Кроме того, в сложносочиненных предложениях могут выражаться не только перечисленные отношения в чистом виде, но и сложный комплекс этих отношений.

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СОЕДИНИТЕЛЬНЫМИ СОЮЗАМИ

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СОЮЗОМ *AUR*. Структура сложносочиненных предложений с союзом *aur*

Предложения с союзом *aur* выражают отношения соединения и являются одним из распространенных видов сложносочиненных предложений. Сложносочиненные предложения с союзом *aur* весьма разнообразны по своей структуре. Здесь мы рассмотрим структуру исходя из трех критериев: состава, порядка следования компонентов и параллельности или непараллельности структуры.

А. Сложносочиненное предложение может состоять:

1) из двух или более простых предложений: *mere pitā jī ne raspanvē varṣa mē vivāh kiya thā aur mere janma ke samay unki avasthā sāṭh se kam na thī* (Pr., Nirm., 109) 'Мой отец женился на пятьдесят пятом году [жизни], и к моменту моего рождения ему было не меньше шестидесяти'; *vah garīb mā-bāp kā beṭā thā aur kālej kā kharc uṭhānā unke bas kī bāt na thī* (Ašk, B. p., 146) 'Он был сыном бедных родителей, и они не могли платить за обучение в колледже'; *gilās ko mez par rakhte hī uskā sir cakrāyā aur vah [prāṇnāth] kursī par pīche ko leṭ gayā aur uskī ākhē band ho gayī* (Ašk, B. p., 29) 'Как только он поставил стакан на стол, у него закружилась голова, [и] он откинулся на спинку стула, и глаза его закрылись'; *uske pās bāhu-bal*

⁸ К. Гуру, *Hindī vyākaraṇ*, рг. 674.

thā, aur rupayā thā, aur ādmī the aur berahmī thī (Sud., T., 89) 'У него была и сила в руках, и деньги водились, и слуги имелись, и жестокости у него хватало';

2) из двух предложений, одно из которых сложноподчиненное, а другое — простое: *mez par do ṭeriyar kutte baiṭhe hue bare dhyān se śatranj kī cālō ko dekh rahe the aur kabhī-kabhī jab unkī samajh mē khilārīō se koī bhūl ho jā-tī thī to panjō se mohrō ko ulaṭ-palaṭ dete the* (Pr., Svāsdn., 204, 205) 'У столика сидели два терьера и внимательно следили за передвижением фигур на доске, и иногда, когда, по их мнению, кто-нибудь из игроков допускал ошибку, они лапами опрокидывали фигуры'; *use niścay ho gayā kī is prārthanā kā avaśya hī uske sāth sambandh hai aur vah gallī par na thī* (Sud., T., 24) 'Она решила, что эта просьба, несомненно, касается ее, и она не ошиблась';

3) из двух предложений, каждое из которых является сложноподчиненным: *na to lekhaḥ mahoday ne yah socā kī māl kyā likhkar de rahā hū; aur na suvīgya patrakār mahoday ne yah samajhne kī kośiś kī kī yah kyā likhā gayā hai* (Var., Ach. hđī, 257) 'И уважаемый писатель не подумал о том, что за «труд» он дает, и мудрый редактор не попытался разобраться в том, что было написано'; *ek vah hāl jo yō kṣhuṣ-kṣhuṣ āzādī ke naśe se matvāle, garva se sir uṭhāye holt lagā rahe hāl, aur ek māl hū kī pinjre mē band pakṣī kī tarah tarpharā rahī hū* (Pr. S. yātrā, 35) 'Они, опьяненные свободой, гордо подняв голову, празднуют холи, а я быюсь как птица в клетке'.

Б. В отношении порядка компонентов сложноподчиненные предложения могут быть обратимыми и необратимыми.

Обратимость — сравнительно редкое явление. Она характерна для таких сложносочиненных предложений (употребляемых, как правило, при описаниях и характеристиках), компоненты которых слабо зависят друг от друга или между компонентами которых нет никаких других отношений, кроме отношений однородности (сообщая о разном, компоненты таких предложений рисуют общую картину, пейзаж и т. д.): *bādal zor-zor se garajne lagā thā aur havā bahut tez cal rahī thī* (Aśk, B. p., 60) 'Раздались сильные раскаты грома, и подул резкий ветер'.

Обратимыми могут быть и трехкомпонентные сложносочиненные предложения с «замыкающим» *aur*⁹: *pitā, mātā aur bahan tinō use apne sāmne baiṭhe hue mālūm hote the mātā lajjā tathā dukh se sir jhukāye udās ho rahī thī,*

⁹ В настоящей работе мы рассмотрим только двухкомпонентные сложносочиненные предложения.

pitā khare uskī or krodhonmatta, raktavarṇa netrō se tāk rahe the aur Śāntā śok nairāśya aur tīraskār kī mūrti banī hui kabhī dhartī kī or tāktī, kabhī ākāś kī or (Pr., Svāsdn., 256) '[Суман] показалось, что перед ней появились ее отец, мать и сестра. Печально сидела мать, согнувшись от стыда и горя, рядом стоял отец и смотрел на нее злыми, налитыми кровью глазами, и Шанта, всем своим видом выражая одновременно и скорбь, и отчаяние, и презрение, то опускала глаза, то устремляла взор кверху'.

Необратимость в большей мере характерна для сложно-сочиненных предложений. На необратимость предложения указывают следующие структурные признаки:

1) если подлежащее в обоих предложениях обозначает одно лицо, то во втором предложении подлежащее выражено местоимением 3-го лица: *ḍāktar sāhab ne is bāt ko jān liyā thā aur unhō ne Prāṇnāth ko apne yahā upayukta vetan par sahkārī ke rūp mē rakh liyā* (Ašk, B. p., 22) 'Доктор знал об этом, и он пригласил Праннатха работать у него консультантом за приличное вознаграждение'; *pūjī-vādī samāj mē vyavasāyī prakāśak hī sahitya aur kalā kā mūlyāñkan kartā hai aur vah uske upādeyatā aur naitiktā kā nirṇay kartā hai* (Yaś., N. p., 58. 2. 199) 'В капиталистических странах делец-издатель сам дает оценку литературе и искусству, и он же решает вопрос о художественной и моральной ценности литературы и искусства';

2) с подлежащим первого предложения соотносится местоимение, выступающее во втором предложении в роли дополнения или определения: *Candradev ne ek dīn is janākīrṇa sansār mē apne ko akasmāt hī samāj ke liye atyant āvaśyak manuṣya samajh liyā aur samāj bhī uskī āvaśyaktā kā anubhav karne lagā* (Pras., In., 45) 'Однажды в этом огромном мире Чандрадев почувствовал себя очень нужным обществу человеком, и общество также начало ощущать необходимость в нем'; *keval ek davā rah gayī thī aur use ubalṭe samay milānā thā* (Ašk, B. p., 33) 'Осталось только одно лекарство, и его надо было смешивать во время кипения';

3) подлежащее второго компонента, выраженное местоимением или существительным, может соотноситься не с подлежащим, а с любым другим членом первого компонента: *dhīre-dhīre uskā mūh bigarā aur phir vah sahsā ro parā* (Ašk, B. p., 112) 'Лицо его медленно сморщилось, и затем он неожиданно заплакал'; *dūkāndār ne cupke se apne ek naukar ke kān mē kuch kahā aur naukar dūkān se utar kar calā gayā* (Pr., S. yātrā, 77, 78) 'Лавочник, что-то шепнул слуге на ухо, и слуга вышел из магазина';

4) иногда во втором компоненте заключено то основное, что определяет содержание всего сложносочиненного предложения: *botal ko dekhte hī Cetan ke pitā kī ākhō mē lālī ke dore kuch aur gahre ho gaye aur usmē ek paiśācīk-sī-camak uṭpanna ho uṭhī* (Ašk, В. р., 87) 'При виде бутылки глаза отца Четана налились кровью, и в них загорелся какой-то дьявольский огонь'; *sab-ke-sab so rahe the aur ek kone mē Rāysāhab kā bhāī cārpāī se jaḡrā huā thā* (Sud., Т., 102) 'Все спали, а в углу к кровати был прикован брат Рай Сахаба';

5) общее для обоих компонентов слово может опускаться во втором из них: *kr̥ṣṇacandra ke svabhāo mē ab ek barā antar dikhāī detā thā unmē gambhīrtā kī jagah ekuddandātā ā gaī thī aur sankoc nām ko bhī na rahā thā* (Pr., Svāsdn., 165) 'Характер Кришначандры очень изменился. Вместо важности и серьезности у него появилась наглость, и не было намека на скромность'; *ek citra uske hāthō mē thā aur ākhō mē the āsū* (Pras., In., 52) 'В его руках была фотография, и в глазах стояли слезы'.

В. Под параллелизмом структуры понимается: а) соблюдение одинакового порядка слов (прямого или обратного), б) одинаковое выражение сказуемых—при глагольном сказуемом глаголы в обоих компонентах должны стоять в одном наклонении и времени; при именном сказуемом в одинаковом наклонении и времени должны стоять глаголы-связки. При несоблюдении какого-либо из этих условий можно говорить о частичном параллелизме. Параллелизма нет, если сказуемое одного предложения глагольное, а сказуемое другого—именное; если одно предложение простое, а другое—сложноподчиненное.

Виды сложносочиненных предложений с союзом *aur* в зависимости от характера отношений между компонентами сложного предложения

Сложносочиненные предложения очень разнообразны по характеру отношений между компонентами, объединенными союзом *aur*. Предложения, входящие в состав сложносочиненных предложений с союзом *aur*, всегда объединены соединительными отношениями, но внутри этих отношений выделяется ряд частных: отношения временные, причинно-следственные, присоединительные, сопоставительно-противительные и модально-оценочные. В основе этих отношений лежит соотношение реального содержания объединяемых компонентов сложносочиненного предложения.

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СОЮЗОМ *AUR*, ВЫРАЖАЮЩИЕ ВРЕМЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Во временном плане связь между компонентами сложносочиненного предложения может выступать как отношение одновременности или как отношение последовательности действий (явлений, признаков). Если события не зависят друг от друга и находятся в одной временной плоскости, то компоненты сложносочиненных предложений представляют собой однотипные высказывания, и предложения могут быть обратимыми.

Если события совершаются в разных временных плоскостях, то предложения не обратимы, поскольку порядок их компонентов отражает реальный порядок следования самих событий.

В выражении временных отношений — одновременности или последовательности событий — главную роль играет общий смысл сложного целого и реальное содержание его компонентов, которое обуславливает соотношение времен и видовых форм сказуемых. В выражении отношений последовательности событий главную роль играет порядок предложений, входящих в состав сложного целого. Соединительный союз *aur* указывает лишь на наличие смысловой связи между компонентами сложносочиненного предложения, характер же связи определяется смыслом, содержанием компонентов.

ОТНОШЕНИЯ ОДНОВРЕМЕННОСТИ

Действия (состояния) или признаки, о которых говорится в разных компонентах сложносочиненного предложения, при отношениях одновременности совпадают по времени. Это совпадение может быть полным, когда действия начинаются в один момент и обладают одинаковой длительностью или когда глаголы обозначают постоянные признаки. Совпадение бывает неполным, если действия обладают неодинаковой продолжительностью и если одно из них протекает на фоне другого.

1. Сказуемыми обоих компонентов являются глаголы в прошедшем несовершенном. Они выражают действия, длительно протекавшие, например:

Harikumār apne āpko mālik na samajhie the aur na prāṇ-nāth apne ko naukar jāntā thā (Ašk, В. р., 21) 'Харикумар не считал себя хозяином, и Праннатх не полагал себя слугой'; *kavītā se prem thā aur svayam acche kavī the* (Pr.,

Svāsdn., 172) 'Любил поэзию (букв. 'была любовь к поэзии'), и сам он был неплохим поэтом'.

Сказуемые обоих компонентов могут быть выражены глаголами в продолженном, длительном, длительно-прогрессивном и многократном видах, например:

а) продолженный вид (встречается наиболее часто):

Dayāśankar kacahrī jā rahe the aur barī bahū āhkō mē āsū bhare unhē bidā kar rahī thī (Pr., Prāśm., 40) 'Дайяшанкар шел в суд, и жена старшего сына прощалась с ним со слезами на глазах'; *uske dhāvō se rakta bah rahā thā aur vah apne hāthō se śtīse ke nanhe tukre nikālne kā viphal praysā kar rahā thā* (Ašk, B. p., 113) 'Из его ран текла кровь, и он безуспешно пытался извлечь крохотные осколки стекла из своих рук';

б) длительный вид:

rāt ke bārah-bārah baje tak haro kī chat par dholak baj tī rahī, aur striyō ke dehātī gītō se sārā gāv gūjta rahā (Sūd., T., 23) 'До двенадцати часов ночи на крыше Харо, продолжали греметь барабаны, и вся деревня, казалось гудела от деревенских песен женщин';

в) длительно-прогрессивный вид:

Suman se milne kī utkanthā nitya prabal hotī jāti thī aur śankāē us utkanthā ke nice dabtī jāti thī (Pr., Svāsdn., 140) 'Желание встретиться с Суман непрерывно росло, и это желание отодвигало на задний план все сомнения';

г) многократный вид (как правило, в одном из компонентов выражается многократный вид, а в другом — длительный):

uski bhī ek ākh se hañst aur dūsre se āsū kā udgam huā kartā, aur ve donō dṛśya use prerit kiye rahte (Pras., In., 89) 'Из одного ее глаза обычно текли слезы, а другой обычно смеялся, и она радовалась при виде этого'; *sārā cehrā dārhī-māchō se chipā rahā thā aur sir par rūkhe-rūkhe bāl lahrāyā karte the* (Ašk, B. p., 170) 'Все его лицо было скрыто под густой растительностью, и на голове всегда развевались всклокоченные волосы'.

2. Сказуемые обоих компонентов выражены глаголами в настоящем несовершенном.

В художественных произведениях такие предложения употребляются главным образом при описании прошлого, когда писатель стремится оживить повествование и придать изображаемому наибольшую конкретность, например: *so devī-devtā log ise dekh rahe hāī aur duniyā kī is sthiti kī svārgalok mē barī carcā cal rahī hāī* (Kum., P. s., h. 3, 4) 'Боги видят все это, и в раю ведутся длинные беседы об этом состоянии земли'; *Poṣṣām ke pās kā pradeś retilā hāī*

aur bahut-sī jhīlē haī (Yaś., N. P., 56. 10. 749) 'Район Потсдама песчаный, и [там] встречается много озер'.

В языке прессы и публицистики настоящее несовершенное встречается довольно часто, причем удельный вес его весьма велик—половина всех примеров на сложносочиненные предложения с союзом *aur*, которые были взяты из прессы и публицистики, содержит форму этого времени.

В этом случае действия могут:

а) полностью совпадать, когда одно действие (явление) сопутствует другому или сопровождается другим: *uskī strī ko iskī khabar nō jāti aur vah ek dīn ghar se nikal jāti hai* (Pr., K. vcr., 25) 'Его жена узнаёт об этом, и она однажды уходит из дома'; *jab se laṛke jānte hai skūl ke sekeṇḍ māstar Mośā bābū hī hai...pakkā rang hai aur bare vinodī svabhāo ke jīv hai* (Kum., P. s., bh. 1, 1) 'С того времени как мальчики помнят себя в школе, вторым учителем в школе работает Моша-бабу. У него всегда хороший цвет лица, и он обладает на редкость веселым характером';

б) частично совпадать, когда одно действие оказывается более длительным и выражается, как правило, глаголами в длительном и длительно-прогрессивном видах: «*ko lekar*» *ka yah rog dīn-par-dīn barhtā jāta hai; aur kuch log bahut hī bhaddī tarah se vyavahār karte hai iskā* (Var., Ach. hdi., 197) 'Эта болезнь употребления «ко лэкар» («с», «вместе») растет день ото дня, и некоторые люди используют его совершенно неправильно'; *jīvan mē aisi samasyāe nitya upasthit hotī rahtī hai aur un se paidā honevālā dvandva ākhyāikā ko camkā detā hai* (Pr., K. vcr., 31) 'В жизни такие проблемы возникают постоянно, и противоречие, порожденное этими проблемами, украшает повествование';

в) периодически повторяться (с оттенком многократности) или иметь оттенок большей или меньшей длительности: *zarā-zarā bhī bāt par ghaṇṭō tak tarka-vitarka hotā hai aur ant mē vakīl sāhab ko ākar nirṇay karnā partā hai* (Pr., Nirm., 9) 'Самый пустяковый вопрос обсуждается часами, и в конце концов его приходится разрешать самому г-ну адвокату'; *log aksar use hī santuṣṭa karne ke liye sevā kā nām lete hai aur tīvra pratisparddhā ke mūl mē asal mē vyaktigat mahatvākāṅkṣā hī prerak śakti hotī hai* (Hind., 16. 10. 57) 'Люди часто занимаются общественной и государственной деятельностью для его (честолюбия) удовлетворения, и в основе жестокого соперничества лежат, в действительности, вдохновляющие силы людского честолюбия'; *āj choṭe-bare klāsō mē kahāniyā parhāt jāti hai, aur parīkṣāō mē un par praśna kiye jāte hai* (Pr., K. vcr., 37) 'Сейчас рассказы изучаются в старших и младших классах, и на

экзаменах задаются вопросы, связанные с содержанием этих рассказов'.

3. Глагол-сказуемое первого компонента стоит в несовершенном прошедшем или настоящем времени, а глагол-сказуемое второго — в совершенных формах прошедшего времени.

В первом компоненте выражается длительное действие (состояние), а во втором — менее длительное, протекающее на фоне первого действия. Следовательно, совпадение во времени в таких случаях не полное, а частичное. Примеры: *krodh ke māre unkā śarīr kāp rahā thā aur māthe par bīsō tevar par gaye the* (Ašk, B. p., 111) 'Все его тело тряслось от злости, и лицо исказилось от гнева'; *mallayuddha antim yuddha thā aur uske samay prajā kī utsukā is bhāt-bhāt ke dveṣhīn yuddha mē bahut barh gayī thī* (Kum., P. s., bh. 3, 18) 'Борьба была последним видом единоборства, и пока она длилась, интерес народа к этому, лишенному братоубийственной вражды, поединку возрос'.

Если сказуемое первого компонента выражено глаголом в форме настоящего времени, то оно обозначает постоянное или регулярно совершающееся действие. Глагол-сказуемое второго компонента, как правило, выступает в форме перфекта. Примеры: *urdū mē hāsyā-ras ke kāl āce-āce darje ke lekhaḥ aur Paṇḍit Ratannāth Dar to is rang mē kamāl kar gaye hai* (Pr., K. vcr., 107) 'В литературе урду имеется несколько писателей-юмористов высшего класса, и пандит Ратаннатх Дар создал подлинные шедевры в этом жанре'; *Hāshim kī dūkān par āj bhī pikeṭing ho rahī hai aur tamāṣāī āj bhī jamā hāī* (Pr., S. yātrā, 121) 'У магазина Хашима сегодня опять происходит пикетирование, и сегодня вновь собрались зеваки'.

4. Сказуемое первого компонента стоит в совершенных формах прошедшего времени, а сказуемое второго компонента — в несовершенных формах прошедшего и настоящего времени. Если сказуемое второго компонента имеет форму настоящего времени, то сказуемое первого, как правило, выступает в форме перфекта. Первое действие более кратковременное. Действие второго компонента возникает в процессе осуществления первого, а не после его завершения. В этом случае совпадение по времени также частичное. Примеры: *śām ho gayī aur Kuntī khiṛkī ke sāmne kursī ḍāle ḍākiye kī pratīkṣā kar rahī thī* (Ašk, B. p., 105) 'Наступил вечер, и Кунти, поставив стул у окна, ожидала прихода почтальона'; *patnī kā dehānt ho gayā aur koī riṣṭedār thā nahī* (Ašk, B. p., 158) 'Жена умерла, а из родственников [при этом] никого не было'.

Предложения, где сказуемое первого компонента стоит

в форме перфекта, а сказуемое второго, обозначающее действие, совершающееся на фоне результата ранее свершившегося действия (выраженного сказуемым первого компонента), — в форме настоящего несовершенного, наиболее часто встречается в языке прессы и публицистики. Примеры: *ab sāhitya ne yah kām apne zimme le liyā hai aur uskā sādhan saundarya prem hai* (Pr., K. vcr., 9) 'Теперь литература взяла на себя ответственность за это, и ее основным оружием является любовь к прекрасному'; *bhārat mē Bankimcand aur dākṭar Ravīndranāth ne kahāniyā likhī hāi aur un mē se kitnī hī bahut ūca koṭī kī hāi* (Pr., K. vcr., 24) 'В Индии рассказы писали Бонкимчондро и д-р Рабиндранатх, и среди них (рассказов) есть много подлинных шедевров'; *urdū mē bhī vigyān-sambandhī pāribhāṣik śabda banāye gaye hāi aur abhī yah kram cal rahā hai* (Pr., K. vcr., 90) 'В урду также создавались термины, связанные с научной литературой, и этот процесс продолжается и по сей день'.

5. Сказуемые обоих компонентов выражены глаголами в совершенных формах прошедшего времени.

Отношения одновременности в этом случае выражаются при следующих условиях:

а) когда действия протекают так, что результаты их почти совпадают: *huḍ khulā aur mis Līlāvati reṣmī sārī pah-ne muskirātī huī nikāl āī* (Pr., S. yātrā, 64) 'Верх коляски рикши откинулся, и показалась улыбающаяся мисс Лилавати, одетая в шелковое сари'; *agyāt rūp se gardan tan gayī aur cehrā ek alaukik tej se damak uṭhā* (Pr., S. yātrā, 126) 'Неизвестно почему ее голова гордо поднялась, и лицо как-то необычно засветилось';

б) когда второе действие или сопровождает первое, или является одной из сторон его проявления: *do-tīn sipāhiyō ko halkī coṭē āyī uske badle mē bārah ādmiyō kī jānē le lī gayī aur kitnō hī ke ang-bhang kar diye gaye* (Pr., S. yātrā, 13) 'Несколько солдат получили легкие ушибы. В отместку было убито двенадцать человек, и очень многие получили тяжелые раны'; *is pustak mē hindī, urdū, marāṭhī, tāmil, panjābī, sindhī ādī pramukh 14 bhāratīya bhāṣāō ke sāhitya kā paricay diyā gayā aur sāth hī pūrvi pākistān ke banglā sāhitya aur bhāratīyō dvarā racit angrezī sāhitya par bhī do nibandh diye gaye the* (N. P., 57. 8—9. 516) 'В этой книге дано описание литературы на хинди, урду, маратхи, тамили, пенджаби, синдхи и других важнейших языках Индии, и наряду с этим помещены две статьи: первая о бенгальской литературе в Восточном Пакистане и вторая — о литературе индийских авторов, пишущих на английском языке'.

В конструкциях, где сказуемое выражено совершенными формами прошедшего времени, зачастую трудно провести четкую грань между одновременностью и последовательностью, поскольку вряд ли такая грань имеется и в реальном восприятии явлений.

6. Глаголы-сказуемые обоих компонентов могут стоять в форме будущего времени. Примеры: *ek qānūn mere liye bhī banā do... tumhārā nām amar ho jāegā aur ghar-ghar tumhārī pūjī hoḡī* (Pr., S. yātrā, 30) 'Придумай и для меня закон... Ты обессмертишь свое имя, и тебе будут поклоняться в каждом доме'; *candramā mē jākar cārō or ke bāre khul jāēge aur caltī phirtī prayogśālā vyomyān se candramā kī yātrā ke liye nikal parēḡī aur apne anubhav prthvī ko bhejēḡī* (Hind., 8. 10. 57) 'По прибытии на луну стенки ракеты раскроются, и из космического корабля выползет подвижная лаборатория, которая, передвигаясь по луне, будет передавать на землю результаты своих наблюдений'.

7. Сказуемое одного или обоих компонентов может быть именным или причастным. При этом глагольное сказуемое во времени соотносительно с глаголом-связкой составного сказуемого.

В качестве именной части сказуемого могут выступать имена существительные, прилагательные, местоимения, причастия — сложные (только совершенного вида) и причастия с *vālā*. Если в роли сказуемого выступает глагол в несовершенных формах, то в обоих компонентах выражается одновременность признака и действия в плане настоящего, прошедшего и будущего. Примеры: *kal nayā asistentḥ trafik-inspektor ānevālā hai aur vah us par pūrī tarah apnī योग्यता की धाक जमा देना चाहता था* (Aśk, B. p., 150) 'Завтра приезжает новый заместитель инспектора перевозок, и он (Нандагал) хочет произвести на него хорошее впечатление'; *ek dīn vah ghūmte hue kuīns park jā nikalā vahā ek śāmiyānā tanā huā thā aur log baiṭhe hue profesar Rameśdatta kā prabhāośālī vyākhyān sun rahe the* (Pr., Svāsdn., 215) 'Однажды, прогуливаясь, он случайно забрел в «Куинс-парк». Там был натянут тент, и люди, сидевшие под ним, слушали блестящую лекцию профессора Рамешдатта'.

Иногда временные отношения тесно переплетаются с причинно-следственными. Это происходит в том случае, когда сказуемое второго компонента именное или причастное. Во втором компоненте говорится о признаке, выступающем как следствие того, о чем сообщается в первом компоненте. Примеры: *das baje tak kathā-vārttā hotī rahī aur Sukhiyā vrkṣa ke nice dhyānāvasthā mē kharī rahī* (Pr., S.

sum., 15) 'Беседа продолжалась до десяти часов, и Сухкия стояла под деревом, погруженная в свои мысли'; *bāhar var-ṣā ho rahī thī aur cetan apne kamre mē cupcāp bistar par letā huā thā* (Ašk, B. p., 83) 'На улице шел дождь, и Четан молча лежал на кровати в своей комнате'.

Когда глагол-сказуемое выступает в совершенных формах прошедшего времени, наблюдается частичное совпадение во времени. Следует отметить, что такие случаи редки в хинди. Примеры: *Nāi ghaṇṭe bhar āyā huā hai aur abhi tak rupaye nahī mile* (Pr., Nirm., 141) 'Наи целый час торчит здесь, и до сих пор не получил денег'.

При наличии именных сказуемых в обоих компонентах одновременность выражается согласованием времен вспомогательных глаголов. Примеры: *itne mē Gangājālī aur unke pitā donō ākar cārṣāi ke pās khare ho gaye. unke mūh vikṛthe, aur un par kālīmā lagī huī thī* (Pr., Svāsdn., 236) 'В это время появились Гангаджали и ее [Суман] отец. Они подошли к кровати и остановились. Их лица были искажены, и на них застыло выражение скорби'.

ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ

Отношения последовательности характеризуются тем, что во втором компоненте сложносочиненного предложения говорится о действии или явлении, которое начинается после завершения действия первого компонента.

Действия, выраженные сказуемыми сложносочиненных предложений в этом случае, представляются более динамичными, чем действия, о которых сообщается в предложениях с одновременностью высказываний. Порядок следования компонентов при отношениях последовательности соответствует порядку смены реальных действий.

К основным синтаксическим средствам, характеризующим отношения временной последовательности, относятся, как и при отношениях одновременности, видо-временные отношения между глаголами-сказуемыми.

1. Наиболее отчетливо отношения временной последовательности проявляются при глаголах-сказуемых, стоящих в совершенных формах прошедшего времени. Примеры: *mun-ṣī jī bare veg se kampanī bāg kī taraf cale socne lage, śāyad vahā ghūmne gaye hō, aur ghās par leṭe-leṭe nīd ā gayī ho* (Pr., Nirm., 194) 'Мунши быстро пошел в сторону «Кампани-баг». Он думал: «Вероятно, [Сиярам] пошел гулять в сад и уснул там, лежа на траве»' (букв. 'ему, лежащему на траве, пришел сон'); *malāvī mar cukī thī aur uskī ṭūṭī jhōṛī kī jagah ek ālīśān makān ban gayā thā* (Ašk, B. p.,

157) 'Малави давно уже умерла, и на месте ее развалившейся хижины был выстроен великолепный дом'; *cār mahīne bit gaye aur Banšīlāl aur uski strī Sōlan se āye* (Sud., T., 137) 'Прошло четыре месяца, и Баншилал вернулся с женой из Солана'.

Особенно ярко отношения последовательности проявляются при наличии во втором компоненте временных показателей, указывающих на последовательность действия: *ke bād* 'после', *phir* 'затем', *ek kṣaṇ ke bād*, *ek kṣaṇ mē*, *dūsre kṣaṇ mē* 'тотчас', *dūsre dīn* 'на следующий день' и др., например: *ek halkī-sī cīkh havā mē gūjī aur uske bād Mah-tāb rāy besudh ho gaye* (Sud., T., 38) 'Раздался еле слышный возглас, и после этого Махтабрай упал без чувств'; *rāt hī ko tār de diyā gayā; aur dūsre dīn dākṭar Sinhā nau bajte-bajte moṭar par ā pahunce* (Pr., Nirm., 149) 'Ночью послали телеграмму, и на следующий день в девять часов доктор Синха приехал на машине'; *dākū ke ōṭh vidrūp se kuncit ho uṭhe aur phir un par ek vyangmayī muskān phail gayī* (Ašk., B. p., 127) 'Губы бандита задрожали от гнева, и затем на них появилась ироническая усмешка'; *gānā band ho gayā aur ek kṣaṇ ke bād kṛṣṇacandra ne ek dīrghakāy jaṭādhārī sādhu ko apnī or āte dekhā* (Pr., Svāsdn., 231) 'Пение окончилось, и в следующее мгновение Кришначандра увидел высокого длинноволосого аскета, идущего к нему'.

2. Отношения последовательности наблюдаются и в случаях, когда сказуемое первого компонента выражено совершенными формами прошедшего времени, а сказуемое второго — несовершенными формами прошедшего времени. При этом действие второго компонента изображается как длительное, возникшее после недлительного действия, о котором сообщается в первом компоненте. Примеры: *mantrī ne cande kī apīl kī thī aur kuch log candā de rahe the* (Pr., S. yātrā, 40) 'Секретарь призвал к сбору пожертвований, и некоторые люди давали [деньги]'; *Čamanlāl kā bukhār halkā ho gayā thā aur vah dhīre-dhīre apnī beṭī se bātē kar rahe the* (Sud., T., 127) 'У Чаманлала спал жар, и он тихо беседовал со своей дочерью'.

3. На временную последовательность указывают и конкретные значения соединяемых компонентов. В обоих компонентах глаголы-сказуемые могут выступать поэтому в несовершенных формах настоящего и прошедшего времени, а также в форме будущего времени. Во втором компоненте часто имеются лексические показатели последовательности. Примеры: *satya is rūp mē ākar sākār ho jātā hai aur tabhī janṭā use samajhtī hai aur uskā vyavahār kartī hai* (Pr., K.

всг., 27) 'В этих произведениях правда обретает свое конкретное содержание, и тогда народ понимает ее и начинает проводить ее в жизнь'; *bandūkō kī āvāzē sāf sunāi detī thī aur har ek dhāyan-dhāyan ke bād hazārō galō se jay kī gahrī gaganbhedī dhvani nikaltī thī* (Pr., S. yātrā, 14) 'Ясно были слышны винтовочные выстрелы, и после каждого залпа раздавался многоголосый, сотрясающий небеса возглас: «Да здравствует!»'; *miṣṭar king āēge aur āpko unkā bayān sun-nā hogā* (Pr., S. yātrā, 64) 'Приедет мистер Кинг, и вы должны будете выслушать его рассказ'; *suman mujh se kyā kahēgī, aur māi uskā kyā uttar dūzā* (Pr., Svādn., 213) 'Что прежде мне скажет Суман, и что я отвечу ей'.

4. Временная последовательность может быть выражена сочетанием предложений с неглагольными сказуемыми. При этом последовательность действий или состояний может относиться к прошлому и будущему. В качестве именной части сказуемого могут выступать имена существительные, прилагательные и сложные причастия совершенного вида. Примеры: *Lāl jī ko sakht coṭ lagī aur kuch sapṭāh bād unkā dehānt ho gayā* (J. yug, 58. 13—14. 42) 'Лал получил тяжелый ушиб и через несколько недель умер (букв. через несколько недель наступил его конец)'; *julūs samāpta huā aur moṭar Rāysāhab kī koṭhī par rukī* (Sud., T., 10) 'Демонстрация кончилась, и автомобиль остановился у дома Рай Сахаба'; *der karne se ve (śatru) bhī sambhal jāēge aur tab māmīlā nāzuk ho jāegā* (Pr., S. sum., 74) 'Если будем медлить, враги придут в себя, и наше положение станет тяжелым'; *ek bār antīm prayatna karūgā, aur merā prayatna saphal ho jāegā* (Sud., T., 77) 'Сделаю еще одну попытку, последнюю, и она будет успешной'.

Подводя итоги анализа средств выражения временной последовательности, отметим наибольшую употребительность совершенных форм прошедшего времени.

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СОЮЗОМ AUR, ВЫРАЖАЮЩИЕ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Сложносочиненные предложения могут состоять из двух компонентов, один из которых включает в себе сообщение о причине или основании какого-либо другого действия, а второй — содержит сообщение о том, что является следствием того, о чем говорится в первом. Причинно-следственные отношения определяются, таким образом, соотношением реальных значений обоих компонентов. Синтаксическим выражением этих отношений является лишь порядок следования компонентов, не имеющий в данном случае самостоя-

тельного значения. Предложения, выражающие причинно-следственные отношения, совершенно необратимы. Примеры: *rogiṇī samrddha gharāṇe se sambandh rakhtī thī aur ve inkār bhī na kar sakte the* (Ašk, B. p., 23) 'Пациентка поддерживала связи с богатыми семьями, и он не мог отказать [ей]'; *vah jānte the ki striyō ke peṭ mē bāt nahī pactī yah kisī-na-kisī se avāśya hī kah degī, aur bāt phail jāegī* (Pr., Svāsdn., 184) 'Он знал, что женщины не умеют хранить секреты. Она обязательно расскажет об этом кому-нибудь, и дело станет всеобщим достоянием'.

В языке прессы и публицистики, а также в научном языке, в сложносочиненных предложениях этого типа может выражаться умозаключение о следствии или результате того или другого предшествующего явления, а не умозаключение о причинах этого явления, например: *hindī ko karoṛō log āsānī se samajhte hāi aur bhāratīya bhāṣāō mē usī mē akhil bhāratīya bhāṣā hone kī kṣamtā hai* (Hind., 31. 10. 57) 'Миллионы людей легко понимают хинди, и среди индийских языков он один обладает способностью быть языком всей Индии'; *kṛyā-prayogō aur muhāvarō kā thik gyān na hone ke kāraṇ bhāṣā mē anek prakār kī bhūlē ho jāti āi aur anek avasarō par artha kā anartha ho jātā hai* (Var., Ach. hdi, 173) 'Неправильное употребление глаголов и незнание фразеологических оборотов приводят к многочисленным ошибкам в языке, и во многих случаях происходит искажение смысла'.

Причинно-следственные отношения могут уточняться словами *is liye* 'поэтому', *is (us) se* 'от этого', *is tarah (prakār)* 'таким образом', *ke phalsvarūp* 'в результате' и т. п., например: *parantu ve apne vyaktigat rūp mē rāṣṭrīya āvaśyaktāō kī pūrti nahī kar sakī aur is liye sanyukta rūp mē svayam hī unkā sanyog aur mel ārambh ho gayā* (Pr., K. vcr., 84) 'Но они (хинди и урду) не смогли порознь удовлетворить потребности нации, и поэтому само по себе началось их слияние в единую форму'; *manuṣya kī prakṛti sab jagah prāyah samān rūp se kām kartī hai; aur is liye anek bhāṣāō mē paraspar milte julte bhāṣvāle muhāvare bhī pāye jāte hāi* (Var., Ach. hdi, 174) 'Природа человека повсеместно почти одинакова, и именно поэтому во многих языках встречаются схожие фразеологические обороты'.

Сказуемое одного из компонентов может быть именным или причастным. При этом временные значения сказуемых, как правило, совпадают. Если предложения имеют в своем составе вспомогательный глагол в форме прошедшего времени, то глагольное сказуемое также выражается формами прошедшего времени, например: *Mohan kuch adhik paṛhā*

huā na thā aur Kuntī ko isī bāt kā dukh thā (Ašk, I. p., 102) 'Мохан не был достаточно образованным, и это печалило Кунти'; *gārī śū-śū kartī huī s̥ešan mē dākhil huī aur Amar cupcār pul kī or barhā* (Ašk, B. p., 70) 'Поезд, пыхтя, подошел к станции, и Амар молча стал пробираться в сторону моста'.

По характеру отношений компонентов сложносочиненные предложения этого типа приближаются к предложениям сложноподчиненным с придаточным причины. Особенно ярко это проявляется в предложениях с сочетаниями *aur isliye* (*isī liye*), в которых стираются смысловые границы между сочинением и подчинением,—отнесение данных предложений к сложносочиненным определяется только формальными признаками: наличием союза *aur* и относительной конструктивной самостоятельностью компонентов сложного целого. Наиболее близки подобные конструкции к придаточным причины, вводимым союзом *cūki* 'так как', 'потому что'. Рассмотрим следующий пример: *cūki sansār bhar ke log śānti cāhte hāi is liye sabhī ko śānti kī rakṣā ke liye sāgaṭhit honā cāhiye* (J. yug, 20. 4. 58) 'Так как народы всего мира хотят мира, все должны сплотиться для его защиты'.

Если в этом предложении отбросить союз *cūki*, а перед *isliye* поместить союз *aur*, то сложноподчиненное предложение превратится в сложносочиненное, но его значение не изменится.

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СОЮЗОМ AUR, ВЫРАЖАЮЩИЕ ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Под присоединением мы будем понимать такую связь компонентов в составе сложного целого, «при которой содержание второго предложения является дополнительным сообщением, вызванным содержанием первого предложения или возникшим по поводу него»¹⁰. При этом соединительные (и вообще, сочинительные) союзы в составе сложного синтаксического целого получают присоединительное значение. Акад. В. В. Виноградов называет подобные конструкции открытыми или сдвинутыми, где «смысловая связь... основана не на прямом логическом соотношении предложений, а на искомым, подразумеваемых звеньях»¹¹.

1. Наиболее отчетливо присоединительные отношения проявляются в тех случаях, когда союз *aur* выступает в

¹⁰ «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2.

¹¹ В. В. Виноградов, *Стиль Пушкина*, М., 1941, стр. 286.

с очетании с местоимением *yah* 'это'. Если второй компонент относится к первому как целому, то *yah* во втором компоненте выступает в роли подлежащего и служит для обозначения того, о чем сообщается в первом предложении. Примеры: *unkā rahan-sahan, unki bol-cāl, unki veṣ-bhū-ṣā, unke vicār aur vyavahār sab jantā se alag hai aur yah is liye ki ham angrezi bhāṣā ke gulām ho gaye* (Pr., K. vcr., 95) 'Его (образованного общества) жизнь, его язык и одежда, его мысли и поведение — все отлично от народа, и это потому, что мы стали рабами английского языка'; *(sarāf) usī vaqt ṭalā jab Dayānāth ne tīsre din bāki rakam kī cīzē lauṭā dene kā vādā kiyā, aur yah bhī uskī sajjantā hī thī* (Pr., G., 14) 'Меняла ушел лишь тогда, когда Даянатх обещал вернуть вещи на оставшуюся сумму, и это было [проявлением] великодушия с его (менялы) стороны'; *upanās ke caritrō kā citraṇ jītnā hī spaṣṭa gahrā aur vikāṣ-pūrṇa hogā utnā hī paṛhnevālō par uskā asar paṛegā aur yah lekhaḥ kī racnā-śakti par nirbhar hai* (Pr., K. vcr., 54) 'Чем ярче, глубже и динамичнее будут характеры персонажей романа, тем большее впечатление произведет он на читателей; и это зависит от мастерства писателя'.

Так как второй компонент содержит дополнение к первому и заключает в себе характеристику и пояснение всего того, о чем сказано в первом предложении, такой оттенок присоединительных отношений следует рассматривать как **присоединительно-изъяснительный**.

2. Второй компонент сложносочиненного предложения может относиться к какому-нибудь одному члену первого компонента. В таких конструкциях преобладание получает собственно определительное значение; слово, к которому относится второй компонент, обычно повторяется во втором компоненте (возможна и замена на сходные по значению слова). В функции определения обычно выступает местоимение *yah*, например: *bhāratīya saṁskṛti kī gaṇnā saṁsār kī prācīn saṁskṛtiyō mē kī jāti hai aur yah saṁskṛti ārya, anārya, draviṛ, śak, hūn, paṭhān aur mugal ādi saṁskṛtiyō ke saṁmīṣraṇ se nirmīṭ hui hai* (N. P., 57. 8—9. 513) 'Индийская культура стоит в одном ряду с древнейшими культурами мира, и эта культура была создана в результате смешения культур арийцев, неарийцев, дравидов, шаков, гуннов, афганцев, тюрков и других культур'; *is samay kyā karnā cāhiye uskā niṣcaṇ karnā āvaśyak thā, aur unhō ne turant yah niṣcaṇ kiyā* (Pr., Svāsdn., 88, 89) 'Теперь было необходимо принять решение о том, что делать, и он немедленно принял это решение'; *mere śarīr se bhī adhik ghāyal merā hṛday hai aur yah ghāo mujhe in ghāvō se*

bhī pyārā hai (Sud., T., 191) 'Мое сердце ранено больше, чем мое тело, и эта рана дороже мне всех других ран'; *le-kin vigat cār sapṭāhō mē śram ki utpādan-kṣamtā mē ām vṛddhi hui aur uttar pradeśō mē yah tezī khās taur se dekh-ne mē āyī* (Hind., 18. 10. 57) 'Но в последние четыре недели начался интенсивный рост производительности труда, и этот рост особенно проявился в северных районах'.

Местоимение *yah* может опускаться, например: *us ne yah vivād ko avāstavik sthiti kahā aur vivād sacmuc kṣtrim mālūm partā hai* (Hind., 19. 10. 57) 'Он назвал этот спор «нереальным положением вещей», и спор действительно кажется искусственным'.

Этот оттенок присоединительных отношений можно назвать **присоединительно-определятельным**, так как второй компонент определяет, характеризует какой-либо член (преимущественно подлежащее) первого компонента.

3. Иногда во втором компоненте высказывается мысль совершенно новая. Здесь присоединительные отношения означают только переход к другому предмету высказывания. Примеры: *yah nayā dṛṣṭikon, svayam unhī ke śabdō mē naitik hai aur vināśkar yuddha* «*bhūtkāl ki ek lāsyāspad cīz*» *ban jānā cāhiye* (Hind., 31. 7. 58) 'Эта новая точка зрения, по его словам, — моральная, и разрушительную войну следует сделать «шуткой прошлого»'; *pācō rang-rūṭ ek dūsre se lipaṭte the, uchalte the, cikhte the, mānō unhō ne sacmuc svarājya pā liyā ho, aur vāstav mē unhē svarājya mil gayā thā* (Pr., S. yātrā, 161) 'Пятеро рекрутов обнимали друг друга, прыгали, кричали, как будто они уже получили самоуправление, и они действительно получили самоуправление'.

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СОЮЗОМ *AUR*, ВЫРАЖАЮЩИЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ПРОТИВИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Сложносочиненные предложения с союзом *aur* могут выражать отношения сопоставления с оттенком противопоставления. В этом своем значении подобные предложения сближаются со сложносочиненными предложениями с союзом «а» в русском языке.

Сопоставительно-противительные отношения также основываются на соотношении реального содержания компонентов. В плане логическом сопоставление и противопоставление всегда тесно связаны. Во всяком сопоставлении можно обнаружить элементы противопоставления, в одних случаях в меньшей степени, в других — в большей, что позволяет

даже говорить о противопоставлении с союзом *aur*. Противопоставление создает возможность установить различия между сопоставляемыми предметами.

Сопоставляемые предметы (действия или явления) характеризуются обычно в одном плане (или в нескольких, одних и тех же для этих предметов, планах). Отсюда и частый параллелизм структуры обоих компонентов, например: *merī vednā rajnī se bhī kālī hai aur dukh samudra se bhī vistrī* (Pras., In., 115) 'Мои страдания чернее ночи, а горе—моря необъятнее'; *khālis āmdanī mẽ majūrī aur tan'hā kā hissā 43 fīsadī se ghaṭkar 33 fīsadī ho gayā aur munāfō kā hissā 58 fīsadī se barhkar 67 fīsadī ho gayā* (J. yug, 58, 13—14, 48) 'В чистом доходе доля заработной платы уменьшилась с 42% до 33%, а доля прибыли увеличилась с 58% до 67%'.

Сопоставление предполагает и своеобразный порядок слов в компонентах. Слова, выражающие сопоставляемые предметы, в обоих компонентах выносятся, как правило, на первое место. Если сопоставляются субъекты действий, то на первое место выносятся подлежащие, если же сопоставляются обстоятельства или—реже—объекты действий, то на первое место выносятся обстоятельства или дополнения.

1. Наиболее ярко сопоставительные отношения выражаются в тех случаях, когда подлежащие обозначают лица и выражаются именами существительными и местоимениями, например: *Nirmalā to cintāsāgar mẽ gotā khā rahī thī, aur Sudhā mīthī nīd kā ānand uṭhā rahī thī* (Pr., Nirm., 146) 'Нирмала лежала, погруженная в свои мысли, а Судха безмятежно спала сладким сном'; *vah baiṭh gayā aur Nandarām apne ūṭ par ghar kī or calā* (Pras., In., 18) 'Он сел, а Нандарам верхом на верблюде отправился в сторону дома'; *bābū sir jhukāye andar calā gayā aur Nandalāl barī sajaṭā se ṣeṣan par ghūmne lagā* (Ašk, B. p., 151) 'Служащий, понунив голову, вошел в помещение станции, а Нандалал настороженно начал прогуливаться по перрону'.

Сопоставление действий и их субъектов может уточняться сопоставлением обстоятельств действий, например: *māī śarīr par itne kaprō ke hote hue bhī patlūn ke ūpar kambal dālkar garm kamre mẽ baiṭhā hū aur yah garīb ṭhand mẽ paṛā hai* (Ašk, B. p., 13, 14) 'Несмотря на то, что на мне столько одежды, я сижу в теплой комнате, накинув на колени еще и одеяло, а этот бедняга лежит на холоде'; *banddhō kā mūl sāhitya prākṛt mẽ hai aur jainō kā adhik sāhitya apabhramś mẽ hai* (N. P., 57. 8—9. 515) 'Первоначальная литература буддистов написана на пракрите, а большинство джайнской литературы—на апабхрамше'.

2. При сопоставлении действий и их субъектов в начале первого компонента могут находиться слова и группы слов, общие для обоих компонентов, например: *is prālay kī rāt mē ādmī āyu bhar kī kamāt luṭā baiṭhā hai, aur mohrūpī ḍākū use pāp ke rāste par ḍāl detā hai* (Sud., T., 33) 'Вот в такую гибельную ночь человек проматывает все состояние, накопленное трудом всей жизни, а какой-нибудь «очаровательный» бандит толкает его на путь преступления'; *us anartha kī kalpanā se hī munśī jī ke roṭ khare ho gaye aur kalejā dhak-dhak karne lagā* (Pr., Nirm., 102) 'От одной этой нелепой мысли у Мунши волосы встали дыбом, а сердце учащенно забилося'.

3. В сложносочиненных предложениях с союзом *aur* могут сопоставляться объекты действий или сопровождающих их обстоятельств. Наличие такого сопоставления обычно подчеркивается тем, что сопоставляемые дополнения или обстоятельства помещаются на первом месте. Примеры: *phir bhī uskī dalīl ko āge rakhā jā rahā hai aur uske durā-caraṇ kī bāt ko dabāyā jā rahā hai* (Hind., 9. 10. 57) 'Тем не менее его довод выдвигается на первый план, а вопрос о его плохом поведении сводится на нет'; *darvāze par śah-nāī baj rahī thī aur bhītar gānā ho rahā thā* (Pr., Svādn., 153) 'У порога играла флейта, а внутри дома раздавалось пение'; *ūpar manzilō mē bam kī mār kā bhay thā aur nīce kī manzilō mē aur tahkhanē mē ūpar se malabā girkar dam ghuṭkar mar jāne kī āśankā* (Yaś., N. P., 56. 10. 753) 'В верхних этажах боялись попадания бомбы, а в нижних этажах и подвале боялись задохнуться под обломками дома'.

4. В более редких случаях сопоставляются объект и субъект действий, причем отношения между предложениями в целом близки к отношениям между компонентами сложноподчиненных предложений с союзом *jabkī* 'между тем (как)', 'в то время (как)': *Devprakāś ko ab āye din uskī śarāratō ke ulhane milne lage aur Satyaprakāś nitya ghurkiyā aur tamāce khāne lagā* (Pr., S. sum., 83) 'К Девпракашу каждый день стали поступать жалобы на его (Сатьяпракаша) проступки, а Сатьяпракаш начал постоянно выслушивать брань и получать зуботычины'; *Munśī jī ko utāvalī mē aise mārmiḱ prāśna tō sūjhe nahī jinke uttar dene mē catur larke ke bhī kuch socnā partā aur ūparī prāśnō ko Mansārām ne cutkiyō mē urā diyā* (Pr., Nirm., 60) 'В спешке Мунши не приходили на ум такие серьезные вопросы, над которыми даже способному мальчику пришлось бы подумать, а с простыми вопросами Мансарам справлялся шутя'.

В зависимости от сопоставляемых предметов (явлений) в конструкциях данного типа возможны различные соотношения именных и глагольных сказуемых сочетаемых предложений.

Сказуемые, как правило, бывают именными, если в основе сопоставления лежит несходство признаков различных предметов, причем, это несходство мыслится как постоянное, например: *Sayad Šafkatali penšanar dīptī kalektar the aur khā Sāhab Šarekhkhā prasiddha ḥakīm the* (Pr., Svāsdn., 173) 'Саид Шафкатали был заместителем начальника по пенсионному обеспечению, а Сахаб Шарех-хан — известным врачом'.

Если именное сказуемое в одном из компонентов имеет значение будущего или прошедшего времени, то такое же временное значение имеет и сказуемое другого компонента, например: *Panjāb ke hindī kṣetra mē iske viparīt hindī śikṣā kā mādhyam hogī aur panjābī ko isī tarah dūsri bhāṣā ke rūp mē paṛhāyā jāegā* (Hind., 28. 7. 58) 'В «хинди» районах штата Пенджаб, наоборот, хинди станет средством обучения, а пенджаби, таким образом, будет преподаваться в качестве второго языка'; *misez Saksenā sir pakṛe zamīn baithī huī thī aur vah kālā, moṭā ādmī dūkān ke kathghare ke sāmne kharā thā* (Pr., S. yātrā, 90) 'Миссис Саксена сидела на земле, обхватив голову руками, а тот черный и толстый человек стоял у решетки магазина'.

Во втором компоненте может отсутствовать вспомогательный глагол, но единство временного плана сохраняется, так как его определяет сказуемое первого компонента, например: *dūsre kṣaṇ Pannā dōgī par thī aur Nanhakūsīn phāṭak par* (Pras., In., 103) 'В следующий момент Панна была в челноке, а Нанхакусинх — на воротах'; *miṣṭar seṭh ko sabhī hindustānī cizō se nafrat thī aur unkī sundarī patnī Godāvarī ko sabhī videśī cizō se cīṛh* (Pr., S. yātrā, 34) 'Господин банкир ненавидел все индийское, а его красавица-жена Годавари презирала все заграничное' (букв. 'у господина банкира была ненависть к индийскому, а у жены [было] презрение к иностранному').

Сказуемые выражаются именем и глаголом, если в основе сопоставления лежит различие между признаком и действием разных лиц и предметов. Временные значения сказуемых, как правило, совпадают. Если вспомогательный глагол в составе именного сказуемого стоит в прошедшем времени, то сказуемое другого компонента также выступает в прошедшем времени, например: *kanyā kā pitā hāl mē jelkhāne se chūṭkar āyā hai aur kanyā kī ek bahan veṣyā ho gayī hai* (Pr., Svāsdn., 189) 'Отец девушки недавно вернул-

ся из тюрьмы, а ее сестра стала проституткой'; *jantā kī ākhō mē āsū bhare hue the aur striyā to bilakh-bilakhkar ro rahī thī* (Sud., T., 112) 'Глаза людей были полны слез, а женщины рыдали навзрыд'.

Оба сказуемых являются глагольными, если в основе сопоставления лежит несходство действий различных лиц или предметов. Видо-временные значения глаголов-сказуемых обуславливаются реальным содержанием сообщений. Чаще всего в основе сопоставления лежит одновременность действий, причем сказуемые характеризуются обычно одними и теми же временными формами и видовыми категориями, например: *Nirmalā apne kamre mē cārpāī par paī ro rahī thī aur baccī uske pās kharī pūch rahī thī amṁā, kyō lotī ho?* (Pr., Nirm., 107) 'Нирмала плакала, лежа на постели в своей комнате, а девочка, стоя около нее, спрашивала: «Ты почему плачешь, мама?»'; *māī kurhṁā huā bhī vahī sākḁhū ke nice āsan lagāne kī bāt socne lagā aur puruṣ ke sāth Manglā gahrī andhiyārī hone ke pahle hī jhōprī mē calī gayī* (Pras., In., 77) 'Я рассердился и начал думать о ночлеге здесь, под деревом, а Мангла с мужчиной ушла в хижину еще до наступления темноты'.

Встречаются и такие предложения, в которых сказуемое одного из компонентов выражено глаголом в совершенных формах прошедшего времени, а сказуемое второго — глаголом в несовершенных формах прошедшего времени. Примеры: *pokhar mē ek dhobī mar gayā aur bās kī koṭhiyō mē curailō kā adda thā* (Pr., S. sum., 17) 'В водоеме утонул стиральщик белья, а в камышевых хижинах было пристанище ведьм'; *tīn ser to yahā mahīne bhar kā ṭotal bhī na hotā thā aur yah mahāṣay ek hī bār mē koī cār rupaye kā māl uṛā gaye* (Pr., Nirm., 32) 'Здесь и за целый месяц никогда не съедали трех серов сладостей, а этот господин за раз съел сладостей на целых четыре рупии'.

Крайне редко встречаются такие предложения, в первом компоненте которых сказуемое выражено глаголом в форме прошедшего совершенного времени, а во втором компоненте — настоящего времени, например: *merī to kamar ṭuṭ gayī aur tumḁē maskharī sūjh rahī hai* (Pr., Svāsdn., 135) '[Я] повредил себе поясницу, а у тебя все шутки на уме'.

Сопоставление может опираться на значение слов, относящихся к сказуемым обоих компонентов. Если при этом сказуемые в обоих предложениях совпадают, то сказуемое второго компонента опускается. В таком случае предложения обладают параллельностью структуры: *ve hamāre pās se hokar «dīlkuṣā» hoṭel me ghus gaye aur ham unke pās*

se hokar «pavitra» hoṭel mē (Ašk, B. p., 61) 'Они прошли мимо нас и вошли в отель «Дилькуша», а мы, пройдя мимо них, — в отель «Павитра»'; *pahle kyō nahī batāyā? aur bha-yankar gāliyō ke sāth ek thappar uske dūsre gāl par paṛ aur ek mukkā uskī pīṭh par* (Ašk, B. p., 87) '«Почему не сказал сразу?» Скверно ругаясь, он ударил его ладонью по щеке и кулаком — по спине' (букв. 'пощечина пришлась по его другой щеке, а кулак — по спине').

Иногда на первый план выдвигаются собственно противопоставительные отношения. При противопоставлении соединяются компоненты, содержащие или резко противоположные по смыслу высказывания, или такие высказывания, из которых второе не соответствует тому, что могло бы ожидаться на основании первого. И здесь противопоставление обусловлено конкретным содержанием соединяемых компонентов: *das-bārah minaṭ tak yō hī dandō kī bauchār hotī rahī aur log śānt khaṛe the* (Pr., S. yātrā, 98) 'Почти четверть часа в воздухе мелькали дубинки, а (но) народ стоял не шелохнувшись'; *ākhō mē nīd nahī aur sab log to sote lage the* (Pras., In., 100—101) '[Дхулари] не хотелось спать, а все люди уже спали'; *gārī jā cukī thī aur vah (Nandalāl) steṣan ke pletfārm par kursī dāle dhūp mē baiṭhā thā* (Ašk, B. p., 148) 'Поезд уже ушел, а (но) он (Нандадал), поставив на платформу стул, все сидел под палящими лучами солнца'; *lajjā ākhō mē hotī hai, aur andhī na dūsre ko dekh saktī hai na yah jān saktī hai kī koī dūsre use dekh rahā hai* (Sud., T., 73) 'О том, что человеку бывает стыдно, видно по его глазам, но слепая не может видеть других, не может знать о том, что кто-то другой смотрит на нее'.

Несколько обособленно стоят сложносочиненные предложения, выражающие сопоставительно-противительные отношения, первый компонент которых указывает на течение времени. Подобные предложения особенно часто встречаются на страницах художественных произведений. Здесь также на первый план выдвигается противопоставление: *tīn dīn guzar gaye aur Munṣī jī ghar na āye* (Pr., Nirm., 111) 'Прошло три дня, а Мунши не вернулся домой'; *magar kāī mahīne bīt gaye, aur vah na āyā* (Sud., T., 89) 'Но прошло несколько месяцев, а он не появлялся'; *do baj gaye the aur Nandalāl ne abhī tak khānā bhī na khāyā thā* (Ašk, B. p., 154) 'Пробило два часа, а Нандадал до сих пор ничего не ел'.

Второй компонент показывает, что действие не осуществилось, несмотря на то что прошел определенный отрезок времени.

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СОЮЗОМ AUR, ВЫРАЖАЮЩИЕ МОДАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Во втором компоненте может содержаться оценка действия, о котором сообщается в первом компоненте, или реакция на это действие со стороны говорящего. Эта оценка в большей или меньшей степени носит субъективный характер, так как отражает точку зрения говорящего.

Такие предложения мы рассматриваем как выражающие модально-оценочные отношения. Синтаксическим выражением модально-оценочных отношений являются главным образом присоединительные связи между компонентами. Характерен и состав подобных предложений. Второй компонент, как правило, представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным подлежащим.

Модально-оценочные отношения можно рассматривать в двух аспектах: с точки зрения выражения реальности того, о чем говорится в предложении, и с точки зрения выражения желательности того, о чем говорится в первом компоненте.

Степень реальности событий или явлений нередко выражается путем введения в состав второго компонента тех или иных слов модально-оценочного характера, обозначающих уверенность, убежденность, предположение, сомнение, впечатление и т. д. и относящихся к тому, о чем говорится в первом компоненте. Показателями модально-оценочных отношений выступают вводные слова *śāyad*, *sambhav* 'наверно', 'возможно', а также глаголы *jānnā* 'знать', *dekhnā* 'видеть', глагольно-именные сочетания, такие, как *viśvās karnā* (*honā*) 'верить', 'быть уверенным', *āśā karnā* (*honā*) 'надеяться' и отыменные глаголы *mālūm honā*, *pratit honā* 'казаться' и т. д. Во втором компоненте может выражаться оценка первого с различных точек зрения:

1. С точки зрения уверенности в дальнейшем развитии событий или в результате действия: *vah [Suman] agar pahle kuśal gr̥hiṇī thī to ab param viduṣī hai aur mujhe viśvās hai ki ek din vah strī samāj kā śringār banegī* (Pr., Svāsdn., 235) 'Если прежде она [Суман] была образцовой женой, то теперь она профессор в этой области, и я уверен, что когда-нибудь она станет предметом гордости всего общества'; *ham log āpko [Sālvatī] sansthāgār mē le calēge aur pūrṇa viśvās hai ki ham logō kā pakṣa vijayī hogā* (Pras., In., 136) 'Мы отведем тебя (Салавати) в Совет, и есть полная уверенность в том, что мы одержим победу'.

2. С точки зрения предположения о дальнейшем развитии событий или результате действия, что достигается пу-

тем использования слов с соответствующим лексическим значением, которые могут выступать или в роли членов предложения, или в роли вводных слов: *Bābū jī kī nigāh par gayī, to vah ise hal kar lēge aur mujhe āśā hai kī sab se pahle unhī kā nām āegā* (Pr., G., 206) 'Если Бабу джи увидит, то он обязательно решит ее [задачу], и я уверена, что самым первым появится его имя'; *āśram sāre nagar mē badnām ho jāegā, aur sambhav hai kī anya vidhvāē bhī choṛ bhāgē* (Pr., Svāsdn., 106) 'Приют будет опозорен на весь город, и возможно, что другие вдовы также сбегут оттуда'; *vah aurat āj prasav-vednā se mar rahī thī aur yah donō śāyad isī intazār mē the kī vah mar jāya, to āram se soē* (Pr., Kfn., 6) 'Та женщина умирала от родов, а эти двое, вероятно, ждали только того, чтобы она умерла и они бы спокойно уснули'.

3. С точки зрения предположения, неуверенности, сомнения в сочетании с какой-либо ассоциацией или состоянием, возникшими у говорящего в связи с тем, о чем общается в первом предложении. Во втором предложении используются такие слова, как *mālūm honā* и *pratīt honā* и т. д. со значением «казаться», «показаться». Эти слова могут выступать в составе главного предложения сложно-подчиненного предложения с придаточным подлежащим и быть именным сказуемым второго компонента. Примеры: *use aisā khayāl huā kī jālpā hāth hatāte hī cāūkī aur mā-lūm huā kī yah bhram mātra thā* (Pr., G., 125) 'У него мелькнула мысль, что когда он отнял руку, Джалпа вздрогнула, и [тотчас же] ему показалось, что он ошибся'; *madādh seṭh kā sārā mad utkar gayā aur ḍakū kī bhayānak ākhē use apne śarīr ke aṇuaṇu mē praveś kartī huī pratīt huī* (Ašk, B. p., 123) 'У сетха из головы вылетел весь хмель, и ему показалось, что гневные глаза бандита буравили его тело'.

Эта разновидность сложносочиненных предложений с модально-оценочными отношениями встречается крайне редко в отличие от аналогичных конструкций с противительными союзами *par*, *parantu*, *lekin* и т. п.

Предложения с союзом *aur* нередко выражают оценку сообщаемого с точки зрения желательности или нежелательности его для говорящего. Модально-оценочные отношения обычно выражаются в этом случае словами, указывающими на эмоции говорящего, возникающие под влиянием того, о чем он говорит, и характеризующие его отношение к сообщаемому. Поэтому здесь лексические средства выражения этих отношений являются основными.

1. Положительная оценка поддерживается словосочетаниями типа: *ānand hotā hai*, *khuśī kī bāt* и т. п. со значе-

нием «приятно», «отрадно» и т. д.: *ek prāṇī kā sarvanāś karke āj māl saikrō abhāgini kanyāō kā uddhār karne ke yoga huā hū aur mujhe yah dekhkar asīm ānand ho rahā hai kī yahī sadprerṇā suman par bhī apnā prabhāō dāl rahī hai* (Pr., Svāsdn., 235) 'Погубив одну жизнь, я спасаю сотни других несчастных девушек, и мне очень радостно видеть, что это мое доброе дело влияет даже на Суман';

is bīch soviyaṭ pradhān-mantri aur bhāratīya pradhān-mantri kā patr-vyavahār huā aur yah khuṣī kī bāt hai kī donō ne is prastāō ko mānne mē koī hichak nahī dikhāī (J. Yug. 27.7.58) 'В это время состоялась переписка между председателем Совета Министров СССР и премьер-министром Индии, и очень отрадно, что оба без колебаний одобрили это предложение'.

2. Отрицательная оценка показывает, что то, о чем говорится в первом компоненте, нежелательно для говорящего, не соответствует его взглядам, убеждениям и т. д. Отрицательная оценка также поддерживается лексическими средствами типа *dukh kī bāt* 'печально' и схожими с ним словосочетаниями: *vah apnā ghar muṣkil se pahcān sakī aur sab se dukh kī bāt yah thī kī vahā uskā prem yā ādar na thā* (Pr., Svāsdn., 17) 'Она с трудом узнала свой дом, и самым печальным было то, что никто не любил и не уважал ее'; *Priyatām ek varṣa kī sazā ho gayī aur aparādh keval itnā thā kī tīn din pahle tapti dopaharī mē unhō ne rāṣṭra ke kaī sevako kā śarbat-pān se satkāṛ kiya thā* (Pr., S. yātrā, 137) 'Приятан получил год, а преступление состояло только в том, что три дня назад в знойный полдень он угостил нескольких патриотов шербетом и бетелем'.

Интересно, что модально-оценочные отношения в литературном хинди не получили освещения даже в таких авторитетных трудах, как грамматики Келлога и К. Гуру¹².

Несомненно, что эта функция сложносочиненных предложений в хинди должна служить предметом дальнейшего исследования.

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СОЮЗОМ ТАТНĀ

Сложносочиненные предложения с союзом *tathā* 'и' по своим структурно-семантическим и видо-временным отношениям не отличаются от предложений с союзом *aur*. Разница состоит лишь в частоте употребления. На 800 с лишним примеров сложносочиненных предложений с союзом *aur*

¹² На материале русского языка впервые, насколько нам известно, этот вопрос осветил Ю. И. Леденев (см. Ю. И. Леденев, *Союзное сложносочиненное предложение в русском литературном языке*, М., 1957, стр. 63—73, 293—297).

приходится только семь примеров с союзом *tathā*. Факты языка показывают, что союз *tathā* гораздо чаще связывает однородные члены предложения, чем отдельные предложения. К. Гуру пишет в своей грамматике, что «данный союз часто используется для того, чтобы избежать повторения союза *aur*»¹³.

В расписанных произведениях художественной литературы нам не встретилось ни одного случая использования союза *tathā* в сложносочиненном предложении. Поэтому сферой подобного употребления союза *tathā*, вероятно, следует считать язык прессы и публицистики.

Как и сложносочиненные предложения с союзом *aur*, сложносочиненные предложения с союзом *tathā* могут выражать:

1) временные отношения: *mašinē abhī tak baksō mē parī huī thī tathā unhē āzmāyā bhī nahī gāyā thā* (J. yug, 6. 7. 57) 'Машины до сих пор лежали в ящиках, и их даже не испытывали'; *vah nātā hindū aur muslim jantā ke bīc svābhāvik hī jūt gayā tathā śaharō kī apeksā gāvō ke log is ektā ke tār mē adhik svābhāviktā ke sāth bandh gaye* (N. P., 57. 8—9. 515) 'Установление этой связи между мусульманами и индусами было естественным делом, и, само собой разумеется, жители деревни гораздо скорее, чем жители городов, наладили узы дружбы';

2) причинно-следственные отношения: *Cārvāk ātmā, punarjanma aur īśvar ko nahī māntā tathā vah brāhmaṇvād kā ghor virodhī thā* (N. P., 57. 8—9. 514) 'Материалистическое учение Чарвака не признавало души, перевоплощения и бога, и оно было враждебным брахманизму';

3) присоединительные отношения: *is bār hamē acchī fasal kī āśā thī, tathā hamarī yah āśā phalībhūt bhī ho jātī yadi sitambar aur aktūbar ke prārambh mē sādharmaṇ sī varṣā ho jātī thī* (Hind., 22. 10. 57) 'На этот раз мы имели виды на хороший урожай, и наши прогнозы увенчались бы успехом, если бы в сентябре или октябре шел самый обычный дождь'.

Конструкция с «замыкающим» *tathā* аналогична конструкциям с «замыкающим» *aur*, например: *har rāt ko vahā utsav hotā thā, bāje bajte the, gāne hote the, nāc hote the tathā melā jūrtā thā* (J. yug, 7. 11. 57) 'Каждый вечер был праздником, играли оркестры, звучали песни и танцы, и собирались большие толпы народа'.

Вряд ли встречаются сложносочиненные предложения с союзом *tathā* с сопоставительно-противительными и модально-оценочными значениями, так как, с одной стороны, и выра-

¹³ К. Гуру, *Hindi vyākaraṇ*, рг. 216.

жение модально-оценочных отношений в сложносочиненных предложениях с союзом *aur* довольно редкое явление, а с другой стороны, союз *tathā*, служа главным образом для соединения однородных членов предложений, выступает как чисто соединительный союз и едва ли может употребляться в сопоставительно-противительных конструкциях.

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПОВТОРЯЮЩИМСЯ СОЮЗОМ ПА...ПА

Соединительный союз *na...na* 'ни...ни' употребляется для объединения отрицательных предложений в составе сложносочиненного предложения¹⁴. Союз *na...na* всегда, как правило, выступает в начале каждого из компонентов сложного целого, хотя возможно его употребление и перед словом (или группой слов), к которому он относится¹⁵. Случаи, когда составной элемент союза *na* располагается в первом компоненте в непосредственной близости от сказуемого (в качестве связки при именном сказуемом), можно рассматривать как переходные от сложносочиненных предложений к бессоюзным сложным предложениям.

Сложносочиненные предложения с повторяющимся союзом *na...na* обычно состоят из двух простых предложений, хотя встречаются и более сложные конструкции. Сказуемые таких предложений обычно выступают в одних и тех же временных формах, а сами предложения характеризуются параллелизмом структуры, причем показатели места и времени, общие для обоих компонентов, выступают только в первом компоненте. Глагол-связка может опускаться во втором предложении. Примеры: *na vah javān ho sakte hāi na māt burhiyā ho saktī hū* (Pr., Nirm., 132) 'Ни он не может стать молодым, ни я не могу стать старухой'; *na tāgevēle ne hī pūchā, na ghabrāhaṭ mē burhiyā ne hī batāyā* (Ašk, B. p., 169) 'Ни тангевала ничего не спросил, ни старуха, у которой на

¹⁴ К. Гуру, Дуничанд и Кемпсон относят этот союз к разделительным, хотя все примеры показывают, что он не разделяет, а соединяет однородные высказывания (см.: К. Гуру, *Hindī vyākaraṇ*, рг. 1217; Dunicand, *Hindī vyākaraṇ*, рг. 261; Kempson, *The syntax...*, р. 129).

¹⁵ «Иногда первое *na* опускается, особенно в таких устойчивых оборотах, как *sān na gumān* 'ни знака, ни догадки', т. е. «неожиданно», «без предупреждения»; *zyūdā na kam* 'ни много ни мало'» (см. Kempson, *The syntax...*, р. 129).

Трудно согласиться с этим. Кемпсон, давая характеристику сложносочиненному предложению, без всяких на то причин начинает рассматривать фразеологические обороты и не приводит ни одного примера на сложносочиненное предложение, где бы отсутствовал один из составных элементов союза.

душе кошки скребли, ничего не объяснила ему'; *us samay na hamārī zarūratē itnī adhik thī, na jīvansāmagrī itnī mahangī* (Sud., T., 130) 'В то время ни наши потребности не были столь велики, ни предметы жизни не были так дороги'; *mahīne bhar na Ratnasinh kī ākhē khulī, na Cintā kī ākhē band huī* (Pr., S. sūm., 70) 'Целый месяц ни Ратнасинх не открывал глаз, ни Чинта не смыкала веки'; *Sadan ne ek strī ko ghāṭ kī or se āte dekhā | vah Suman thī, par kitnī badlī huī | na vah lambe-lambe keś the, na vah komal gatī, na vah hāste hue gulāb ke-se hōṭh, na vah cancel jyotī se camaktī huī ākhē, na vah lānāōṣingār, na vah ratnajaṭit ābhūṣaṇō kī chaṭā; vah sirf safed sārī pahne hue thī* (Pr., Svāsdn., 224) 'Садан увидел женщину, идущую со стороны пристани. Это была Суман, но как она изменилась. Ни тех длинных-длинных волос, ни той нежной поступи, ни смеющихся губ, подобных лепесткам розы, ни игривого блеска в глазах, ни украшений, ни сверкающих драгоценных камней; на ней было только белое сари'; *ab unke (patī) svar mē vah manohartā na thā, na śabdō mē vah sarastā thī* (Sud., T., 76) 'Теперь ни красоты не было в голосе мужа, ни изящества в слогe'.

Последний пример иллюстрирует переходные случаи от сложносочиненного предложения к бессоюзному.

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СОСТАВНЫМ СОЮЗОМ NA KEVAL (SIRF)...BALKI (VARAN)

Сложносочиненные предложения с составным союзом *na keval (sirf)...balki (varan)* 'не только..., но и' указывают, что действие второго компонента произошло (происходит или произойдет) параллельно действию первого компонента и не противоречило (не противоречит, или не будет противоречить) ему.

Сложносочиненные предложения с союзом *na keval (sirf)...balki (varan)* почти не встречаются в произведениях художественной литературы, употребляясь главным образом в языке прессы и публицистической литературы.

Выступающие в первом компоненте *keval* и *sirf* являются синонимами и взаимозаменяемы. Разница в их употреблении чисто стилистическая. Во втором компоненте выступают *balki* и *varan*, причем *varan* употребляется очень редко¹⁶. Примеры: *kavī keval vahī nahī jo kavītā likh saktā hai, balki*

¹⁶ *keval* и *varan* вошли в хинди из санскрита, а *balki* и *sirf* — из арабского и иранских языков.

har ek ādmī jo kavītā samajh saktā hai, aur usse mazā le saktā hai, aur uske marma tak pahunc saktā hai, kavī hai (Sud., T., 151) 'Поэтом является не только тот, кто пишет стихи; каждый человек, кто понимает поэзию, кто ею наслаждается и может проникнуть в ее самые сокровенные тайны,— поэт'; *baharhāl, is angrezī pustak ke mādhyam se na keval ek bhāratiya bhāṣā ke sāhitya ke pāṭhak yā lekhak dūsarī bhāṣā ke sāhitya ke bāre mē samyak paricay prāpta karēge, varan vidēśī pāṭhak bhī samagrārūp se bhāratiya sāhitya kā paricay prāpta karegā* (N. P., 57. 8—9. 513) 'Во всяком случае, благодаря этой книге на английском языке правильное представление об одном из индийских языков получают читатели и писатели — носители какого-либо другого индийского языка, а иностранные читатели познакомятся со всей индийской литературой'.

Разновидностью союза *na keval (sirf)... balki (varan)* является союз *keval hī nahī... balki*, который иногда встречается и в художественной литературе, например: *ye pāribhāṣik śabda keval angrezī mē hī pracalit nahī hāī balki prāyah sabhī unnat bhāṣāō mē unse milte julte pāribhāṣik śabda pāye jāte hāī* (Pr., K. vcr., 90—91) 'Эти термины имеются не только в английском языке, но широко распространены во всех развитых языках'; *is bastī mē keval kutte aur suār hī nahī baste balki āpki tarah ke hāth-munhvāle ādmī bhī baste hāī jo āpki tarah khāte-pīte, soṭe-jāgte aur soṭe-viceṛte hāī* (Prab., S. bād, 150) 'В этом поселке живут не только собаки и свиньи, но и подобные вам люди, которые так же, как и вы, едят и пьют, спят и бодрствуют, думают и мечтают'.

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СОЮЗНЫМ НАРЕЧИЕМ *PHIR*

Союзное наречие *phir* 'тогда', 'затем', 'потом' употребляется для соединения таких предложений в составе сложного целого, в которых последовательность действий, состояний или признаков выражается в одном и том же временном плане. В современном хинди для него менее характерна обстоятельственная функция; чаще оно используется для связи самостоятельных предложений или компонентов сложносочиненного предложения.

Приближаясь по своей функции к союзам, союзные наречия отличаются от них способностью привносить в передаваемые ими отношения дополнительные оттенки значений.

Сказуемые обоих компонентов в данной конструкции

выступают, как правило, в формах прошедшего и будущего времени¹⁷. Примеры: *unkī avasthā bhī pacās ke lagbhag pahunc gayī thī, phir unhō ne kyō vivāh kiyā?* (Pr., Nirm., 105) 'Ему уже около пятидесяти лет, [потом] зачем он женился?'; *bāp zyādā-se-zyādā ghurak dēge, Jiyā to maregā, phir vah kiske pās fariyād lekar jāegā* (Pr., Nirm., 162) 'Отец самое большее выругает, Джия же изобьет, потом он к кому пойдет жаловаться'; *sunte-sunte mā ke oṭhō par garvīlī muskān ā jātī, phir vah muskān viṣād kī gahrī rekhāō mē pariṇit ho jātī* (Ašk, B. p., 86) 'Мать слушала и на ее губах играла гордая улыбка, затем эта улыбка превратилась в две печальные черточки губ'.

В заключении раздела о сложносочиненных предложениях с соединительными союзами следует упомянуть еще о двух соединительных союзах *va* и *evam* 'и'.

Эти союзы связывают только однородные члены предложения. «Образованные авторы, — пишет К. Гуру, — обычно не употребляют его (союз *va*. — О. У.), ибо между предложениями он произносится с трудом»¹⁸. Это в равной мере относится и к *evam*. Оба эти союза носят книжный характер и встречаются как связующие элементы однородных членов предложения главным образом в прессе и публицистике.

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРОТИВИТЕЛЬНЫМИ СОЮЗАМИ

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СОЮЗАМИ *PAR, PARANTU, LEKIN, KINTU, MAGAR*

Сложносочиненные предложения с союзами *par, lekin, parantu, kintu* и *magar* составляют наиболее многочисленную группу сложносочиненных предложений в современном литературном хинди¹⁹.

Анализ сложносочиненных предложений данного типа показывает, что характер отношений между компонентами сложноподчиненных предложений с перечисленными союзами значительно шире, чем отношения противопоставления. В сложносочиненных предложениях этого типа различают отношения несоответствия и отношения уступительного характера, отношения противительно-ограничительные, проти-

¹⁷ На это указывает и К. Гуру (см. К. Guru, *Hindī vyākaraṇ*, рг. 183).

¹⁸ К. Guru, *Hindī vyākaraṇ*, рг. 216.

¹⁹ Предложения с этими союзами составляют 43% от общего числа примеров, тогда как предложения с союзом *aur* только 28%.

вительно-сопоставительные, присоединительные и модально-оценочные.

Отличительной чертой структуры сложносочиненных предложений с союзами *par*, *lekin*, *parantu*, *kintu*, *magar* является их полная необратимость. По составу данные предложения не отличаются от предложений с союзом *aur*, т. е. могут состоять из двух и более простых предложений, из одного простого и одного сложноподчиненного предложения, из двух сложноподчиненных предложений. В сложносочиненных предложениях с противительными союзами сказуемые имеют одинаковые временные значения.

Некоторые ученые связывают выражение тех или иных отношений между компонентами сложносочиненного предложения с употреблением какого-либо определенного союза.

Так, Келлог считает, что «имеется тенденция выражать отношения несоответствия союзами *parantu* (гораздо реже *kintu*), или его арабским эквивалентом *lekin*, в то время как *par* используется в общем при чисто ограничительных отношениях. Отношения развития предыдущего высказывания, как правило, выражаются союзом *varan* или арабским *balki*»²⁰. Правда, уже на следующей странице Келлог сетует, что «даже хорошие писатели часто не выдерживают этого различия...»²¹.

Гуру в свою очередь считает, что *kintu* употребляется «преимущественно после отрицательных предложений»²².

Однако факты языка заставляют усомниться в справедливости этих выводов. Они показывают, что разница между союзами *par*, *parantu*, *lekin*, *kintu* и *magar* чисто стилистическая. Это, собственно, признает и сам Келлог. Приводимые ниже примеры показывают, что союзы *par*, *parantu*, *lekin*, *kintu*, *magar* выступают при выражении каждого вида отношений примерно с одинаковой частотой. Что же касается утверждения К. Гуру, то из 133 примеров с союзом *kintu* мы имеем только девять случаев употребления *kintu* после отрицательных предложений.

Относительная частота употребления этих союзов: *par* — 37,5% (456 примеров), *lekin* — 25,3% (307 примеров), *kintu* и *magar* — по 11% (по 133 примера), *parantu* — 15,2% (185 примеров). Союзы *par* и *lekin* составляют от общего числа союзов примерно 63%, т. е. являются наиболее употребительными²³.

²⁰ Kellogg, *A grammar...*, p. 513.

²¹ Ibid., p. 514.

²² K. Guru, *Hindī vyākaraṇ*, p. 221.

²³ Общее число предложений с союзами *par*, *lekin*, *parantu*, *kintu*, *magar* составляет 1214.

Сложносочиненные предложения с союзами *par, lekin, parantu, kintu, magar,* выражающие отношения несоответствия и уступительного характера

Отношения несоответствия и уступительного характера для сложносочиненных предложений с союзами *par, lekin, parantu, kintu, magar* наиболее типичны. При этих отношениях во втором компоненте излагаются события, не вытекающие непосредственно из тех действий или явлений, о которых говорится в первом компоненте.

Предложения данного типа можно разделить на две группы:

А. Предложения, в которых в первом компоненте не содержится никаких лексических указаний на возможность противопоставления в дальнейшем, т. е. отношения несоответствия.

Б. Предложения с противительно-уступительным значением, в первом компоненте которых указывается на их уступительный характер²⁴.

С точки зрения форм сказуемых в сложносочиненных предложениях данного типа можно наметить следующие разновидности:

1) сказуемое выражено глаголом в несовершенных формах прошедшего и будущего времени: *Raunkī ke is durvavahār ke viruddha naukar prāyah Rāysāhab ke sāmne rote rahte the, parantu ve Raunkī hī kā pakṣa lekar unhē phatṅkār dete the* (Sud., T., 59) 'Слуги часто жаловались Райсахабу на плохое обращение Раунки, но тот всегда принимал его сторону и сурово отчитывал слуг'; *to marūgā sthavir; kintu tumhārā yah kālpanik āḍambarpūrṇa dharma bhī maregā* (Pras., In., 116) 'Умру не дрогнув, но и твоя лицемерная религия также умрет';

2) сказуемое выражено глаголами разных видовых форм или глаголами в различных наклонениях: *māi ne sādhu kā veṣ paḥan liyā hai, parantu merā man abhī tak vaisā hī hai* (Sud., T., 111) 'Я надел одежду аскета, но моя душа осталась прежней'; *hā, ve striyā bahut hī sundar hai, par unhō ne apne in svargīya guṇō kā kaisā durupayog kiyā hai* (Pr., Svāsdn., 221) 'Да, те женщины очень красивы, но как дурно использовали они свою красоту'; *yah merī bhūl ho, par māi to use svīkār kar cukā thā* (Pras., In., 75) 'Пусть это было моей ошибкой, но я-то уже признал ее';

²⁴ Уступительный характер, правда, в меньшей степени, присущ и отношениям несоответствия.

3) сказуемые обоих компонентов выражены глаголами в совершенных формах прошедшего времени: *Banśilāl Hindu-stān a gayā, parantu apna svāsthya vah vahī chor ayā* (Sūd., T., 138) 'Баншиал вернулся в Индию, но свое здоровье он оставил там (в Швейцарии)';

4) одно или оба сказуемых могут быть именными: *pālkiyō par kārcobī ke parde paṛe hue the, lekin kahārō kī vardiyā phaṭī huī aur beḍaul thī* (Pr., Svāsdn., 186) 'На носилках висели расшитые золотом и серебром занавески, но костюмы слуг были порваны и сидели мешком'.

В семантическом отношении предложения группы А, выражающие отношения несоответствия, классификации не поддаются. Их можно классифицировать только по взаимоотношениям главных или второстепенных членов предложений в обоих компонентах.

1. Несоответствие может поддерживаться сопоставлением действий, состояний одного и того же лица, обозначаемого подлежащими обоих компонентов. Примеры: *vah apnī mā ko vahī dekhkar aur bhī haṭ gayā; kintu Kāmaiya kī or dekhkar us ne man-hi-man kahā—acchā* (Pras., In., 108) 'Он, увидав там и свою мать, отступил еще дальше; но, посмотрев в сторону Камайи, он сказал про себя: «Ну ладно!»'; *Haro kī ākhē bhar āyī | vah is samay nirdhan thī, parantu kabhī usne acche din bhī dekhe the* (Sūd., T., 23) 'Глаза Харо наполнились слезами. Сейчас она была бедна, но когда-то она видела и лучшие дни'; *māi andhī hū, apnī tārif apne mukh se karnā acchā nahī lagtā, parantu apnā svar sunkar māi kabhī-kabhī svayam jhūmne lag jātī thī* (Sūd., T., 70) 'Я слепая, грешно хвалить самое себя, но иногда, слушая свой голос, я сама начинала восторгаться'.

Отношения несоответствия отчетливо проявляются в тех случаях, когда сказуемые обоих компонентов выражаются одним и тем же глаголом (или синонимичными глаголами). При этом перед сказуемым второго компонента всегда стоит отрицание, например: *mā-bāp kā eklautā larḳā baṛā bhāgya-śālī hotā hai | use mīthe padārtha khūb khāne ko milte hai kintu karvī tāṛnā kabhī nahī miltī* (Pr., Svāsdn., 60) 'Единственный сын родителей бывает очень счастливым. Он получает достаточно ласки, но вряд ли его когда-нибудь наказывают'; *apne sāmne ek samācārpatra rakhe prakaṭ vah (Mohan) bare dhyān se use paṛh rahā tha, par panktī us ne ek bhī na paṛhī* (Ašk, B. p., 104) 'Держа перед собою газету, он (Мохан) делал вид, что внимательно читает ее, но на самом деле он не прочел и одной строчки'.

2. Отношения несоответствия могут быть поддержаны соотношением подлежащего второго компонента и дополне-

ния первого компонента и, наоборот, соотношением подлежащего первого компонента и дополнения второго компонента, если при этом и подлежащее и дополнение обозначают одно и то же лицо или предмет. Как подлежащие, так и дополнения обычно выражены именами существительными и местоимениями.

Отношения несоответствия могут быть поддержаны также соотношением дополнений обоих компонентов, обозначающих одно и то же лицо. Примеры: *Kumudinī ko sab kahī āne kī svatantratā thī, par vah kumār ke mahal kī or jāne kā sāhas na kar pātī thī* (Ašk, B. p., 134) 'У Кумудини была полная свобода ходить, куда ей вздумается, но она не осмеливалась подходить к дворцу принца'; *laṛatsinh par cārō or se vāñō kī varṣā hone lagī, parantu vah inkī itnī bhī parvā na karte the jītī choṭā bālak pānī kī būdō kī kartā hai* (Sud., T., 186) 'На Джагатсинха градом посыпались стрелы, но он обращал на них меньше внимания, чем ребенок на капли дождя'; *ek ghan van mē do śikārī pahunce | ve purāne śikārī the | śikār kī toh mē dūr dūr ghūme the, lekin aisā ghanā jangal unhē nahī milā thā* (Kum., P. s., bh. 1, 23) 'В густой лес пришли два охотника. Это были старые охотники. Они исходили много лесов в поисках дичи, но им никогда не встречался такой густой лес'; *vakīl sāhab mukadmō mē to khūb mīnmekh nikālte the, lekin striyō ke svabhāo kā unhē kuch yō hī sā gyān thā* (Pr., Nirm., 12) 'Г-н адвокат был достаточно искушен в судебных делах, но женский характер для него всегда был загадкой'; *rasgulle aur besan ke laddū unhē bahut priya the, par śarbat se unhē rucī na thī* (Pr., Nirm., 24) 'Ему очень нравились расгуллы и ладду, но у него не лежала душа к шербету'; *ek samay usmē kāhilī kā nām tak na thā, par ab usse koī kām hī na hotā thā* (Ašk, B. p., 155) 'Одно время у него не было и намека на лень, но теперь от него не было никакой пользы'.

3. Отношения несоответствия усиливаются, когда подлежащее первого компонента обозначает лицо, а подлежащее второго компонента — предмет, или когда подлежащие обоих компонентов обозначают различные предметы, не связанные соотношением дополнений, обозначающих одно и то же лицо, например: *Pandit Umānāth binā kisī hile ke sansār kā sukh bhog karte the | unke bhāīs aur gāyē na thī, lekin ghar mē ghī-dūdh kī nadī bahtī thī; vah khetibārī na karte the, lekin ghar mē anāj kī khattiyā bhārī rahī thī* (Pr., Svāsdn., 145) 'Пандит Уманатх без всяких хитростей и уловок наслаждался всеми благами мира. У него не было буйволиц и коров, но в доме текли молочные реки; он не пахал и не сеял, но

в доме имелись ямы, полные зерна'; *vah auṣadhi par auṣadhi de rahī thī, parantu rog mē kamī na hotī thī* (Sud., T., 122) 'Она давала лекарство за лекарством, но болезнь не шла на убыль'; *sangī samāpta huā, kintu uskā svarmaṇḍal abhī us pradeś ko apnī māyā se ācchanna kiye thā* (Pras., In., 134) 'Музыка кончилась, но ее волшебные звуки до сих пор еще звучали по всей округе'; *kaī mās cikitsā hotī rahī, magar rog dūr na huā* (Sud., T., 29) 'Лечение продолжалось несколько месяцев, но болезнь не проходила'.

4. Отношения несоответствия бывают ярко выраженными, когда в первом компоненте сообщается о действии или состоянии какого-нибудь лица, а во втором — о том, что с этим лицом происходит, о признаках, характеризующих его самого или его деятельность, например: *Jayrām nihsband baiṭhā rahā; par uske antarāl mē bhūkamp-sā macā huā thā* (Pr., S. yātrā, 90) 'Джайрам сидел неподвижно, но внутри у него все кипело'; *usne munh se kuch na kahā, parantu ākhō ne hṛday ke parde khol diye* (Sud., T., 161, 162) 'Она ничего не сказала, но глаза выдали тайну сердца'.

5. Отношения несоответствия бывают ярко выражены и тогда, когда подлежащее первого компонента обозначает предмет, а подлежащее второго — лицо. При этом во втором компоненте повествуется о действии или состоянии какого-либо лица, а в первом компоненте — о том, что с ним происходит, о признаках, характеризующих его самого или его деятельность, например: *hṛdaysāgar mē tarangē uṭhne lagtī, lekīn pariṇām ko sockar ruk jāte the* (Pr., Svāsdn., 184) 'Внутри все кипело и бурлило, но при мысли о последствиях [Уманатх] сдерживал себя'; *unkī kavītā dūsrō ko jagātī thī, par vah svayam soyā huā thā* (Sud., T., 164) 'Его поэма пробуждала других, но сам он оставался спящим'.

6. Несоответствие действий и событий может поддерживаться соотношением обстоятельственных слов, противоположных по своему лексическому значению. Примеры: *vah sāmne se talvār kā vār rok sakte the, kintu pīche se sūt kī nok bhī unkī sahanśakti se bāhar thī* (Pr., Svāsdn., 69) 'Он не боялся и сабельного удара спереди, но не терпел даже булавочного укола сзади'; *kīsī dūstre samay yah dṛśya mere krodh par jal kā kām kar jātā; magar is samay vahī dṛśya tel ban gayā* (Sud., T., 33) 'В какое-либо другое время этот вид успокоил бы меня, но теперь этот же самый вид приводил меня в ярость'.

Предложения группы Б приближаются по выражаемым ими отношениям к сложноподчиненным предложениям с придаточным уступительным. Первый компонент близок по функции к придаточному предложению, а второй — к главному.

Подобные отношения в большей или меньшей степени выражают все сложносочиненные предложения с противительными союзами. Предложения группы Б выделяются в отдельную группу предложений с уступительно-противительным значением только потому, что они наиболее ярко, на наш взгляд, выражают уступительные отношения. В других же типах сложносочиненного предложения с союзами *par*, *lekin*, *parantu*, *kintu* и *magar* на первое место выступают отношения ограничительные, сопоставительные, присоединительные и т. д.

Группу предложений с уступительно-противительным значением можно подразделить на три подгруппы.

1. Предложения, в первом компоненте которых выражается попытка совершить действие. В роли сказуемого первого компонента здесь выступают глагольно-именные сочетания типа *prayās* (*prayatna*, *yatna*) *karnā*. Сказуемое второго компонента показывает, что действие, выраженное сказуемым первого компонента, не было успешным. Примеры: *māl ne uskā (putra) jī bahlāne kā har ek yatna kiya, parantu mujhe kisī mē bhī saphaltā na huī* (Sud., T., 187) 'Я всячески пытался развеселить его (сына), но ни одна из моих попыток не увенчалась успехом'; *do ghanṭō se ve ek pīritā kī dārḥ kī kiracē nikālne kā prayās kar rahe the, par unhē saphaltā na mil rahī thī* (Ašk, B. p., 22) 'В течение двух часов он пытался извлечь остатки коренного зуба у одной больной, но все безуспешно'; *māl ne kā jagahō par naukrī kā yatna kiya, magar kahī saphaltā na huī* (Sud., T., 130) 'Я пытался в нескольких местах получить работу, но везде меня постигала неудача'.

2. Предложения, в которых сказуемое первого компонента выражено глаголом в сослагательном наклонении, а сказуемое второго — в изъявительном. Конструкция в целом приобретает уступительный характер, приближаясь к сложному предложению с придаточным уступительным, вводимым союзом *cāhe* 'хотя'. Примеры: *in bātō se kisī zamāne mē hamē bhāvāveś ho jātā rahā hō, par āj ke liye ve bekār hāī* (Pr., K. var., 13) 'Когда-нибудь мы и были бы в восторге от всего этого, но для сегодняшнего дня это бесполезные вещи'; *āpko adhikāriyō kī koī parvāh na ho lekin merī to jīvīkā unhī kī kṣpā-driṣṭi par nirbhar hai* (Pr., Svāsdn., 168) 'Вам нет дела до властей, но мое благополучие зависит от их милостивого отношения'; *hamē dharma kā vicār ho yā na ho, magar nindā kā bhay avāśya hotā hai* (Sud., T., 163) 'Верим ли мы в бога или нет, но мы всегда боимся осуждения'.

В еще большей степени приближаются к сложноподчиненным предложениям с придаточным уступительным пред-

ложения, в которых в первом компоненте выступает словосочетание *bhale hī* 'пусть', 'не важно', например: *kuō kā pānī bhale hī gandā dikhāi na de, kintu is mē kaī ḥāraṇō se praviṣṭa hui gandagī ho sakti hai* (Kṛṣvbh.) 'Пусть вода колодца и не кажется грязной, но в ней может содержаться грязь, проникая в колодец различными путями'; *tilismāti kahāniyō, bhūt-pret ki kathāō aur prem-viyog ke ākhyānō se kisī zamāne mē ham bhale hī prabhāvit hue ho, par ab unṁ hamāre liye bahut kam dīlcaṣpī hai* (Pr., K. vcr., 6) 'Пусть мы и были когда-то подвержены влиянию рассказов о колдунах, легенд о духах и привидениях, историй о несчастной любви, но теперь мы не заинтересованы в произведениях подобного рода'.

3. Предложения, в которых в первом компоненте указывается время, а во втором компоненте — то, что действие не последовало или не было осуществлено в период времени, упомянутый в первом компоненте. Примеры: *dopahar ho gayā; par āj bhī cūlhā nahī jalā* (Pr., Nirm., 198) 'Наступил полдень, но и сегодня очаг не разжигался'; *adhī rāt bīt cukī thī par vṛddhā adhī jāg rahī thī* (Aṣk, B. p., 118) 'Прошла уже большая часть ночи, но старуха лежала с открытыми глазами'; *is tarah mahinā bīt gayā, magar koī patra na āyā* (Sud., T., 144) 'Так прошел целый месяц, но письма не было'.

Сложносочиненные предложения с союзами *par, lekin, parantu, kintu, magar*, выражающие противительно-ограничительные отношения

В конструкциях данного типа содержание второго компонента противопоставляется содержанию первого, причем в данном случае наличествует оттенок ограничения, т. е. выражается не простое отрицание содержания первого компонента, а его ограничение, обусловившее полное или частичное невыполнение того действия, о котором сообщалось в первом компоненте.

Сложносочиненные предложения, выражающие противительно-ограничительные отношения, можно подразделить на три группы.

1. В первом компоненте может содержаться сообщение о каком-либо действии, желательном для действующего лица. Оно намеревалось совершить определенное действие, но этому помешало то, о чем говорится во втором компоненте. Выразителями первоначальной готовности совершить действие являются связанный с инфинитивом спрягаемый глагол *cāhnā* 'хотеть' и сочетание косвенного (с послелогом *ko*)

инфинитива с отымненным глаголом *tayār honā* 'быть готовым'.

Иногда в первом компоненте может выражаться не столько желание, сколько попытка совершить действие, осуществить желание. В этих случаях глагол-сказуемое первого компонента выражается, как правило, несовершенной формой прошедшего времени. Примеры: *vah ūpar urnā cāhtā thā, par garībī use nīce dhakel detī thī* (Ašk, B. p., 146) 'Он хотел выбраться на поверхность, но нищета толкала его на дно жизни'; *Jaggaiyā vahī baiṭh gayā | vah phūṭkar ronā cāhtā thā; parantu andhakār uskā galā ghoṭ rahā thā* (Pras., In., 109) 'Джагайя уселся на том же месте. Он хотел заплакать, но темнота пугала его'; *Sudhā use dekhte hī jaldī se utarkar uskī or lapkī aur kuch pūchnā cāhtī thī, magar Nirmalā ne use avasar na diyā, tīr kī tarah jhapaṭkar calī gayī* (Pr., Nirm., 205) 'Увидев ее [Нирмалу], Судха быстро прыгнула [с коляски] и подошла к ней, она хотела спросить ее, но Нирмала не дала ей сделать этого — она резко повернулась и ушла'.

В тех случаях, когда глаголы-являющиеся сказуемыми первого и второго компонентов, выступают в совершенных формах прошедшего времени, отчетливо видны отношения временной последовательности между компонентами сложно-сочиненного предположения.

В первом компоненте говорится о попытке или начале совершения действия, а во втором — о действии или событии, прерывающем задуманное. Примеры: *yah kahte-kahte Mansārām ne kamre kā dvār band karnā cāhā; lekin, Nirmalā kīvārō ko haṭākār kamre me calī auyī* (Pr., Nirm., 78) 'С этими словами Мансарам хотел закрыть дверь комнаты, но Нирмала, распахнув створки, вошла в комнату'; *māī kṣamā māgnī cāhī, magar kīsī dāivī śakti ne jibh jakar lī* (Sud., T., 73) 'Я хотела просить прощения, но какая-то нечеловеческая сила сковала мой язык'.

Противительно-ограничительные отношения усиливаются, если при одном из сказуемых стоит отрицание, например: *māī mukadme kī kārravāī mē bhāg na lenā cāhtī thī; lekin jab māī ne unke gavāhō ko sarāsar jhūṭh bolte dekha, to mujh se zabt na ho sakā* (Pr., S. yātrā, 5) 'Я не хотела участвовать в процессе, но когда я увидела, что все его свидетели лгут от начала до конца, я не могла сдержаться'; *kaī ādmiyō ne use adhik vetan par apne yahā le jānā cāhā, parantu Pūrancand ke vicār se vah Raunkī kahī na gayā* (Sud., T., 60) 'Несколько человек хотели переманить его к себе, предлагая больше денег, но по совету Пуранчанда он, Раунки, никуда не пошел'.

В первом компоненте может сообщаться о готовности совершить действие, а во втором компоненте — о том, что препятствует осуществлению действия первого компонента: *vah marne ko taiyār the, parantu mṛtyu unke nikaṭ na āti thi* (Sud., T., 185) 'Он был готов умереть, но смерть обходила его'; *Subhadra sandūk ki cābi dene ko tayār thi, lekin sandūk mē ek sau ki jagah pūre pāc sau baṭue mē rakhe hue the* (Pr., Svāsdn., 80) 'Субхадра была готова дать ключ от сундука, но там, в сумке, вместо ста лежало пятьсот рупий'.

2. В отличие от предыдущей группы предложений с противительно-ограничительными отношениями первый компонент предложений данной группы сообщает о попытке совершить действие. В качестве сказуемого в первом компоненте выступают глагольно-именные сочетания с общим значением «пытаться», «стараться»: *prayās (prayatna yatna, koṣiś, ceṣṭā) karnā*.

Сложносочиненные предложения данной группы во многом близки к предложениям с этими же союзами, выражающим уступительные отношения. Они выделяются в отдельную группу потому, что здесь подчеркивается прежде всего оттенок ограничения.

Сказуемые выступают главным образом в совершенных формах прошедшего времени. Примеры: *Padmasinh sāmne mez par baiṭhe hue is lekh kā uttar līkhne kī ceṣṭā kar rahe the, par kuch likhte na bantā ki Subhadra ne ākar kahā, garmī mē yahā baiṭhe ho? calo bāhar baiṭho* (Pr., Svāsdn., 275) 'Падмасинх, сидя за столом, пыгался ответить на эту статью, но не успел он написать и строчки, как в комнату вошла Субхадра: «Почему ты сидишь в духоте? Иди на улицу»'; *us samay unhō ne saccī bāt kahne kā yatna kiyā, parantu śabda unke kanṭh mē phans gaye* (Sud., T., 191) 'Тогда он попытался рассказать правду, но слова застряли у него в горле'; *bāndī ne use do-ek bār bulāne ka prayās kiyā, lekin use us ne cup karā diyā* (Aśk, B. p., 136) 'Рабыня несколько раз пыталась позвать ее, но та заставила ее замолчать'.

3. В предложениях этой группы то, о чем что-либо сообщается в первом компоненте, обозначает понятие большого объема, а то, о чем что-либо сообщается во втором компоненте, передает более узкое понятие, относящееся к первому, как часть к целому. Примеры: *dopahar huā | sabhī kisā-nō ne hal chor diye; par Sujāt Bhagat apne kām mē magna thā* (Pr., S. sum., 48) 'Наступил полдень. Все крестьяне побросали плуги, но Суджат Бхагат продолжал работать'; *uṣā ke madhur prakāś mē hiranō kā dal chalāg mārītā huā srot lāgh gayā; kintu ek śāvak cakit-sā vahī kharā rah gayā*

(Pras., In., 87) 'В лучах восходящего солнца стадо оленей перескочило через родник, но один олененок, как будто пораженный чем-то, остался на месте'.

**Сложносочиненные предложения с союзами
par, parantu, lekin, kintu, magar,
выражающие противительно-сопоставительные отношения**

В сложносочиненных предложениях, выражающих противительно-сопоставительные отношения, противопоставляются не компоненты в целом, а лишь отдельные их члены. Отношения между компонентами этих предложений сходны с отношениями компонентов соответствующих сложносочиненных предложений с союзом *aur*. Поэтому здесь также возможен параллелизм структуры. Но в отличие от сложносочиненных предложений с союзом *aur* в конструкциях данного типа на первое место выступают собственно противительные отношения.

Как и в сложносочиненных предложениях с союзом *aur*, отношения сопоставления в рассматриваемых предложениях наиболее отчетливо выступают тогда, когда подлежащие обоих компонентов обозначают лицо, например: *Rāmeśvar-rāy to cup rahā; par Jāgeśvar itnā kṣamāśil na thā* (Pr., S. sum., 5) 'Рамешваррай-то замолчал, но Джагешвар не был таким терпеливым'; *śām tak māi intazār karti rahī, lekin vah na āye* (Ašk, B. p., 54) 'Я ждала до вечера, но он не пришел'; *ektā kā āndolan Akbar ne calāyā thā, kintu Aurangzeb use kāṭ diyā* (N. P., 57. 8—9. 515) 'Движение за объединение начал Акбар, но Аурангзеб свел его на нет'; *kān dhokhā khā sakte hāi, parantu ākhē dhokha nahī khātī* (Sud., T., 166) 'Уши могут ошибаться, но глаза [никогда] не ошибаются'.

В первом компоненте могут выступать слово или группа слов, общие для обоих компонентов, например: *vahā din ka prakāś thā, par rāt kā andhakār na thā* (Sud., T., 39) 'Здесь был свет дня, но не было темноты ночи'; *Pūrancand kā kalejā dharak rahā thā, magar jibh pūrī-pūrī bas mē thī* (Sud., T., 57) 'У Пуранчанда трепетало сердце, но он не переставал болтать' (букв. 'язык был в полной власти').

Сопоставительные отношения могут поддерживаться сопоставлением объектов действий или сопровождающих их обстоятельств, например: *laṛke ke liye thorā dūdh ātā thā; par Nirmalā ke liye meve, murabbe, miṭhāiyā — kisī cīz kī kamī na thī* (Pr., Nirm., 42) 'Для мальчика не хватало молока, но у Нирмалы не было недостатка ни в сладостях, ни во фруктах'; *āj Haro ke yaḥṇā cahal-pahal thī, magar Lāj-*

vantī ke yahā udāsī baras rahī thī (Sud., T., 23) 'У Харо сегодня царило веселье, но у Ладжванти было скучно'.

Реже сопоставление поддерживается сопоставлением субъекта и объекта действий и — особенно редко — сопоставлением объекта и субъекта, например: *Jāhnavī ne reṣmī sārī nikālī, par śāntā kō apnī purānī dhotī hī pahannī paṛī* (Pr., Svāsdn., 241) 'Джахнави тоже достала шелковое сари, но Шанте пришлось надеть свое старое дхоти'; *vah usī tarah śānt tha, parantu mujhe śāntī na thī* (Sud., T., 27) 'Он по-прежнему был спокоен, но мне не было покоя'; *Sudhā ko to nīd ā gayī; par dāktar sāhab bahut der tak karvaṭ badulte rahe* (Pr., Nīm., 124) 'К Судхе пришел сон, но доктор еще долго ворочался с бока на бок'.

В отношении форм сказуемых рассматриваемые сложносочиненные предложения ничем не отличаются от аналогичных конструкций с союзом *aur*.

Сложносочиненные предложения с союзами *par, lekin, parantu, kintu, magar*, выражающие присоединительные отношения

Сложносочиненные предложения с союзами *par, lekin, parantu, kintu* и *magar*, выражающие присоединительные отношения, близки к аналогичным конструкциям с союзом *aur*. Отличие состоит лишь в том, что сложносочиненные предложения данного типа сохраняют оттенок противопоставления или противопоставительного ограничения.

Наиболее отчетливо присоединительные отношения проявляются тогда, когда союзы *par, lekin, parantu, kintu* и *magar* выступают в сочетании с указательным местоимением *yah* 'это'.

Если второй компонент относится к первому как целому, то *yah* во втором предложении выступает в роли подлежащего. Этот оттенок присоединительных отношений можно назвать так же, как и в аналогичных конструкциях с союзом *aur*, — присоединительно-изъяснительным. Примеры: *Viṭṭhaldās kā manorath yahā bhī pūrā na huā, lekin yah unke liye kuch naī bāt na thī* (Pr., Svāsdn., 108) 'Желание Виттхалдаса не осуществилось и здесь, но это не было для него чем-то новым'; *us ne kalpanā mē rājkumar kā abhimān toṛ diyā thā, par yah satya se kitnā dūr thā* (Ašk, B. p., 137) 'В мечтах она унижала принца, но это было далеко от ее действительных желаний'.

Второй компонент может относиться к какому-либо одному члену первого компонента. Здесь получает преобладающее собственно определительное значение. Слово, к которому

относится второй компонент, обычно повторяется во втором предложении с местоимением *yah*, выступающем в функции определения. Этот оттенок присоединительных отношений можно назвать, как и в аналогичных конструкциях с союзом *aur*, присоединительно-определятельным. Примеры: *is adhi-veśan mē kāgres ke kāi netāō ne is yojnā kā virodh kiya, lekin Gādhī jī, paṇḍit Motilāl Nehrū tathā alibandhuō ke netṛtva mē yah yojnā pās ho gayī* (J. yug, 58. 13 — 14. 40) 'На этой сессии некоторые лидеры конгресса выступили против этого плана, но под влиянием Ганди, Мотилала Неру и их высокопоставленных сторонников этот план был принят'; *āp vidvānō kā aīsā niyantraṇ rakh sakte hāī..., par yah niyantraṇ keval pustakō par ho saktā hai* (Pr., K. vcr., 98) 'Вы можете установить подобный контроль за учеными..., но этот контроль сможет распространиться только на книги'.

Повторяемое во втором компоненте слово может выступать и без местоимения *yah*, например: *larkō ko Jāgeśvar ke pās jāne aur usse kuch lekar khāne se rokī; par laṛke śatru aur mitra ko būṛhō se zyādā pahcānte hāī* (Pr., S. sum., 10) 'Она запрещала мальчикам ходить к Джагешвару и есть у него, но мальчики лучше, чем старики, распознают друзей и врагов'.

Вместо слова, к которому относится второй компонент, в последнем может выступать другое слово, сходное с ним по значению. Примеры: *paṇḍit jī is gāo ko lekar nadī ke kināre pakkā ghāt, mandir, bāg, makān ādi banvānā cāhte the; par unkī yah kāmṇā saphal na ho sakī* (Pr., S. sum., 28) 'Заполучив деревню, пандит хотел построить на берегу каменный причал, храм и дом, разбить сад и т. д., но это желание не было осуществлено'.

Иногда во втором компоненте высказывается мысль совершенно новая. Здесь присоединительные отношения означают более или менее резкий переход к другому предмету высказывания. Этот присоединительный оттенок в конструкциях данного типа выражается более отчетливо, чем в соответствующих конструкциях с союзом *aur*. Примеры: *Siyārām — isse acchā ghī bāzār mē nahī hai... Nirmalā — to māī jhūṭh kahtī hū? Siyārām-yah mē nahī kahtā, lekin baniyā ab ghī vāpis na legā* (Pr., Nirm., 179) 'Сиярам: «Лучше этого масла нет нигде на базаре». Нирмала: «Так значит я вру?» Сиярам: «Я не говорю этого, но торговец теперь не возьмет масло назад»; *jādūgar daurkar jhōpre mē mā-mā pukārtē hue ghusā | māī pīche thā; kintu strī ke munh se be ... nikalkar rah gayā* (Pras., In., 30) 'Фокусник с криком «Мама! Мама!» вбежал в хижину. Я последовал за ним; но из уст женщины вырвалось только: «сы...»'; *unkī ākhō*

mē angārō ke badle kuch vicitra taraltā ā gayī, kintu unke ghar ke bāhar becārā Alī dhūl mē paṛā ro rahā thā (Ašk, B. p., 113) 'Вместо гнева в его глазах появилась нежность, а на улице в пыли лежал бедный Али и горько плакал'.

Сложносочиненные предложения с союзами *par, lekin, parantu, kintu, magar*, выражающие модально-оценочные отношения

Сложносочиненные предложения с союзами *par, lekin, parantu, kintu* и *magar*, выражающие модально-оценочные отношения, также близки к аналогичным конструкциям с союзом *aur*.

В них содержится оценка действия или реакция на это действие со стороны говорящего. Модально-оценочные отношения можно рассматривать в двух планах: в плане достоверности и объективности действия, выраженного в первом компоненте, и в плане положительного или отрицательного отношения говорящего к нему.

Достоверность и объективность действия первого компонента выражается, как и в конструкциях с *aur*, путем введения в состав второго компонента тех или иных слов модально-оценочного характера, обозначающих уверенность, убежденность, предположение, сомнение и т. д.

Показателями модально-оценочных отношений выступают вводные слова *šāyad, na jāne* 'может быть', 'кто знает', глаголы *jānnā* 'знать', *dekhnā* 'видеть', глагольно-именные сочетания *viśvās karnā (honā)* 'верить', 'быть уверенным', *āśā karnā (honā)* 'надеяться' и отыменные глаголы *mālūm honā, vidit honā* и т. п. в значении «казаться», которые обычно выступают в главных предложениях сложноподчиненных предложений с придаточными подлежащими. Примеры: *abhī sāhab ne faislā to nahī sunāyā; lekin mujhe viśvās hai, barī ho jāūgī* (Pr., S. yātrā, 6) 'Судья еще не вынес решения, но я уверена, что меня оправдают'; *pahle use choṭā ṣeṣan hī diyā gayā thā, lekin use āśā thī kī jald hī vah kisī 'br' athvā 'st' klās ke ṣeṣan kā ṣeṣan māṣṭar hogā* (Ašk, B. p., 149) 'Сначала ему дали небольшую станцию, но он надеялся, что скоро он станет начальником станции 2-го или 3-го класса'; *abhī māī keval seṭh Balbhadradās jī ke pās gayā thā, lekin āp jānte hī hāī vah ek baiṭhakbāz hāī, idhar-udhar kī bātē karke ṭāl diyā* (Pr., Svāsdn., 107) 'До сих пор я побывал только у сетха Балбхадрадаса, но вы знаете, он — плут, поговорил о том о сем и отказал'; *uske liye vah bakrī kā dūdh letī, par na jāne kyō Cetan ko bakrī ke dūdh se ghrnā thī* (Ašk, B. p., 81) 'Она брала для него козье

молоко, но кто знает, почему Четан возненавидел его'; *ve cup ho gaye, parantu thoṛi der ke bād mālūm hūā ki ve ro rahe hāi* (Sud., T., 85) 'Он замолчал, но через несколько минут мне показалось, что он плачет'.

Положительная или отрицательная оценка действия первого компонента может выражаться различными лексическими средствами соответствующей модальной окраски. Примеры: *mujhe smaraṇ hotā thā ki māi ne kahī āpko dekhā hai, par āpko is bheṣ mē dekhar mujhe barā āścarya ho rahā hai* (Pr., Svāsdn., 162) 'Мне вспоминается, что я где-то видел вас, но я удивлен, что вижу вас в этой одежде'; *yō to javān būrhe sabhī marte hāi; lekin dukh is bāt kā thā ki unhō ne svayam larke kī jān lī* (Pr., Nirm., 117) 'Вообще-то умирают все — и старики и дети, но все горе было в том, что он сам отнял жизнь у мальчика'; *mujhe āpki agyā se inkār nahī hai, lekin šok hai ki is kanyā kā jīvan naṣṭa ho jāegā* (Pr., Svāsdn., 192) 'Я не противлюсь вашему приказу, но жаль, что жизнь этой девушки будет разбита'.

Сложносочиненные предложения с союзами **par, lekin, parantu, kintu, magar** в сочетании с частицами и союзными наречиями

При сочетании союзов *par, lekin, parantu, kintu, magar* с частицами *bhī* 'даже', *tak* 'даже', союзными наречиями *phir* 'затем', *phir bhī* 'все же', 'тем не менее', *to bhī* 'все же' последние уточняют характер смысловых отношений между компонентами.

При сочетании союзов *par, lekin, parantu, kintu, magar* с наречием *phir* усиливается значение несоответствия и между компонентами устанавливаются отношения временной последовательности. Примеры: *chāle par makkhan lagāne se ek kṣaṇ ke liye kaṣṭa kam ho jātā hai, kintu phir tāp kī vednā hone lagti hai* (Pr., Svāsdn., 183) 'Когда на волдырь кладут масло, боль на мгновение стихает, но затем начинаются неимоверные страдания'; *mai ke jā saktī thī; kintu vahā se mahīne-do mahīne mē phir usī ghar mē ānā paregā* (Pr., S. yātrā, 107) '[Миттхан Баи] могла бы уехать к родителям, но ведь через месяц-другой вновь придется вернуться в этот дом'.

При сочетании союзов *par, lekin, parantu, kintu* и *magar* с частицами и союзными наречиями *bhī, tak, phir, bhī, to bhī* конструкция приобретает ярко выраженный уступительный характер, например: *kabhī-kabhī uskā pitā sandhyā samay bhī na lauttā; par cintā ko bhay chū tak na gayā thā* (Pr., S. sup., 67) 'Иногда ее отец не возвращался и вечером, но и

это не пугало Чинту'; *māi ek ūce kul kī larķī hū, pitā kī nādānī se merā vivāh ek daridra mūrkhā manuṣya se huā, lekin daridra hone par bhī mujh se apnā apmān na sahā jātā thā* (Pr., Svāsdn., 91 — 92) 'Я происхожу из знатной семьи, по глупости отца меня выдали замуж за глупого бедного человека, но, даже будучи бедной, я не могу сносить этого позора'.

Наиболее ярко уступительные отношения проявляются при союзных наречиях *phir bhī, to bhī*, например: *yah bhī jānte the kī is samay hāy-hāv macāne se koī natījā nahī; lekin phir bhī is samay śānt baiṭhnā unke liye asambhav thā* (Pr., Nirm., 108) '[Мунши] также знал, что теперь от ахов и охов пользы не будет, но тем не менее он не мог спокойно сидеть в такие минуты'.

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СОЮЗАМИ

VARNĀ, NAHĪ TO, ANYATHĀ

Сложносочиненные предложения с союзами *varnā* 'а не то', 'в противном случае', *nahī to* 'не то', 'в противном случае', *anyathā* 'в противном случае' имеют значение противопоставления с оттенком условности²⁵.

Во втором компоненте излагается то, что произойдет (произошло, произошло бы), если не будет (не было, не было бы) выполнено условие, указанное в первом компоненте. Примеры: *dārogā — tum log haṭ jāo, varnā māi fāiar kar dūgā* (Pr., S. yātrā, 157) 'Начальник полиции: «Разойдитесь, а не то я открою огонь»'; *dekh lo; mere ghar kā sārā asbāb racīs rupaye kā bhī nahī varnā tan ke kapre bekar bhī unko churā lātī* (Sud., T., 126) 'Смотрите сами — все, что есть в доме, не стоит и двадцати пяти рупий, а не то я продала бы даже одежду и освободила бы его'; *tum Suman Bāi ke pās jānā chor do, nahī to tumhārā sarvanāś ho jāegā* (Pr., Svāsdn., 141) 'Прекрати ходить к Суман Баи, не то погибнешь'; *magar Khansinh! keval ek prārthanā kartā hū, use asvīkār na karnā; nahī to, merā dil ṭuṭ jāegā* (Sud., T., 90) 'Но, Кхансинх, у меня есть только одна просьба. Ты должен выполнить ее, не то мое сердце будет разбито'; *māi cāhtā hū kī āj ghar kā banṭvārā ho jāy aur larķō ko tākīd kar dī jāya kī vah bhūlkar bhī mere makān mē pad-ḱsep na karē, anyathā māi unkī tarnā karū* (Pr., Prāśm., 38) 'Я хочу, чтобы сегодня произошел раздел имущества,

²⁵ Келлог и К. Гуру относят *nahī to* к числу разделительных союзов (см.: Kellogg, *A grammar...*, p. 390; К. Гуру, *Hindī vyākaraṇ*, p. 220).

и мальчикам настрого приказали, чтобы они и по ошибке не приходили ко мне, иначе я задам им жару...'; *uskī acche jīvan kī varṣō kī kṣudhā ko śānt karnā cāhiye, anyathā uskā dhīraj tūt jāgā* (Hind., 14. 10. 57) 'Следует удовлетворить многолетнее стремление его [народа] к лучшей жизни, иначе его терпение лопнет'.

Как показывают приведенные примеры, сложносочиненные предложения с данными союзами распространены в разговорной речи. Особенно это касается союза *nahī to*. Реже эти союзы употребляются в прессе и публицистике²⁶.

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СОЮЗНЫМИ НАРЕЧИЯМИ *PHIR BHĪ, TIS PAR BHĪ*

Сложносочиненные предложения с союзными наречиями *phir bhī, tis par bhī* 'тем не менее', 'и все же'²⁷ имеют значение противопоставления с оттенком уступительного характера.

Во втором компоненте излагается нечто противоположное тому, что должно было бы вытекать как логическое следствие из содержания первого компонента. Конструкции с этими союзами очень близки по структурно-семантическим особенностям к сложноподчиненным предложениям с придаточным уступительным. Примеры: *Mansārām ne cārpāt par leṭkar lihāf orh liyā, phīr bhī sardī se kalejā kāp rahā thā* (Pr., Nirm., 98) 'Мансарам лежал на кровати, укрывшись ватным одеялом, и все же всем телом дрожал от холода'; *Balvantsinh kī preyaśī hone kā gaurav to use thī hī, sāth mē putra utpanna karne kā saubhāgya bhī milā, phīr bhī asavarṇatā kā sāmājik doṣ uske hṛday ko vyathit kiyā kartā* (Pras., In., 93) 'Она была горда тем, что стала возлюбленной Балвантсинха, кроме того, ей посчастливилось — у нее родился сын, тем не менее то, что она принадлежит к другой касте, не давало ей покоя'; *tum ne merī larṁ kī jān le lī, uskā sarvanāś kar diyā, tis par bhī tum mere sāmnē is tarah baiṭhe ho, māno koī mahātmā ho* (Pr., Svāsdn., 233) 'Ты погубил мою дочь, ты разбил ее счастье, тем не менее ты сидишь передо мной, как какое-то божество'; *janma se lekar pacīs varṣa kī āyu tak use jilāo, khilāo, parhāo, tis par bhī yah śankā hī lagī rahtī hai kī yah kisī dhang kī bhī hogī*

²⁶ Из 38 примеров с союзом *nahī to* только три взяты из прессы и публицистики.

²⁷ Келлог, на наш взгляд, неправильно относит *tis par bhī* к соединительным союзам (см. Kellogg, *A grammar...*, p. 512), так как здесь противопоставление двух действий носит ярко выраженный характер.

ya nahī (Pr., Svāsdn., 245) 'От рождения до двадцатипятилетнего возраста оберегай его [ребенка], корми его, учи его, тем не менее всегда мучают сомнения, получится из него толк или нет'.

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СОЮЗНЫМ НАРЕЧИЕМ *KEVAL*

Сложносочиненные предложения с союзным наречием *keval* 'только' имеют значение противопоставления с оттенком присоединения²⁸.

Во втором компоненте излагается нечто противоположное содержанию первого или ограничивающее его. Примеры: *nāyak apne sthān par ab bhī kharā thā aur jatthā bhī uske piche baiṭhā huā thā; keval Kodai Caudhri nāyak ke samīp baiṭhe hue sthīr ākhō se bhūmī kī or tāk rahe the* (Pr., S. yātrā, 154) 'Руководитель все еще стоял на своем месте, и отряд сидел за его спиной, только Кодаи Чаудхри сидел рядом с ним, уставившись в землю'; *yah harā-bharā lahlā-hātā huā paudā jal gayā, keval uski rākh rah gayī* (Pr., G., 10) 'Этот молодой и зеленый побег был сожжен, осталась только кучка пепла'; *vidyā aur buddhi hai hī nahī, keval isī svāg kā bharosā hai* (Pr., Svāsdn., 207) 'Нет ни ума, ни знаний, только есть желание щегольнуть и тем и другим'.

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫМИ СОЮЗАМИ

Сложносочиненные предложения с разделительными союзами имеют значение перечисления взаимоисключающих событий, явлений и т. д.

Смысловые отношения, выражаемые разделительными союзами, несложны, вполне определены и не богаты оттенками, как это имело место при соединительных и противительных союзах. Каждый вид отношений довольно четко связан с определенными союзами. Компоненты сложносочиненных предложений с разделительными союзами объединены, как правило, общим временным значением, причем часто совпадают и временные формы глаголов-сказуемых.

В произведениях художественной литературы, прессы и публицистике количество предложений с разделительными

²⁸ О том, что *keval* может употребляться как союз, упоминает в своей грамматике К. Гур (см. K. Guri, *Hindī vyākaraṇ*, рг. 186).

союзами крайне незначительно. Так, в романе Премчанда «Севасадан» встречается всего 6 случаев, в его повести «Нирмала» — 2 случая, в сборниках рассказов Сударшана и Ашка — по 3 случая употребления разделительных союзов.

Из 3000 примеров на сложносочиненные предложения только 30 имеют разделительные союзы, что составляет 1% от общего числа²⁹.

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СОЮЗАМИ

УА, АТНУА, УА... УА

Сложносочиненные предложения с союзами *yā*, *athvā* 'или' и *yā...yā* 'или...или' выражают перечисление взаимоисключающих действий, явлений, которые обычно располагаются в одном временном плане. Союзы *yā* и *athvā* отличаются друг от друга лишь по частоте употребления — первый употребляется значительно чаще. Примеры: *par svāmī aur sevak kī paristhiti Kuntī jāntī thī, us mē sāhas nahī*, *yā śāyad uskī muhabbat kṛtagyatā ke bojh ke nīce dab gayī* (Ašk, B. p., 105) 'Но Кунти понимала разницу в положении слуги и хозяина; у него [Мохана] не было смелости, или, может быть, благодарность заглушила его любовь'; *grāmō kā jal sādharāṇtaya kio se liyā jāta hai yā jahā kiē na hō vahā log chapparō hī se pānī pite hāī* (Kṛṣ. vbh.) 'Воду в деревнях берут обычно из колодцев, или, где нет колодцев, воду берут из небольших водоемов'; *agar vah mujhe cār din bhī parā rahne dete to kadācit māī apne ghar laut jātī athvā vah hī mujhe manā le jāte* (Pr., Svāsdn., 112) 'Если бы он [Падмасинх] позволил мне прожить у него хотя бы четыре дня, то я, возможно, сама бы вернулась домой, или он [Гаджадхар] уговорил бы меня вернуться'; *Devī mātā kī kṛpā hai, athvā apkī devā ke prabhāo kā phal hai* (Sud., T., 18) 'Это милость Девы-матери, или результат влияния вашего божества'.

Сложносочиненные предложения с союзами *yā* и *athvā*, выражающие отношения взаимоисключения, могут характеризоваться параллельностью структуры, например: *Sikandar ne sir uṭhāyā jaise kisi ne use swapna se jagā diyā ho yā kisi ne uskī nistabdhitā ke tār tor dāle hō* (Ašk, B. p., 129) 'Александр поднял голову, как будто кто-то пробудил его ото сна, или как будто кто-то вывел его из состояния

²⁹ Та же картина наблюдается и в русском языке (см. Ю. И. Леднев, *Союзные сложносочиненные предложения в русском литературном языке*, стр. 319, 320).

оцепенения'; *kue ke samīp gandagī ke dher yā gandī nā-liyō dvārā pānī asvach ho saktā hai yā pānī bharnevāliyō ke pramād se pānī kharāb ho saktā* (Kṛṣ. vbh) 'Кучи мусора и сточные канавы вблизи колодца загрязняют воду, или ее загрязняют по небрежности женщины, берущие воду'.

Повторяющийся союз *yā... yā* выражает те же отношения, что и одиночный союз *yā*. К. Гуру считает, что повторяющийся союз *yā...yā* обозначает разделение более резкое, например: *yā to is per par phāsī lagākar mar jāūgī yā Gangā mē kūd parūgī* 'Или повешусь на этом дереве, или утоплюсь в Ганге'. Союз этот, по мнению К. Гуру, выполняет и вторую функцию — служит для выражения полной противоположности, подобно адвербиальному сочетанию *kahā... kahā* 'где... где', например: *yā vah raunak thī yā sunsān ho gayā* 'Где было процветание, где царило запустение'³⁰. К сожалению, в текстах, подвергшихся росписи, мы не нашли подтверждения этому положению.

Союз *yā* в составе повторяющегося союза *yā...yā* обычно располагается в начале каждого компонента. Впереди него возможна постановка лишь общих для обоих компонентов обстоятельств времени и места. В первом компоненте при союзе почти всегда выступает усилительная частица *to* 'то', 'же'. Примеры: *yā to vah kisī sare kām mē phās gaye yā jin logō ne sahāyatā kā vacan diyā palaṭ gaye* (Pr., Svāsdn., 114, 115) 'Или же он занят каким-нибудь важным делом, или изменили свое решение люди, обещавшие помочь'; *aur is samay yā ve kaidkhāne se bāhar hōge yā pahle merī aur merī bād beṭe kī lāṣē pharakṭī dikhāī dēgī* (Sud., T., 212) 'Теперь или он будет на свободе, или вы увидите сначала мой труп, а потом и труп сына'.

Когда сказуемые обоих компонентов выражаются одним и тем же глаголом, сказуемое второго компонента опускается, например: *yahā yā to andhe āte hāī, yā bātō ke vīr* (Pr., Svāsdn., 99) 'Сюда приходят или же слепые, или «герои» словесных битв'.

В редких случаях союз *yā* в первом компоненте стоит не в начале предложения, а перед тем из его членов, на который падает логическое ударение, например: *ant mē use yah anubhav hone lagā kī vyākhyān mē adhikānś keval śabdō ke āḍambar hote hī, un mē koī mārmik tatvapūrṇa bāt yā to hotī hī nahī, yā vahī purānī yuktiyā nāī banākar dohrāyī jāti hāī* (Pr., Svāsdn., 217, 218) 'В конце концов ему стало казаться, что лекция состоит только из одних напыщенных фраз; в ней или совсем отсутствовали какие-либо конкрет-

³⁰ См. К. Гуру, *Hindī vyākaraṇ*, рг. 219.

ные факты, или под новым соусом подавались набившие оскомину истины'; *hamāre kaviyō ko sādharmaṇ jīvan kā sāmna karne aur uskī sacāiṇ se prabhāvit hone ke yā to avasār hī na the, yā har choṭe-bare par kuch... mānsik girāvaṭ chāt huī thī* (Pr., K. vcr., 7) 'Или у наших поэтов не было возможности столкнуться с жизнью и вдохновиться ее правдой, или все мелкие и крупные поэты переживают моральный упадок'.

Сложносочиненные предложения с двойным союзом *kyā... yā* 'разве...или', являющимся разновидностью союза *yā...yā* 'или...или', подобно предложениям с одиночным или повторяющимся союзом *yā* выражают перечисление взаимоисключающих явлений, событий, также расположенных в одном временном плане. Предложения с этим союзом являются вопросительными, так как первая часть двойного союза *kyā* является по происхождению вопросительной частицей. Это определяет и структуру всего предложения. Первая часть союза *kyā* может располагаться не в начале первого компонента, а в непосредственной близости от того слова, на которое падает логическое ударение. Примеры: *yah apār samūh kyā mujh se kisī fāyde kī āśā rakhtā hai; yā use mujh se kisī hānī kā bhay hai* (Pr., S. yātrā, 185) 'Разве эта безбрежная толпа надеется получить что-нибудь от меня, или она боится, что я причиню ей ущерб'; *larḥo kyō bhāgte ho? kyā yahā neotā khāne āye the yā koī nāc-ta-māśā ho rahā thā* (Pr., S. yātrā, 155) 'Почему вы бежите, сыны мои? Разве вы пришли на званый обед, или здесь происходит представление?'.

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СОЮЗОМ CĀHE...CĀHE

Несколько обособленно выступают сложносочиненные предложения с двойным союзом *cāhe...cāhe* 'либо...либо', 'пусть...пусть'. Эти предложения состоят из двух частей. Первая часть представляет собой сложносочиненное предложение с разделительным перечислением, а вторая часть, вводимая противительными союзами *par*, *lekin* и др., содержит в себе заключение или вывод из того, о чем сообщалось в перечислении. Примеры: *vah cāhe apne upkārō ke liye kṛtagyatā kā bhūkhā na ho, cāhe usne nekī karke dariyā mē hī dāl dī ho, par upkār kā vicār karke usko atyant gaurav kā ānand prāpta hotā hai* (Pr., Svāsdn., 169) 'Он [гордый человек] либо не стремится к благодарности за свои добрые дела, либо не думает о последствиях своего

поступка, но мысль о сделанном добре наполняет его сердце радостью»; *is kathin bhār se cāhe ākhō mē andherā ā jāy, cāhe gardan tūṭne lage, cāhe pair uṭhnā dustar ho jāy, lekin vah gāthrī dhanī hī paregī* (Pr., Nirm., 57) 'И пусть от этой тяжести темнеет в глазах, пусть сгибается спина, пусть подкашиваются ноги, но этот груз придется нести'.

Союзы *kinvā* и *kī* 'или' употребляются преимущественно в поэзии³¹, хотя союз *kī* встречается и в прозаических произведениях, где он используется для соединения однородных членов в диалогах. Здесь союз *kī* близок по функции к союзу *yā*³². *Jālpā pūchti — cādī ke hōge, kī sone ke dādī jī?* (Pr., G., 26) 'Джалпа спросила: «Они [украшения] будут серебряными или золотыми, бабушка?»'; *Vāsanti ne Sahzādī kā hāth pakarkar kahā — ab uṭhegī bhī kī yahā sārī rāt up-deś hī detī rahegī* (Pr., G., 13) 'Васанти схватила Шахзади за руку: «Теперь ты пойдешь или всю ночь будешь давать наставления?»'.

Союз *vā* 'или' употребляется только для связи однородных членов предложений³³.

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО СЛЕДСТВЕННЫМИ СОЮЗАМИ

В современном литературном хинди имеются сочинительные союзы *isliye, atah, ataev* со следственным значением («поэтому»). Логически эти союзы передают отношения, свойственные подчинительной связи. Но ввиду того, что здесь каждое предложение сохраняет значение самостоятельной единицы, пусть связанной и сопоставленной с другой, мы усматриваем здесь сочинительную связь. Кроме того, наряду с выражением отношений, свойственных подчинительной связи, данная конструкция имеет свои особые оттенки, характерные для выражения чисто следственной связи.

Трудно согласиться с Кемпсоном, который утверждает, что «предложение, вводимое *isliye*, на деле является главным предложением, которому предшествует придаточное причины с опущенным союзом *cāki* 'так как', 'потому, что'»³⁴. Выше, давая характеристику сложносочиненным предложениям с союзным наречием *phir bhī*, мы говорили о

³¹ На это также указывают К. Гуру и Келлог (см.: К. Guru, *Hindi vyākaran*, рг. 120; Kellogg, *A grammar...*, р. 391).

³² К. Гуру рассматривает и повторяющийся союз *kī...kī* 'или...или', который употребляется только в поэтической речи (см. К. Guru, *Hindi vyākaran*, рг. 220).

³³ См. Kellogg, *A grammar...*, р. 512.

³⁴ См. Kempson, *The syntax...*, р. 127.

близости всей конструкции к сложноподчиненному предложению с придаточным уступительным. Там тоже можно было бы утверждать, что опущен союз *yadyapi* 'хотя'. Но вряд ли при таком утверждении мы смогли бы найти причину отсутствия союза. На протяжении всей работы мы неоднократно указывали на отношения, близкие к подчинительным. И действительно, во многих случаях между сочинением и подчинением нельзя провести четкую границу, и поэтому здесь основным критерием подчинения или сочинения выступает союз.

Союз, являясь формальным показателем тех или иных отношений между составными элементами сложного целого, позволяет нам, пусть только формально, во многих случаях квалифицировать то или иное предложение как сочиненное или как подчиненное. Именно поэтому мы не можем согласиться с Кемпсоном, так как в данных конструкциях отсутствует единственный критерий подчинения — подчинительный союз.

Наиболее часто встречаются сложносочиненные предложения с союзом *isliye*. Из 54 примеров со следственными союзами 40 предложений содержат союз *isliye*, 9 — *atah* и 5 — *ataev*. Союзы *atah* и *ataev* встречаются, как правило, в прессе и публицистике. Из 9 предложений с союзом *atah* все заимствованы из прессы и публицистики, а из 5 предложений с союзом *ataev* только одно заимствовано из художественной литературы. На это указывает и К. Гуру³⁵.

Сложносочиненные предложения со следственными союзами можно подразделить на две группы.

К первой группе относятся сложносочиненные предложения, во втором компоненте которых излагается вывод, который является одним из возможных следствий, вытекающих из содержания первого компонента.

Во втором компоненте выражается суждение, до некоторой степени мотивированное содержанием первого компонента. Примеры: *ārthik parādhīntā hī sansār mē dukh kā kāraṇ hai, manuṣya ko usse mukti pānī cāhiye; isliye merā upāsyā hai svarṇa ko* (Pras., In., 126) 'Экономическая зависимость — причина всех горестей в этом мире. Человеку следует сбросить её оковы; поэтому золото — предмет моего поклонения'; *Prāṇnāth ke mātā-pitā nirdhan the, isliye vah Lāhaur ke hī ek dandnāsāz se śikṣā prāpta karne lagā thā* (Aṣk, B. p., 22) 'Родители Праннатха были бедными людьми, поэтому он пошел в учение к зубному технику в Лахоре'; *kahānī ke liye pandrah-bīs mināṭ hī kāfī hāī; ataeṽ ham kahānī aisī cāhte*

³⁵ См. К. Гуру, *Hindi vyākaraṇ*, стр. 222.

*hāi ki vah thore se thore śabdō mē kahī jāye, us mē ek vā-
kya, ek śabda bhī anāvaśyak na ānā pāye* (Pr., K. vcr., 30) 'Рассказ должен читаться 15 — 20 минут; поэтому мы хотим иметь такие рассказы, которые были бы написаны с минимальной затратой слов, в которых бы не встречалось ни одного лишнего предложения, ни одного лишнего слова'; «*sua-
yam*» *aur* «*avaśya*» *se kāfī zor pahuncā hai, atah inke sāth
«hi» joṛnā vyartha hai* (Var., Ach. hdi, 207) '«Свайам» («сам») и «авашья» («конечно») сами по себе выражают достаточное усиление, поэтому излишне употреблять их с частицей «хи» («конечно», «ведь», «и»)'.
 * * *

К предложениям второй группы относятся сложносочиненные предложения, второй компонент которых выражает следствие, непосредственно вытекающее из содержания первого компонента³⁶. Отношения между компонентами в большей степени, чем в предложениях первой группы, близки к отношениям в сложноподчиненном предложении с придаточным причины. Примеры: *sab halvāt Munši jī ko pahcānte the; ataeṇ munši jī ne sir jhukā liyā* (Pr., S. sum., 27) 'Все кондитеры знали Мунши, поэтому он шел опустив глаза'; *majistrat ne paccīs rupaye jurmānā kardiya kocvān ke pās rupaye na the, isliye havālāt mē ḍāl diya gayā* (Sud., T., 121) 'Суд оштрафовал его на 25 рупий. У кучера не было денег, поэтому его посадили в тюрьму'; *ṭikaṭ ke liye dhan to pās thā nahī, isliye binā ṭikaṭ hī gārī par savār ho gayā* (Ašk, B. p., 98) 'Денег на билет не было, поэтому [я] поехал без билета'; «*Akhbār vastutah «khabar» kā bahuva-
can hai, atah uskā striling mānā jānā hī sayuktik hai* (Var., Ach. hdi, 219) '«Ахбар» [«газета»] фактически является множественным числом от слова «кхабар» («новость»), поэтому логично считать «акхбар» словом женского рода'.

* * *

Подводя итог анализу сложносочиненных предложений с сочинительными союзами, можно сделать следующие выводы:

1. Исследование различных типов сложносочиненных предложений показывает, что круг смысловых отношений, выражаемых при сочинении, весьма широк.

В сложносочиненных предложениях могут проявляться не только отношения однородности (в так называемых об-

³⁶ Разумеется, между этими двумя группами сложносочиненных предложений нет резкой грани. Встречаются предложения переходного характера.

ратимых предложениях), но и отношения временной и причинно-следственной, уступительно-противительной и условной зависимости, а также сопоставительные, противительные и разделительные отношения. Таким образом, при сочинении могут быть выражены почти все виды смысловых отношений между предложениями, кроме некоторых, характерных только для подчинения, как, например, отношения изъявительные и сравнительные.

Характерными только для сочинения будут отношения чисто соединительные (выражаемые редко, только в обратимых предложениях), разделительные и, в определенной мере, противительные (некоторые виды противительных отношений, как уступительно-противительные и причинно-следственные, могут выражаться и при подчинении).

2. В сложносочиненных предложениях возможно одно-временное, комплексное выражение ряда оттенков, что позволяет выразить всю сложную гамму отношений между явлениями действительности. В таких предложениях преобладающим является какой-нибудь один вид отношений, который отражает самую сущность значений компонентов, в то время как остальные виды отношений в данном случае играют второстепенную роль. Например, уступительные отношения свойственны почти всем предложениям с противительными союзами, но в одних предложениях над этими отношениями превалируют отношения несоответствия, а в других — отношения ограничения. Временные отношения свойственны почти всем предложениям с соединительными союзами, но в одних предложениях над ними превалируют причинно-следственные отношения, а в других — сопоставительно-противительные.

3. Равноправность и однородность являются частным случаем отношений между предложениями. Отношения между компонентами сложносочиненного предложения (за исключением обратимых предложений) основываются на внутренней смысловой зависимости компонентов друг от друга. Эта смысловая зависимость находит свое отражение в языке. Зависимость временная, следственная и сопоставительная проявляется, например, в соотношении времени и вида глаголов — сказуемых обоих компонентов, в лексическом составе сказуемых, в зависимости от первого компонента структуры второго.

4. Употребление того или иного союза лишь в общих чертах определяет отношения между компонентами сложносочиненного предложения.

Тот факт, что в предложениях с одним и тем же союзом могут выражаться различные отношения, является ре-

зультатом того, что эти отношения выражаются не только (и не столько) союзами, но и другими средствами: семантической отдельных слов в составе компонентов (*tab* 'тогда', *is ke bād* 'потом' — при временных отношениях; *isliye* 'поэтому' — при причинно-следственных отношениях и др.), грамматическими формами сказуемых (совершенные формы при последовательности и несовершенные формы при одновременности действий), структурой соединяемых компонентов, что обуславливается реальным значением соединяемых компонентов и их взаимоотношениями в составе сложного целого.

5. Целостность сложносочиненного предложения находит свое отражение не только в логико-грамматических отношениях между его компонентами и ритмико-мелодическом рисунке сложного целого, но и в структурной связи компонентов, которая может проявляться в следующем:

а) в первом компоненте имеется слово (или сочетание слов), общее для всех компонентов;

б) во второй компонент входит слово (или слова), соотносительное с каким-нибудь членом (или членами) первого компонента;

в) структура второго компонента определяется первым;

г) структура компонентов отличается параллелизмом.

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ

Ašk, B. p.	— Ašk Upendranāth, <i>Bāigan ka paudhā</i> , Ilāhābād, 1951.
Hind.	— «Hindustān» (samācāratra).
J. yug	— «Janyug» (patrikā).
J. yug (27. 5. 58.)	— «Janyug» (samācāratra).
Kṛṣ. vbh.	— «Kṛṣi vibhāg» (бюллетень департамента сельского хозяйства).
Kum., P. s., bh. 1 (bh. 3)	— Kumār Jainendra, <i>Pūra sangrah</i> , Pratham bhāg (Tṛtiya bhāg), Banāras, 195...
N. P. (57. 3. 27.) ³⁷	— «Nayā path» (patrikā)
Prab., S. bad	— Prabhākar, <i>Sangharṣa ke bād</i> , Banāras, 1950.
Pras., In.	— Prasād Jayānkar, <i>Indrajāl</i> , Ilāhābād, 1957.
Pr., G.	— Premcand, <i>Gaban</i> , Ilāhābād, 195...
Pr., Kīn.	— Premcand, <i>Kāfan</i> , Banāras, 1951.
Pr., K. vcr.	— Premcand, <i>Kuch vicār</i> , Banāras, 1949.
Pr., Nirm.	— Premcand, <i>Nirmalā</i> , Ilāhābād, 1954.
Pr., Prāṣrm.	— Premcand, <i>Premāṣram</i> , Banāras, 1953.
Pr., S. sum.	— Premcand, <i>Sapta-śuman</i> , Ilāhābād, 1954.
Pr., Svāsdn.	— Premcand, <i>Sevāsadan</i> , Banāras, 195...
Pr., S. yātrā	— Premcand, <i>Samar-yātrā</i> , Banāras, 1953.
Sud., T.	— Sudarśan, <i>Tīrtha-yātrā</i> , Banāras, 1951.
Var., Ach. hdi	— Varmā Rāmcandra, <i>Acchī hindī</i> , Banāras, 1951.
Yaš. N. p.	— Yašpāl, <i>Prthak lekḥ</i> , — «Nayā path patrikā se» 1956—57.

³⁷ При ссылках на журналы последовательно указывается год (двумя цифрами), номер журнала и страница; при ссылках на газеты указывается число, месяц и год.

В. П. Липеровский

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ ХИНДИ

**(Основные типы связи частей
сложноподчиненного предложения)**

ПРОБЛЕМА СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПЛАНЕ

Вопрос о природе сложного предложения еще нуждается в уточнении в общелингвистическом плане. До настоящего времени не установлены и не исследованы формы грамматической абстракции, определяющие структурное своеобразие видов сложного предложения¹. Для разных исследователей характерен различный подход к выявлению специфики частей сложного предложения. Так, например, одни исследователи отказываются признать части сложного предложения предложениями, другие же исследователи утверждают, что в составе сложного предложения его части не перестают быть предложениями.

Надо отметить, однако, что по ряду вопросов в лингвистической науке наметилось единство взглядов. Одним из общепринятых положений, имеющих немаловажное значение, является положение о том, что сложное предложение представляет собой синтаксическое целое, части которого связаны между собой определенными смысловыми отношениями.

Если сложное предложение является синтаксическим целым, то его части, поскольку они обслуживают это целое, не могут обладать смысловой и интонационной законченностью и коммуникативной самостоятельностью, характерными для простых предложений, хотя последним они в общих чертах и соответствуют. Упомянутое соответствие частей сложного предложения простым предложениям про-

¹ «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, М., 1954, стр. 100.

является в том, что и в тех и других одинаково выражаются предикативные отношения.

Следовательно, сложное предложение и простое предложение, каждое из которых представляет грамматически оформленную коммуникативную единицу языка, отличаются друг от друга в структурном отношении: если в сложном предложении имеется несколько центров выражения предикативных отношений, то в простом предложении — лишь один такой центр.

Таким образом, под сложным предложением можно понимать такое предложение, которое, представляя собой смысловое, интонационное и структурное целое, состоит из двух или более частей, соответствующих в общих чертах по своему строению простым предложениям, но в отличие от них не имеющих смысловой и интонационной законченности (по крайней мере, не имеющих смысловой законченности в той степени, в какой ею обладают простые предложения).

Семантическая связь, существующая между частями сложного предложения, отражает отношения между сторонами и явлениями действительности. Следовательно, сложные предложения являются специфическим средством выражения определенного круга таких отношений.

В грамматической литературе обычно отмечают два вида связи между частями сложного предложения: связь сочинительная (сочинение) и связь подчинительная (подчинение). Однако понятия сочинения и подчинения не определены достаточно четко, не раскрыты полностью как в отношении смыслового взаимоотношения связываемых частей, так и в отношении формального выражения.

Некоторые исследователи² утверждают, что в случае сочинения части сложного предложения сохраняют свою самостоятельность, тогда как при подчинительной связи одна из частей сложного предложения (так называемое придаточное предложение) утрачивает свою самостоятельность; другие исследователи³ усматривают различие между подчинением и сочинением в степени полноты связи между частями сложного предложения. Иногда сочинение и под-

² М. В. Андреевская, *Вопросы синтаксиса немецкого языка*, М.—Л., 1950, стр. 78, 79; И. А. Попова, *Сложносочиненное предложение в современном русском языке*, — «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950, стр. 358; Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева, *Современный немецкий язык*, изд. 3, М., 1957, стр. 293, 294; А. М. Земский, С. Е. Крючков, М. В. Светлаев, *Русский язык*, ч. 2, изд. 5, М., 1955, стр. 91.

³ Н. М. Александров, *К вопросу о сочинении и подчинении предложений*, автореф. канд. дисс., Л., 1951, стр. 6.

чинение связываются с выражением определенных смысловых отношений между частями сложного предложения.

Следует отметить, что самостоятельность или несамостоятельность частей сложного предложения, полнота или неполнота их связи, выражение определенного рода отношений между частями сложного предложения являются моментами, которые находятся в определенной зависимости друг от друга и которые надо учитывать в их совокупности при решении проблемы сочинения и подчинения. Нам кажется, что поскольку части сложного предложения взаимосвязаны, едва ли можно говорить о самостоятельности частей сложного предложения в случае сочинения и о самостоятельности так называемого главного предложения в случае подчинения. В. А. Богородицкий писал по этому поводу следующее: «...во всяком сложном предложении его части составляют одно связное целое, так что, будучи взяты отдельно, уже не могут иметь вполне прежнего смысла или даже совсем невозможны, подобно тому как морфологические части слова существуют только в самом слове, но не отдельно от него; таким образом, ни та, ни другая часть сложного предложения, строго говоря, не являются самостоятельными, но лишь совместно образуют одно целое»⁴.

Правильнее было бы говорить о равноценности, равноправии частей сложного предложения по отношению к его значению при сочинительной связи и о неравноценном, неравноправном участии частей сложного предложения в формировании его значения при подчинении. При подчинении та часть сложного синтаксического целого, которая носит название придаточного предложения, относится к смыслу этого сложного целого через свое отношение к так называемому главному предложению. Этим и объясняется тот факт, что между частями сложноподчиненного предложения обычно существует более тесная связь, чем между частями сложносочиненного предложения. Именно поэтому при сочинительной связи обычно выражаются соединительные, разделительные и противительные отношения.

Смысловые соотношения между частями сложного предложения находятся в связи с его конструктивными особенностями, такими, как наличие союзов или союзных слов, порядок расположения частей сложного предложения, соотношение форм слов в его частях (в особенности финитных форм глаголов), лексическое значение слов, входящих

⁴ В. А. Богородицкий, *Общий курс русской грамматики*, изд. 5, М.—Л., 1935, стр. 229.

в предложение, и характер связи между ними, а также интонация. Поскольку сочинение и подчинение находят формальное выражение в языке, они суть грамматические явления.

Следует, однако, отметить, что между сочинением и подчинением нет четкой границы, так что в отдельных случаях трудно говорить с полной определенностью о том или ином типе связи.

Рассмотрение сложноподчиненных предложений сводится обычно к установлению вида так называемых придаточных предложений. В ходе разработки проблемы сложного предложения был предложен ряд классификаций придаточных предложений, а именно: 1) по морфологическому принципу, т. е. на основании соответствия придаточных предложений словам, принадлежащим к той или иной части речи; 2) по синтаксической функции придаточных предложений, т. е. на основании их соответствия членам простого предложения; 3) по формально-синтаксическому признаку, т. е. по тому слову, которое вводит придаточное предложение; 4) по семантическому принципу, т. е. на основании значения придаточного предложения. Отмеченные принципы классификации не являются удовлетворительными, поскольку при проведении каждого из них одна сторона придаточного предложения рассматривается в отрыве от других сторон.

Так, первые два типа классификации не учитывают специфики сложноподчиненного предложения как единого целого, части которого в известной мере сопоставимы с простыми предложениями и вследствие этого обладают более богатыми выразительными возможностями по сравнению со словом или словосочетанием. Поэтому связь придаточного предложения с главным только в ограниченной степени напоминает связь между словом, относящимся к той или иной части речи и являющимся каким-либо членом простого предложения, и остальной частью предложения.

Классификация придаточных предложений по морфологическому принципу имеет смысл лишь тогда, когда придаточное предложение сопоставимо со словом, являющимся членом синтаксически связанного словосочетания.

Так, например, в хинди для слов со значением желания, необходимости и др. характерна способность сочетаться с неопределенной формой глагола, обозначающего действие, совершение которого представляется желаемым, необходимым и т. п., например: *tum se bātē karne ko jī cāhtā hai* (Pr., Pr. dv., 35) '[Мне] хочется поговорить с тобой'.

Указание на желаемое, необходимое действие может содержаться и в придаточных предложениях, относящихся

к словам со значением желания, необходимости. Поэтому придаточное предложение в следующем примере может пониматься как соответствующее неопределенной форме глагола и трактоваться как инфинитивное придаточное предложение: *merā jī cāh rahā thā ki jaldī dukān barhākar ghar calā jāū* (Ašk, Pinj., 48) 'Мне хотелось, поскорее закрыв лавку, идти домой'.

Что же касается большинства придаточных предложений, то нет достаточных оснований для соотнесения их с какой-либо частью речи.

Классификация придаточных предложений по их синтаксической функции в предложении возникла исторически на основе классификации по морфологическому принципу. Она в какой-то мере учитывает характер сложноподчиненного предложения, поскольку некоторые виды придаточных предложений (в особенности обстоятельственные придаточные предложения), выделяемые по признаку синтаксической функции последних, оказываются связанными с наличием особых формальных примет, свойственных сложному предложению в целом.

Однако специфику придаточного предложения нельзя усматривать лишь в том, что оно по своей синтаксической функции может быть приравнено к члену предложения.

Во-первых, взгляд на придаточное предложение как на член главного предложения исторически не оправдан, так как сложные предложения являют собой результат сцепления простых предложений, а члены предложения — это синтаксические категории, возникающие на основе форм словосочетания.

Во-вторых, многие придаточные предложения не находят соответствия в каком-либо члене предложения, выраженном словом или словосочетанием. Так, в следующем примере придаточное предложение вряд ли можно приравнять с достаточными основаниями к какому-либо члену простого предложения: *āth ghantē tak vah varṣā huī ki cārō taraf kolāhal mac gayā* (Sud., Sud. sum., 36) 'Восемь часов подряд продолжался этот ливень, так что кругом поднялось смятение'.

В-третьих, при классификации придаточных предложений на основании их соответствия членам предложения часто объединяются в одной группе структурно разнородные виды сложных предложений и, наоборот, сложные предложения с одинаковыми в отношении строения придаточными предложениями относятся к разным разрядам. Например, в хинди к сложноподчиненным предложениям с придаточ-

ными подлежащими можно отнести такие предложения: *jo kabhi ro nahī saktā, vah prem nahī kar saktā* (Pr., M. 4, 99) 'Кто не умеет плакать, тот не способен любить'; *Samajhā ko ucit hai ki bail kā pūrā dām de* (Pr., S. sag., 59) 'Самаджху надлежит полностью заплатить за быка'.

Однако соединение частей в каждом из этих сложно-подчиненных предложений осуществляется по-разному: в первом случае имеет место подчинение при помощи относительного местоимения, во втором случае — при помощи союза *ki*; в первом случае форма глагола-сказуемого придаточного предложения определяется смыслом высказывания, во втором случае — лексическим значением компонента главного предложения (*ucit* 'подходящий', 'надлежащий').

С другой стороны, если мы с двумя приведенными выше примерами сопоставим следующие ниже, то увидим, что при том же типе соединения частей сложного предложения придаточные предложения будут трактоваться как дополнительные: *...parantu jo bhāgya mē badā ho, use kaun rok saktā hai* (Sud., Sud. sm., 201) '...но кто может предотвратить то, что предначертано судьбой?'; *is liye yahī ucit samajhā thā ki Mahmūd Kuhālā — Uṛī roḍ se hī āye* (K. C., Tal., 64) 'Поэтому мы предпочли, чтобы Махмуд приехал по дороге Кухала — Ури'.

В связи с этим надо заметить, что при относительном подчинении синтаксическая функция придаточных предложений, подобных приведенным в примерах, определяется не смыслом самого придаточного предложения, не грамматической формой относительного слова, а формой соотносительного слова (указательного местоимения), его функцией в главном предложении. При подчинении при помощи союза *ki* синтаксическая функция придаточного предложения определяется, как правило, в зависимости от синтаксической функции того слова, к которому относится придаточное предложение.

При классификации придаточных предложений по формально-синтаксическому признаку проблема подчинения по сути дела сводится к рассмотрению значения и роли тех или иных союзов, союзных слов и других элементов, соединяющих части сложного предложения. Сложное предложение при этом не изучается в своем полном составе как синтаксическое явление.

Такая классификация была бы удовлетворительной, если бы каждому союзу соответствовал лишь один определенный характер отношений между частями сложноподчиненного предложения. Но то, что это не так, можно показать в применении к языку хинди хотя бы на примере соединения

частей сложного предложения при помощи союза *ki: sāf-sāf kyō nahī kah dete ki āp ko meri zarūrat nahī hai* (Ašk, В. р., 41) 'Почему не говорите прямо, что я вам не нужна'; *siṇāhī lauṭkar nahī ā pāye the ki ghāyal kā prāṇānt ho gayā* (V., Mṛgn., 458) 'Не успели воины возвратиться, как раненый уже умер'; *āj savere strī se gahne māgte the, ki gir-vī rakḥkar ahīrō ke dūdh ke dām de de* (Pr., Pr. dv., 46) 'Сегодня утром он потребовал у жены украшения, чтобы, заложив их, уплатить ахирам за молоко'.

Однако в той мере, в какой элементы, связывающие части сложного предложения, находятся в соответствии с определенным структурно-семантическим типом сложноподчиненного предложения, использование формально-синтаксического критерия имеет положительное значение. Так, подчинение при помощи относительных слов (относительных местоимений и наречий) отличается от подчинения при помощи союзов тем, что относительное слово является не только средством связи частей сложноподчиненного предложения, но в отличие от союза выступает в подчиненной части как член предложения, выполняя определенную синтаксическую функцию.

Классификацию придаточных предложений на основании логического критерия, если она не опирается на структурные особенности связываемых в сложное предложение частей, нельзя считать удовлетворительной.

Резюмируя все изложенное выше, можно сказать, что ни один из рассмотренных принципов классификации нельзя считать полностью приемлемым. Каждый из них имеет свои положительные и отрицательные стороны и лишь в ограниченной мере позволяет вскрыть особенности придаточного предложения.

Все это свидетельствует о необходимости иного подхода к исследованию сложного предложения.

На это указывалось как в русской дореволюционной лингвистической литературе, так и в работах советских лингвистов. Например, В. А. Богородицкий задачу исследователя видел в том, чтобы определить «типы связей или отношений между обеими частями сложных предложений и способов формального обозначения этих связей в речи...»⁵. Академическая грамматика русского языка рекомендует говорить «не только о двух очень общих категориях сочинения и подчинения, но и о различных видах или типах связывания, сцепления и объединения предложений и о разных функциях этих видов или типов объединения пред-

⁵ В. А. Богородицкий, *Общий курс русской грамматики*, стр. 229.

ложений как строительного материала в структуре сложного предложения»⁶.

Однако в практике научного изучения языков такой подход к сложному предложению до сего времени фактически не нашел применения. Исключение, пожалуй, составляет попытка В. А. Богородицкого определить типы придаточных предложений русского языка на основании смысловых различий при учете таких факторов, как: 1) к чему относится придаточное предложение, 2) какие средства связи применяются, 3) какие смысловые оттенки свойственны самому придаточному предложению⁷.

Настоящая статья имеет целью отметить основные типы связи между частями сложноподчиненного предложения современного литературного языка хинди. Исследование проводится на материале языка произведений Премчанда, Сударшана, Упендранатха Ашка, Яшпала, Вриндаванлала Вармы и др. Выбор темы обусловлен тем, что синтаксис языка хинди в целом исследован весьма слабо, а вопрос о сложноподчиненном предложении практически совсем не изучен⁸. Достаточно указать на то, что из специальных работ, посвященных проблеме подчинения в хинди, имеется лишь статья Л. Г. Лозового, в которой рассматриваются сложноподчиненные предложения с придаточными условными⁹.

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ СВЯЗИ ЧАСТЕЙ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ХИНДИ

Подход к сложноподчиненному предложению как к такому, в котором функцию одного из его членов выполняет целое предложение, не является вполне правильным, поскольку рассмотрение части сложного целого, называемой обыч-

⁶ «Грамматика русского языка», т. II, ч. I, стр. 103.

⁷ См. В. А. Богородицкий, *Общий курс русской грамматики*, стр. 230.

⁸ Проблему сложного предложения рассматривали в своих грамматиках Платтс, Келлог, Кемпсон, К. Гуру, А. П. Баранников [см.: J. T. Plattс, *A grammar of the Hindūstānī or Urdū language*, London, 1874; S. H. Kellogg, *A grammar of the Hindi language*, London, 1875; M. Kempson, *The syntax and idioms of Hindustani*, London, 1894; Kāmtāprasād Guru, *Hindī vyākaraṇ, Kāṣī*, 2009; А. П. Баранников, *Хиндустани (урду и хинди)*, Л., 1934; А. П. Баранников, П. А. Баранников, *Хиндустани (хинди и урду)*, М., 1956]. Однако неверный методологический подход к анализу данного грамматического явления не позволил им вскрыть особенности сложного предложения как целого.

⁹ Л. Г. Лозовой, *Условные предложения в современном литературном хинди*, — «Ученые записки Института востоковедения», т. XIII, М., 1958.

но придаточным предложением, в качестве члена предложения не вскрывает его специфики.

Особенность сложноподчиненного предложения следует видеть в том, что в его структуре, а именно в наличии двух или более частей, соотносимых по своему строению (с точки зрения способа формального выражения предикативных отношений) с простыми предложениями, фиксируется определенный круг смысловых связей между сторонами или явлениями действительности таким образом, что смысл одной части относится к значению всего сложного целого лишь через свою логическую связь с другой его частью.

Семантические отношения между частями сложноподчиненного предложения проявляются в ряде особенностей сложного предложения. В связи с этим возникает вопрос о типах соединения, сцепления компонентов сложного предложения. В данной статье под типом связи частей сложноподчиненного предложения понимается конструктивная схема сложного предложения, обуславливающая обнаружение определенного смыслового взаимоотношения между его частями.

Какие же языковые средства служат для формирования того или иного типа связи? Это, в первую очередь, союзы и союзные слова, т. е. те элементы языка, которые непосредственно указывают на то, что соединяемые ими части высказывания являются частями сложного предложения. Союзные слова не только связывают части сложноподчиненного предложения, но и выполняют в придаточной части функцию, свойственную члену предложения. Они являются средством формирования особого рода подчинения — подчинения относительного.

В ряде случаев наличие того или иного союза обуславливает определенный тип связи частей сложноподчиненного предложения: *yadi kabhī vah mujhe darpan ke sāmnē dekh letī, to jhirakne lagtī* (Pr., Pr. dv., 4) 'Если когда-либо она видела меня перед зеркалом, то начинала браниться'; *Jaunpur kā koī dar nahī hai kyōki sultān bhāgkar Bangāl calā gayā hai* (V., Mṛgn., 229) 'Джаунпур не вызывает никаких опасений, потому что султан сбежал в Бенгалию'; *daftar mē āne kā use sāhas nahī hotā thā, māno koī aparādhī hai* (Pr., M. 4, 208) 'У него не хватало решимости пойти в контору, как будто он был преступником'.

В первом примере союзом *yadi* 'если' определяется условно-следственная связь между частями сложноподчиненного предложения; во втором примере одна часть сложного целого благодаря союзу *kyōki* 'потому что' понимается как раскрывающая причину того, о чем говорится в другой час-

ти; в третьем примере вторая часть сложного предложения благодаря союзу *māno* 'словно', 'как будто' выражает сравнение.

Однако во многих случаях наличие того или иного союза недостаточно для определения характера связи частей сложноподчиненного предложения.

Тогда тип связи определяется не только союзами, но и другими факторами, взаимодействующими с союзами. Среди них надо отметить формы наклонений в подчиненной части сложного предложения, например: *ab māi apnā banāo-ṣṅ-gār islie karti thī ki sāsār mē yah bhī merā ek kartavya hai...* (Pr., Pr. dv., 11) 'Теперь я наряжалась потому, что это тоже является одной из моих обязанностей на свете...'; *tum yah bāt islie kah rahe ho ki mujhe duḥkh na ho* (Kauś., Kall., 152) 'Вы это говорите для того, чтобы я не огорчалась'.

Как видно из примеров, при наличии в главной части слова *islie* 'поэтому', 'для того' придаточная часть, вводимая союзом *ki* 'что', 'чтобы', в зависимости от того, в форме какого наклонения выступает глагол, выражает причинное значение (в случае употребления изъявительного наклонения) или целевое (в случае употребления простой формы сослагательного наклонения).

Тип связи частей сложноподчиненного предложения или какая-либо разновидность данного типа могут находиться в зависимости от соотношения финитных форм глаголов в сложном предложении, например: *gāo se bāhar nikalā hī thā ki sahsā apne ūkh ke khet kī or agni kī jvālā dekh cāuk parā* (Pr., Pr. dv., 156) 'Едва он вышел из деревни, как вздрогнул, увидев пламя в той стороне, где рос его сахарный тростник'; *qulī ke āge-āge sir jhukāye vah pletfārm par jā rahā thā ki kisī ne use āvāz dī* (Aśk, B. p., 67) 'Опустив голову, он шел по платформе впереди кули, когда вдруг его кто-то окликнул'.

Здесь между содержанием частей сложного предложения устанавливается определенного рода временная зависимость благодаря тому, что в одной части, вводимой союзом *ki*, глагол выступает в форме претерита, а в другой части — в форме плюсквамперфекта в сочетании с эмфатической частицей *hī* 'же', 'именно', 'ведь' или же в форме прошедшего времени дуратива.

Среди факторов, обуславливающих формирование типов связи частей сложноподчиненного предложения, следует указать на лексический состав предложения и на наличие в главной части слов определенной семантики, поскольку использование придаточной части вызывается необходимо-

стью раскрыть их содержание, например: *Jamnā ki itnī majāl nahī ki mujh se pūche binā calī jāe* (Sud., Sud. sum., 82) 'У Джамны не хватит решимости уехать, не спросившись у меня'; *icchā hai ki āp ko bhī sāth le jāū* (V., Mṛgn., 107) '[Я] хочу взять и вас с собой'.

В главной части первого примера сообщается об отсутствии условий для осуществления содержания придаточной части. Такое значение сложного предложения обуславливается, в частности, наличием отрицательной частицы *nahī* 'не', 'нет' и семантикой слова *majāl* 'сила', 'способность', 'право' в главной части сложного предложения. Придаточная часть второго примера служит для раскрытия конкретного содержания понятия, обозначенного словом *icchā* 'желание', и употребление придаточной части обусловлено семантикой данного слова. Форма наклонения глагола придаточной части и подчинительный союз в этих примерах также влияют на формирование типа связи.

Далее, место придаточной части по отношению к главной тоже до некоторой степени характеризует тип связи. Большую роль в оформлении соединения компонентов сложноподчиненного предложения играет, очевидно, интонация¹⁰.

Отмеченные факторы, служащие для формирования того или иного типа соединения частей сложноподчиненного предложения, обычно находятся во взаимодействии. Приведем пример: *sipāhī lauṭkar nahī ā pāye the ki ghāyal kā prāṇant ho gayā* (V., Mṛgn., 458) 'Не успели воины возвратиться, как раненый уже умер'.

Здесь при выражении определенного рода временных отношений взаимодействуют следующие факторы: глагол *pānā* 'получать' в форме плюсквамперфекта, сочетающийся с основой смыслового глагола, отрицание при глаголе препозитивной части, претерит глагола постпозитивной части, препозиция части сложного предложения, содержащей глагол *pānā*, союз *ki*, вводящий постпозитивную часть.

При установлении типов связи частей сложноподчиненного предложения внимание в первую очередь следует обращать на те моменты, которые в наибольшей степени служат для дифференциации сложноподчиненных предложений, для противопоставления одного типа связи другому. Нельзя при этом забывать о существовании таких сложноподчиненных предложений, тип связи частей которых носит переходный, промежуточный характер.

¹⁰ Вопрос об интонации в хинди требует специального исследования и в настоящей статье в дальнейшем рассматриваться не будет.

ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТИП СВЯЗИ ЧАСТЕЙ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В современном литературном языке хинди большую группу сложноподчиненных предложений составляют такие предложения, в которых придаточная часть, вводимая обычно союзом (чаще всего союзом *ki* 'что', 'чтобы'), служит для раскрытия тех сторон действительности, о которых сообщается в главной части. Исходя из назначения придаточной части, тип устанавливаемой связи между частями сложного предложения можно квалифицировать как изъяснительный. При этом использование придаточной части обычно обуславливается семантикой слов главной части. Например, можно отметить, что весьма часто при данном типе связи придаточная часть служит для пояснения слов главной части, обозначающих высказывание, сообщение, восприятие, мыслительную деятельность, чувство, внутреннее состояние и модальные категории.

Слова, поясняемые придаточной частью, являются существительными, прилагательными, глаголами, например: *icchā hai ki āp ko bhī sāth le jāū* (V., Mrgn., 107) '[Я] хочу взять и вас с собой' (букв. 'желание есть, чтобы я и вас взял с собой'); *yah zarūrī hai ki vah brāhmaṇ ho...* (Pr, Pr. dv., 91) 'Необходимо, чтобы он был брахманом...'; *ḍartā thā ki yah śubh samācār ghar mē mujh se pahle na pahūc jāe* (Sud., Sud. sum., 7) 'Я боялся, как бы эта счастливая весть не достигла дома раньше меня'.

Кроме того, придаточная часть сложного предложения может раскрывать содержание понятий, выражаемых фразеологическими единицами и предикативным наречием *cāhiye* 'нужно', 'необходимо', например: *in tīn mahīnō mē Rahmān ke jī mē kāī bār āyā ki vah Fazal ko ghar se bāhar nikāl de* (K. C., Annad., 150) 'За эти три месяца у Рахмана не раз появлялось желание выгнать Фазала из дома'; *cāhie yah thā ki devījī se sārā rahasya kah sunātā...* (Pr., M. 4, 284) 'Необходимо было рассказать обо всем жене...'

При изъяснительном типе связи значения знаменательных слов главной части раскрываются двумя путями: 1) через непосредственное отношение придаточной части к данному знаменательному слову, 2) через отношение к указательному местоимению, употребляемому в главной части в функции одного из ее членов. Об этом свидетельствуют следующие пары примеров:

а) *mujhe patā na thā ki tumhāre dīl mē kapaṭ bharā hai* (Sud., Sud. sum., 42) 'Я не знала, что ваше сердце полно коварства'; *mujhe yah patā na thā ki tum talvār ke bhī dha-*

nī ho (Sūd., Sud. sum., 25) 'Я не знал, что ты и мечом хорошо владеешь';

б) ... *na pāl sakne se to acchā hai ki bacce hō hī nahī* (Ašk, Pinj., 167) '...уж лучше, чтоб совсем не было детей, чем не иметь возможности их растить'; *are bhaiyā adālat jāne se to yah acchā hai ki āpas mē yahī faislā kar lo* (Kauš., Kall., 42) 'О братец, уж лучше вам договориться между собой здесь, чем идти в суд';

в) ... *us ko lagā jaise koī barā jānvar khet mē ā gayā ho* (V., Mṛgn., 15) '... ей почудилось, что какое-то большое животное появилось на поле'; *unhē aisā lagā, jaise ve kām kartē kartē ūgh gaye hō aur svapna mē koī jādūgar unhē camatkārpūrṇa khel dikhā rahā ho* (Ašk, B. p., 26) 'Ему показалось, что он задремал во время работы и во сне какой-то фокусник показывает ему свои чудеса';

г) *Jhīgur ne socte-socte niścay kiyā, ki Buddhū kī daśā bhī apnī hī sī banāūgā* (Pr., Pr. dv., 158) 'После долгого раздумья Джингур решил низвести Буддху до своего собственного положения'; *soc-sockar us ne yahī niścay kiyā ki seth sāhab kā ṛṇ ṭahal-sevā karke cukā dū* (Sūd., Sud. sum., 40) 'Подумав хорошенько, она решила выплатить сетху долг, поступив к нему в услужение'.

Из приведенных примеров явствует следующее:

1) указательное местоимение может выступать в главной части сложноподчиненного предложения в функции подлежащего, предикативного члена, дополнения, определения;

2) придаточная часть, относясь непосредственно к указательному местоимению, раскрывает его значение;

3) использование указательного местоимения является факультативным;

4) отсутствие указательного местоимения не нарушает характера выражаемых отношений между частями сложноподчиненного предложения.

Из всего этого вытекает, что изъяснительный тип связи формирует такие сложные предложения, в которых придаточную часть в аспекте ее синтаксической функции можно рассматривать как придаточное подлежащее, как придаточное сказуемое, как придаточное дополнительное и, наконец, как придаточное определительное предложение союзного подчинения. При таком подходе синтаксическая роль придаточной части выражается в том, что придаточная часть или выполняет функцию какого-либо члена предложения, отсутствующего в главной части, или же раскрывает конкретное содержание члена, выраженного в главной части указательным местоимением.

Грамматическая роль указательного местоимения состоит в том, что к нему непосредственно относится придаточная часть, и в том, что, выполняя функцию какого-либо члена главного предложения, оно подчеркивает характер синтаксической связи между частями сложного предложения. Такое указательное местоимение называют соотносительным.

Выше были рассмотрены сложноподчиненные предложения, в которых использование соотносительных слов не наблюдалось или было факультативным. Поэтому можно предположить, что в приведенных примерах с соотносительными словами назначение придаточной части состоит в раскрытии не столько самого соотносительного слова, сколько в пояснении знаменательных слов, находящихся в определенном синтаксическом отношении к соотносительному слову. Следовательно, придаточную часть сложных предложений в этих примерах можно рассматривать как присубстантивную, приглагольную или приадективную.

Заслуживает внимания также случай изъяснительного типа связи, когда придаточная часть поясняет слово *bāt*, выступающее в значении «дело», «факт»: *bāt yah hai ki ham āp ko nahī chorṇā cāhte* (Kauś., Kall., 84) 'Дело в том, что мы не хотим вас упускать'; *bāt yah hai ki māi ek do din ke liye śikār khelne jānā cāhtā hū* (V., Mṛgn., 107) 'Дело в том, что я хочу отправиться на охоту на несколько дней'; *yah bāt nahī ki un mē matbhed na hotā ho* (Pr., M. 4, 297) 'Нельзя сказать, что у них не бывало разногласий'.

Благодаря своей семантике слово *bāt* в сочетании с указательным местоимением, выступающим в качестве определения к нему, выполняет в сложноподчиненном предложении роль соотносительного слова. Примеры: *mujhe is bāt ke subūt mile hāi ki dange mē āp kā bhī hāth thā* (Kauś., Kall., 6) 'Я получил доказательства того, что Вы тоже принимали участие в беспорядках'; *un ko is bāt kī parvāh nahī thī ki ūpar se kamar tak ughārī ho gaī hāi* (V., Mṛgn., 20) 'Они не обращали внимания на то, что тела их обнажались до пояса'.

Синтаксическая связь, подобная той, которая устанавливается между соотносительным именем существительным *bāt* и придаточной частью, может устанавливаться между указательным местоимением и придаточной частью. В таком случае придаточная часть должна рассматриваться как собственно приместоименная. Примеры: *kaun is kā zimmā legā ki tum mujhe mahīne mahīne sūd dete jāoge* (Pr., M. 4, 195) 'Кто поручится за то, что вы каждый месяц будете выплачивать мне процент?'; *kabhi-kabhi aisā bhī hotā, ki bāzī uṭhā dī jāti* (Pr., Pr. dv., 173) 'Бывало и так, что игра прерывалась'.

Частным случаем изъяснительного типа связи являются предложения, в которых придаточная часть вводится оборотами типа *is ke sivā... ki* 'кроме того, что (как)', например: *mere liye ab is ke sivā dūsrā upāy na thā ki bhājī lau-
fākar khālī hāth calī jāī* (Pr., M. 4, 305) 'Теперь мне ничего не оставалось делать, кроме того как возратить овощи и уйти с пустыми руками'.

Однако такие обороты, как *is ke pahle ki* 'прежде чем' или *is ke bāvajūd ki* 'несмотря на то, что', можно трактовать как составные союзы, поскольку они могут быть объединены в одну группу с другими формальными соединительными средствами, служащими для выражения временных и уступительно-следственных отношений между частями сложного предложения.

Выше были приведены такие примеры, в которых придаточная часть расположена после слова, которое ею изъясняется. Постпозитивная придаточная часть вводится обычно при помощи союзов. Наиболее употребителен союз *ki* 'что', 'чтобы'. Иногда вместо союза *ki* используется союз *jo*, например: *merā barā bhāgya jo mahārāj mujh ko itnā ādar
de rahe hāī* (V., Mṛgn., 251) 'Мое большое счастье в том, что махараджа так почитает меня'.

В тех случаях, когда придаточная часть служит для раскрытия таких понятий, как «казаться», «представляться», «почудиться», могут выступать, кроме союза *ki*, сравнительные союзы *jaise, māno*.

При постпозиции придаточной части подчинительный союз иногда опускается, если в главной части нет соотносительного слова, например: *sambhav hai merī kahānī tumhē
manoranjak pratit ho* (Sud., P., 5) 'Возможно, мой рассказ покажется вам интересным'; *...lekin jab dekhā muāmlā sangīn
huā cāhtā hai, to turant bīc bacāo kar diyā* (Pr., M. 4, 69) '... но когда [люди] увидели, [что] дело принимает серьезный оборот, [они] сразу же вмешались'; *us ne cāhā ronā
śurū kar de...* (Aśk, Pinj., 159) 'Она хотела заплакать...'.

Препозиция придаточной части при изъяснительном типе встречается реже. В этом случае подчинительный союз отсутствует, например: *sikkhō kā rājya kaisā thā, yah nahī
kah saktā* (Sud., Sud. sum., 2) 'Я не могу сказать, каким было государство сикхов'; *vakālat karke māl kis prakār de-
sevā kar sakūgā, yah merī samajh mē nahī ātā* (Kauś., Kall., 100) 'Мне не приходит в голову, как я смогу служить стране, занимаясь адвокатской практикой'; *parantu Raunakī mē
koi guṇ na ho, yah bāt na thī* (Sud., T., 62) 'Но нельзя сказать, что у Раунаки не было никаких достоинств'.

В этих примерах указательное местоимение в главной

части указывает на то, о чем говорится в предыдущей части высказывания, т. е. в придаточной части. Таким образом, указательное местоимение в случае препозиции придаточной части является скорее анафорическим, чем соотносительным. Из этого следует, что препозитивная придаточная часть менее зависима от главной части, чем постпозитивная.

В главной части на месте местоимения *yah* 'это' может употребляться местоимение *so*, например: *ahāte ke log samajhte na hō so bāt nahī* (Yaś., Abhiś., 156) 'Нельзя сказать, что жители квартала не догадывались'.

Это обстоятельство также косвенно свидетельствует о том, что в случае препозиции придаточной части внутри сложного предложения устанавливается менее тесная синтаксическая связь, поскольку *so* в современном языке часто выступает в качестве частицы, имеющей заключительный смысл «итак», «поэтому», «вот», «вот почему», например: *yah to māl bhī samajhtā hū; par hamārā kām kah dene kā hai so ham ne kah diyā* (Kaūś., Kall., 44) 'Это и я понимаю; но мое дело сказать, вот я и сказал'.

Независимо от места расположения придаточная часть может характеризоваться с точки зрения своего состава тем, что в нее включается вопросительное слово. Вопросительные слова используются в том случае, когда в придаточной части излагается содержание вопроса. В отличие от союзных (относительных) слов они не могут рассматриваться как связующие элементы, поскольку не относятся к какому-либо определенному слову главной части. Синтаксические связи вопросительных слов с другими словами ограничены рамками придаточной части, которая непосредственно всем своим составом изъясняет какое-либо слово (или фразеологический оборот) главной части. Подобное явление можно квалифицировать как косвенно-вопросительное подчинение. Примеры: *ab is kā nirṇay kaise ho ki kis kī bāt thīk hai* (Kaūś., Kall., 41) 'Как же теперь решить, кто из них говорит правду'; *Maṭrū ne Rāt grām kī un donō lar-kiyō kā paricay diyā. kyā karnā hai; yah bhī batlāyā* (V., Mṛgn., 98) 'Матру поведал о этих двух девушках из деревни Раи и объяснил, что надо делать'¹¹.

При изъяснительном типе связи частей сложноподчиненного предложения временное значение, выражаемое в придаточной части, следует понимать в его отношении к вре-

¹¹ Рамчандра Варма считает, что в придаточных частях подобного рода сложных предложений вопрос как таковой не выражается и постановка вопросительного знака является ошибкой. — См. Rāmcandra Varimā, *Acchī hindī*, Banāras, samvat 2011, рг. 330 (далее: R. C. Varmā, *Acchī hindī*).

менному плану описываемых событий, т. е. по сути дела в отношении ко времени действия главного предложения, а не к моменту речи.

Исключения из этого представляют, пожалуй, те случаи использования формы условного наклонения (но не сослагательного) в придаточной части, когда лексический компонент главной части указывает на значение возможности, необходимости, желания, например: *kyā yah tumkin na thā ki tum mere hukm ko pairō tale kucal detī* (Pr., Pt. рас., 364) 'Разве вы не могли нарушить мой приказ?' (букв. 'разве не было возможно, чтобы вы растоптали мой приказ?'); *cāhie yah thā ki devī jī se sārā rahasya kah sunātā...* (Pr., M. 4, 284) 'Необходимо было рассказать обо всем жене...' (букв. 'необходимо было, чтобы рассказал жене весь секрет'); *to kyā tum cāhtī ho ki māī vahā mar jātā?* (Sud., Sud. sum., 219) 'Что же ты хочешь, чтобы я там погиб?'

Таким образом, явление, известное в применении к другим языкам под названием согласование времен, не характерно для хинди.

В связи с этим становится понятным, что если в сложном предложении хинди говорится о восприятии, мыслительной деятельности, чувствах, внутреннем состоянии какого-либо лица, то временное значение придаточной части раскрывается с точки зрения этого лица, например: *...unhō ne dekhā ki un kī patnī un ke palang ke pās kharī ek patra parhkar apne hī āp muskarā rahī hai* (Kauś., Kall., 210, 211) 'Он увидел, что жена стоит возле его кровати и, читая письмо, улыбается'.

Итак, в сложном предложении воспроизводятся два временных плана: один из них определяется точкой зрения лица, осуществляющего высказывание, например автора; другой — точкой зрения лица, о котором рассказывается, например персонажа произведения.

Более того, в хинди выбор местоимений и форм лица глаголов придаточной части может определяться не точкой зрения субъекта данного высказывания, а точкой зрения лица, о котором повествуется. Это явление особенно характерно для сложных предложений, в которых сообщается о волевых процессах (решение, намерение и др.) и желании какого-либо лица, например: *us ne pakkā irādā kar liyā thā ki bagair gāy ko liye ghar na lauṭīgā* (Pr., Jang. kah., 2) 'Он твердо решил, что не вернется домой, если не найдет коровы' (букв. '...решил, что не вернусь...'); *magar us ke jī mē āyā ki zarā māī bhī tairā* (Pr., Kut. kah., 24) 'Ему захотелось тоже поплавать' (букв. 'ему захотелось, что поплаваю-ка и я'); *sabhī cāhte hai ki log hamē sampanna sa-*

majhē (Pr., М. 4, 223) 'Все хотят, чтобы их (букв. 'нас') люди считали богатыми'.

В подобных фразах воспроизводятся два плана мышления и речи, т. е. два плана восприятия событий и явлений действительности и отражения их в сознании посредством языка: план повествователя и план лица, о котором рассказывается. Следовательно, для языка хинди при изъяснительном типе связи характерно в отдельных случаях использование такой придаточной части, которую можно условно квалифицировать как прямую речь.

Это явление отмечается многими лингвистами-индологами, которые расценивают его как прямую речь. Так, Платтс пишет в своей грамматике следующее: «Косвенная речь редко используется в урду. Слова и мысли лица обычно выражаются прямой речью, вводимой частицей *kī*, которая, однако, часто опускается»¹².

Однако нельзя ставить знак равенства между придаточной частью — прямой речью и собственно прямой речью. Придаточная часть — прямая речь в отличие от собственно прямой речи не выделяется интонационно из речи повествователя, о чем может косвенно свидетельствовать отсутствие особых знаков препинания, используемых для выделения прямой речи. Для иллюстрации данного положения приведем следующий пример: *jī to cāhtā thā kī jākar chat se kūd jāū, par krodh ko barbas rok māī ne keval itnā kahā* — «*acchā āp jo cāhē samajhē, lekin ab āp zyādā der tak vahā na rahē*» (Ašk, В. р., 43) '[Мне] хотелось броситься с крыши (букв. 'хотелось, что брошусь...'), но, обуздав свой гнев, я лишь проговорила: «Ну ладно, думайте что угодно, но теперь, пожалуйста, не задерживайтесь там долго»'.

Хотя для хинди и характерно использование придаточной части — прямой речи, все же она не является единственным средством раскрытия содержания мыслей и речи лица, о котором повествуется. Это видно из следующих примеров: *us kā irādā thā, inhē yahī sarak par phēk de* (К. С., Ham. vah., 104) 'Он намеревался бросить их [книги] здесь же на улице'; *ek bār vah itnā becaīn huā kī jī mē āyā kī pānī mē kūd parē* (Pr., P. ph., 8) 'Однажды его охватило такое беспокойство, что ему захотелось броситься в воду'; *... aur us ne cāhā kī tasvīr ko phār de, par vah aisā na kar sakī* (Ašk, В. р., 102) '... и она хотела порвать картину, но не смогла этого сделать'.

Это свидетельствует о том, что нельзя возводить в абсолют следующее положение акад. А. П. Баранникова:

¹² J. T. Platts, *A grammar...*, p. 395.

«Слова, высказанные или высказываемые кем бы то ни было, или мысли, существовавшие в чем бы то ни было представлении, передаются в своей неизменной оригинальной форме»¹³. Наличие таких сложных предложений в хинди отнюдь нельзя объяснить лишь влиянием синтаксиса английского языка на авторов, пишущих на хинди, как это полагает Гривз или Рамчандра Варма¹⁴. Причина лежит глубже. Она, на наш взгляд, заключается в том, что при формировании сложных предложений проявляется тенденция к тому, чтобы остался один план мышления и речи вместо двух, а именно план повествователя (автора). Вследствие этого на план мышления и речи персонажа как бы накладывается план повествователя (автора) и подчиняет его себе, что проявляется не только в утрате интонации, свойственной прямой речи, в соответствующей части высказывания, но и в изменении грамматического значения лица.

С изменением грамматического значения лица связан тот факт, что в придаточной части сложноподчиненных предложений, сообщающих о чьих-либо актах волеизъявления (приказ, просьба, совет и т. п.), используется, как правило, форма сослагательного наклонения (а не повелительного, имеющего обычно значение второго лица), например: *mu-khya adhiṣṭhātā ne hukm diyā kīlārke nirdiṣṭa samay se ādh ghaṇṭā pahle ā jāyā* (Pr., M. 4, 5) 'Директор приказал, чтобы мальчики пришли на полчаса раньше установленного времени'.

Однако следует отметить, что изредка в придаточной части воспроизводится план лица, о волеизъявлении которого сообщается: *udhar caprāst ko bhī hukm huā kī logō ko yahā se haṭāo* (Kauś., Kall., 113) 'Затем и посыльному было приказано, чтобы он удалил оттуда людей' (букв. '...приказано, что удали...').

Использование того или иного наклонения в придаточной части при изъяснительном типе связи определяется семантикой наклонений. Так, формы сослагательного наклонения употребляются в придаточной части:

1) в связи с компонентом главной части, указывающим на значение возможности, необходимости, долженствования, желания, волевого процесса, волеизъявления, цели, условия, предположения: *Pārvatī kī jī na cāhtā thā kī hāth dikhāe...* (Sud., Sud. sum., 173) 'Парвати не хотелось показывать руки...';

¹³ А. П. Баранников, *Хиндустани*, стр. 213.

¹⁴ E. Greaves, *Hindī grammar*, Allahabad, 1933, p. 153; Rāmcandra Varmā, *Hindī prayog*, Banāras, samvat 2011, p. 56 (далее: R. C. Varmā, *Hindī prayog*).

2) в связи с отрицательным значением главной части: *itnā bhī nahī hotā ki merī kisī samay to mān liyā karē* (Sud., Т., 196) 'Даже не бывает так, чтобы он когда-либо меня послушался'.

Условное наклонение выступает в придаточной части обычно тогда, когда выражаемое в главной части значение возможности, необходимости, долженствования, желания мыслится в плане прошедшего времени, т. е. когда глагол главной части выступает в форме прошедшего времени: *cāhie yah thā ki devī ji se sārā rahasya kah sunātā...* (Pr., М. 4, 284) 'Необходимо было рассказать обо всем жене...'

Повелительное наклонение может употребляться лишь в придаточной части — прямой речи.

ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ ТИП СВЯЗИ ЧАСТЕЙ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Относительному типу связи частей сложноподчиненного предложения принадлежит значительное место в синтаксисе хинди. Этот тип связи характеризуется использованием относительных слов (относительных местоимений и относительных местоименных наречий), которые, выполняя в придаточной части функцию, соответствующую функции члена предложения, и относясь при этом к какому-либо слову главной части, служат тем самым средством соединения частей сложного предложения.

Относительные слова хинди восходят генетически к местоименной древнеиндийской основе *ya-*, которая явилась базой для образования местоимений и местоименных наречий, служивших средством формирования относительного подчинения.

В современном литературном хинди обычно употребляются такие относительные слова, как местоимения *jo* 'кто', 'что', 'который', *jaisā* 'какой', *jitnā* 'сколько' и местоименные наречия *jab* 'когда', *jahā* 'где', 'куда', *jidhar* 'куда', 'где', *jū* 'как'. Местоимения *jaisā*, *jitnā* могут выступать как относительные наречия, приобретая смысл «как», «сколько». Относительные слова хинди четко отделяются от указательных и вопросительных слов: все они начинаются со звука *j*.

Сложноподчиненные предложения при относительном типе связи бывают различными по своему строению. Так, в одних сложных предложениях придаточная часть предшествует главной, в других располагается после того слова, к которому она относится. Далее, сложноподчиненные пред-

ложения могут отличаться друг от друга в зависимости от того, имеется ли в главной части соотносительное слово, раскрываемое придаточной частью, или нет. Соотносительными словами являются обычно указательные и определительные местоимения, а также местоименные наречия указательной семантики: *vah* 'тот', *yah* 'этот', *aisā* 'такой', *it-nā* 'столький', *sab* 'все', 'всё', *vahā* 'там' и др.

Остановимся прежде всего на сложноподчиненных предложениях с относительным местоимением *jo*. Это местоимение является наиболее употребительным из всех относительных слов. Оно служит показателем общей определительной функции придаточной части. В главной части с ним обычно соотносится указательное местоимение *vah* 'тот'.

В случае предпозиции придаточной части местоимение *jo* выполняет в ней или синтаксическую роль прилагательного, выступая в качестве согласованного определения к существительному, представленному в главной части соотносительным словом, или же синтаксическую роль существительного, наполняя содержанием соотносительное слово. Примеры: *jis rājā mē ye guṇ na hō us kā rāj āj-kal do mahīne bhī nahī fik saktā* (V., Mṛgn., 248) 'Государство того раджи, у которого нет этих качеств, не сможет ныне продержаться и двух месяцев'; ...*jis kā mujhe bhay thā, vahī huā* (Kauś., Kall., 81) '... случилось как раз то, чего я боялся'.

В придаточной части первого примера сообщается о признаке предмета, обозначенного существительным, входящим в ее состав. Это позволяет рассматривать придаточную часть как определительное придаточное предложение. Во втором примере, где местоимение *jo* выступает как местоимение-существительное, придаточную часть нужно квалифицировать как придаточное предложение подлежащее, поскольку в функции подлежащего выступает соотносительное слово. Таким образом, с отмеченными выше различиями в синтаксической роли местоимения *jo* связана классификация так называемых придаточных предложений по их синтаксической функции.

Предпозиция придаточной части, при которой в ее состав входит определяемое существительное с предшествующим ему относительным местоимением, весьма характерна для хинди. Это синтаксическое явление отмечается многими грамматистами. Для того, чтобы ответить на вопрос, каково значение данной синтаксической конструкции, обратимся к примерам: *un ke durbhāgya se, jis śahar mē vah rahte the, vah ek chotā śahar thā* (Kauś., Kall., 95) 'К его несчастью, [тот] город, в котором он жил, был маленьким городом'; *gāv ke jin logō ke pās paisa nahī, vah kyā karēge?* (Sud.,

Sud. sum., 203) 'Что же будут делать те жители деревни, у которых нет денег?'

Мы видим, что в подобных сложных предложениях признак предмета или предметов указывается для выделения их из ряда предметов, обозначаемых данным существительным. Следовательно, придаточная часть в рассматриваемых сложных предложениях с относительным словом, выступающим в функции согласованного определения, является по своему характеру выделительной. Поэтому при переводе предложений с хинди на русский язык возможно употребление указательного местоимения «тот» («та», «то», «те»).

В главной части соотносительное слово иногда может отсутствовать. Это бывает обычно тогда, когда оно (если бы имелось в наличии) выполняло бы ту же функцию, какую выполняет в придаточной части относительное местоимение или имя существительное, с которым относительное местоимение сочетается. Чаше всего это касается случаев обозначения объекта или субъекта глагольного действия, например: *us naṭ nē jo kiya thā, dekhti hū māi bhī kar saktī yā nahī* (V., Mṛgn., 124) 'Посмотрю, сумею ли я сделать то, что выполнил этот фокусник'; *jis ne unhē tab dekhā ho, āj pahcān bhī na sake* (Pṛ., M. 4, 298) 'Тот, кому довелось видеть его тогда, теперь, пожалуй, и не узнал бы его'.

Важно заметить, что отсутствие в главной части соотносительного слова в случае препозиции придаточной части не меняет характера выражаемых отношений между частями сложного предложения: *jo log māsāhārī the unhō ne jangal ke jānvarō se peṭ bharā, jo nīrāmiśbhojī the, duṣ-prāpya jangalī phal-phūl aur apne thōre se pāltū paśuō ke dūdh-dahī par prāñō kī rakṣā karne lage* (V., Mṛgn., 2) 'Те люди, которые не брезговали мясом, питались мясом диких животных, те же, которые были вегетарианцами, начали поддерживать свое существование доставаемыми с трудом лесными плодами и молоком своего немногочисленного скота'.

В приведенном примере налицо два сложноподчиненных предложения. В одном из них главная часть содержит соотносительное местоимение (*unhō*), связанное по смыслу со словосочетанием *jo log* 'которые люди' придаточной части. В другом же сложноподчиненном предложении соотносительное слово отсутствует и относительное местоимение *jo* не имеет коррелята в главной части. Однако отсутствие соотносительного слова не влияет на смысловую связь между содержанием придаточной и главной частей сложного предложения.

В случае постпозиции придаточной части относительное местоимение *jo* выполняет в ней синтаксическую роль имени существительного. При этом оно (а следовательно, и так называемое придаточное предложение) может быть присубстантивным и приместоименным. Примеры: *vah mujhe un dīnō kī yād dilāte hāī, jinhē māī bhūl jānā cāhī hī* (Pr., Pr. dv., 20) 'Они [письма] напоминают мне о тех днях, которые я хочу забыть'; *ākhīr vahī huā, jis kī mujhe śankā thī* (Pr., M. 4, 286) 'Наконец случилось как раз то, чего я опасался'; *us samay us ne ek kabūtārī dekhtī, jo ek vṛkṣa kī dāl par baīthī thī* (Sud., Sud. sum., 36) 'В это время она увидела голубку, которая сидела на ветви дерева'.

В подобных сложных предложениях придаточная часть является по своему значению определительной. Однако при классификации по синтаксической функции постпозитивная придаточная часть, вводимая при помощи *jo*, не всегда должна рассматриваться как определительное придаточное предложение. Ее можно считать таковым лишь в том случае, если она раскрывает признак предмета, обозначенного существительным в главной части, независимо от того, имеется ли при данном существительном соотносительное слово (см. первый пример) или не имеется (см. третий пример). Нужно заметить, что при наличии соотносительных слов в главной части вид придаточного предложения устанавливается на основании их синтаксической функции. Так, во втором из приведенных примеров придаточную часть следует рассматривать как придаточное предложение подлежащее, поскольку соотносительное слово *vah* 'тот' выступает в главной части в функции подлежащего.

Остановимся вначале на таких сложноподчиненных предложениях с постпозитивной придаточной частью, раскрывающей признак предмета, в главной части которых имеется соотносительное слово. Примеры: *abhiyukta vahī kṛṣak thā jis ke bacce kī tāg dīptī sāhab ne ghāyal kar dī thī* (Kauś., Kall., 113) 'Обвиняемым оказался тот крестьянин, сына которого помощник коллектора ранил в ногу'; *māī un striyō mē se nahī hī jo apnā ghar sāmne lūṭe hue dekhtī hāī aur mān mārkar rah jāī hāī* (Sud., Sud. sum., 73) 'Я не из тех женщин, которые молча взирают на то, как рушится их семейное благополучие'.

В придаточной части этих сложных предложений сообщается о признаке предметов для того, чтобы выделить их из ряда предметов, обозначаемых данным существительным. На такое значение придаточной части указывает соотносительное слово, выступающее в качестве согласованного определения к существительному: оно служит показателем того,

что для полноты смысла высказывания необходима конкретизация предмета, обозначенного именем существительным. Это говорит о весьма тесной связи между частями сложно-подчиненного предложения.

Использование соотносительного слова *yah* 'тот' обуславливает общеопределятельное значение придаточной части, вводимой относительным местоимением *jo*. Однако в главной части в качестве соотносительных слов могут использоваться и такие местоимения, как *aisā* 'такой' и *itnā* 'столький'. Первое из них способствует выражению придаточной частью качественно-определятельного оттенка, а второе — количественно-определятельного оттенка. Примеры: *pitā ke sambandh mē koī aisā kaṭu vacan na kah jānā, jise putra kā garm lahū sahan na kar sake* (Sud., T., 262) 'Не говори об отце таких грубых слов, которых не может вынести горячее сердце сына'; *itnā anāj kyō bādhvā liyā jo uṭhāye nahī uṭhtā* (Sūd., Sūd. sum., 11) 'Зачем взял столько зерна, что (букв. 'которое') нельзя поднять'.

Рассмотрим теперь сложноподчиненные предложения при постпозиции придаточной части, в которых соотносительное слово отсутствует: *nagar ke chor par ek jhōprī mē diyā timtimā rahā thā jis kā tel samāpta hone ko thā* (V., Mṛgn., 371) 'На окраине города в одной из лачуг мерцал светильник, масло в котором было на исходе'; *usī samay kuch aur striyā āī jin ke cehrō par muskānē thī aur ākhō mē chipī hui īrṣā* (V., Mṛgn., 204) 'В это время пришло еще несколько женщин, на лицах которых была улыбка, а в глазах — затаенная зависть'; *yah merā apamān hai, ghor apamān, jise māī ab nahī sah saktī* (Pr., M. 4, 222) 'Это оскорбление, ужасное оскорбление, которого я не могу сейчас вынести!'

В этих сложных предложениях присубстантивная придаточная часть указывает на признак предметов, обозначенных существительным, не для их выделения, а для сообщения дополнительных сведений о них. Поэтому в подобного рода примерах придаточная часть не является столь необходимой для смысловой законченности данного высказывания, а связь между частями сложного целого не является столь тесной, как в случае, когда мы имеем предложение с придаточной частью выделительного характера. Об отмеченной специфике отношений между главной и придаточной частью свидетельствует то обстоятельство, что использование местоимения «тот» при переводе на русский язык повлечет за собой искажение смысла оригинала. Придаточная часть в приведенных примерах является распространительной по своему характеру.

Однако в тех случаях, когда при отсутствии соотносительного слова постановака его возможна без изменения характера выражаемых отношений между частями сложноподчиненного предложения, придаточная часть может считаться выделительной. Например: *duḥkḥ kālā patthar hai, jo pānī mē parkar ākhō se oḥal ho jātā hai, parantu kḥuṣṭ vah camakdār śiṣā hai jo gahrāt mē bhī camaktā hai* (Sūd., Sud. sum., 72) 'Беда подобна [такому] черному камню, который, попав в воду, исчезает из виду, но зато радость подобна такому блестящему зеркальцу, которое сверкает даже на большой глубине'.

Итак, при относительном типе связи частей сложноподчиненного предложения так называемое определительное придаточное предложение является выделительным или пространительным по своему характеру. Выделительным оно бывает при препозиции, а также и при постпозиции, если в предшествующей главной части употребляется или может быть употреблено в качестве соотносительного слова указательное местоимение. Распространительным оно является при постпозиции в том случае, если с местоимением *jo* не соотносится и не может соотноситься указательное местоимение¹⁵.

Когда придаточная часть не раскрывает своим значением признак предмета, обозначенного существительным, а лишь наполняет содержанием указательное местоимение главной части, различия во взаимном расположении частей сложноподчиненного предложения, различия в расположении придаточной части по отношению к главной имеют стилистический характер, например: *...jis kā mujhe bhay thā, vahī huā* (Kauś., Kall., 81) '...случилось как раз то, чего я боялся'; *ākhīr vahī huā, jis kī mujhe śankā thī* (Pr., M. 4, 286) 'Наконец случилось как раз то, чего я опасался'.

Иногда в случае препозиции придаточной части определяемое имя повторяется в главной части, а при постпозиции — в придаточной, например: *ek pathik jab śīdhe mārga se bhāṭak kar nirjan ban mē pahūc jātā hai, tab us kī jo daśā hotī hai, vahī daśā is samay caudhrī kī thī* (Kauś., Kall., 153) 'У чаудхри в это время было такое состояние, какое бывает у путника, если он, потеряв дорогу, попадает в дремучий лес'; *ek varṣa paścāt Candraśekhara ek kāryavaś usī nagar mē gae jis nagar mē kī Niranjanlāl rahte the* (Kauś., Kall., 36) 'Год спустя Чандрашекхар поехал по делу в тот самый город, в котором проживал Ниранджанлал'.

¹⁵ Подобное деление придаточных предложений намечается К. Гуру в его работе (см. К. Gugu, *Hindī vyākaraṇ*, рг. 658, 659).

Выше были рассмотрены такие сложные предложения, в которых в качестве союзного слова выступает относительное местоимение *jo* 'кто', 'что', 'который'. При относительном типе связи употребляются и такие союзные слова, как относительные местоименные наречия *jahā* 'где', 'куда', *jidhar* 'куда', 'где', *jab* 'когда' и относительные местоимения *jaisā* 'какой', *jitnā* 'сколький'.

Наречия *jahā*, *jidhar* и *jab*, являясь, подобно местоимению *jo*, показателем общеопределятельной функции придаточной части, выступают в ней в качестве обстоятельств места и времени. Этим самым они подчеркивают не предметное, а обстоятельственное значение имени существительного, определяемого придаточной частью. Разумеется, постановка этих местоименных наречий возможна лишь тогда, когда определяемым существительным обозначается понятие места или времени. В большинстве случаев придаточная часть при этом является постпозитивной, имея выделительный или пространительный характер. Примеры: *Mānsīh us ke pās āyā. bolā, «yahī hai vah sthān jahā tum ko aur Lākhārānī ko pahle-pahal dekhā thā»* (V., Mṛgn., 432) 'Мансинх подошел к ней и сказал: «Вот то место, где я впервые увидел тебя и Лакхарани»; *Gurdāpur ke zile mē Karṇālā nām kā ek choṭā sā gāv hai, jahā zyāda ābādī hindū-jāṭō kī hai* (Sud., Sud. sum., 191) 'В округе Гурдапур находится небольшая деревня Карьяла, где большинство населения составляют индусы-джаты'; *vah pahlā āvasar thā jab mā ne mere sāth aisā anyāy kiya* (Sūd., Sud. sum., 51) 'Это был первый случай, когда мать так несправедливо обошлась со мной'.

Среди сложных предложений, характеризующихся относительным типом связи частей, следует отметить и такие, в которых придаточная часть, вводимая местоименными наречиями места *jahā*, *jidhar* и др., имеет обстоятельственное значение, например: *jahā phūl the, vahā nāg dīkhāī diya* (Sud., Sud. sum., 41) 'Где были цветы, там показалась змея'; *vah jidhar se ā rahā thā, udhar hī vāpas calā gayā* (Sud., Sud. sum., 155) 'Он вернулся туда же, откуда шел'.

Поскольку язык хинди не знает других способов выражения локативных отношений между частями сложного предложения, постольку нет оснований считать, что эти предложения характеризуются каким-либо иным типом связи.

В противоположность этому выражение временных отноше-

ний в сложных предложениях, придаточная часть которых вводится при помощи *jab*, можно рассматривать как частный случай проявления временного типа связи, потому что в хинди имеются другие средства выражения таких отношений.

Относительное местоимение *jaisā*, с которым в главной части соотносится местоимение *aisā* или *vaisā* 'такой', служит показателем качественно-уподобительной функции придаточной части, например: *vahā aist bhūkhmarī thore hī hai jaisī yahā chāī huī hai* (V., Mgn., 233) 'Там нет такого голода, какой разразился здесь'; *in kī ārthik daśā vaisī nahī jaisī māī ne samajhī thī* (Pr., M. 4, 221) 'Его экономическое положение не такое, каким я его себе представляла'.

Выступая как местоименное наречие, относительное местоимение *jaisā* подчеркивает обстоятельственное значение определяемого имени существительного, например: *lekin is mē mānav-caritra ko vaisī khūbī se nahī dikhāyā gayā, jaisā angrezī yā frānsīzī lekhaḥ dikhlatē hāī* (Pr., Pr. dv., 2) 'Но в ней (в книге) не показана природа человека с таким мастерством, как в книгах английских или французских авторов'.

При употреблении относительного местоимения *jitnā*, с которым в главной части обычно соотносится местоимение *utnā* 'столько' или же местоимение *vah* 'тот', придаточная часть служит для выражения значения количественной соразмерности с тем, о чем сообщается в главной части. При этом придаточная часть может обозначать:

1) количественную определенность: *...aur jitne sipāhī tere sāth ā sakē, un ko lekar vahā pahūc jā* (Sud., T., 269) '... и отправляйся туда, захватив с собою столько воинов, сколько могут пойти за тобой';

2) степень проявления или обнаружения какого-либо явления, состояния, обозначенного существительным: *Jhīgur ko apnī barbādī kā itnā duḥkh na thā, jitnā in jalī-kaṭī bātō kā* (Pr., Pr. dv., 157) 'Разорение не причинило Джхингuru столько горя, сколько эти едкие слова';

3) степень проявления качества, выраженного прилагательным: *dil ko khuṣī huī kī is kī hālat utnī kharāb nahī, jitnī māī ne samajhī thī* (Pr., M. 4, 86) 'Я обрадовался тому, что ее положение не столь плохое, как я думал'.

4) степень проявления действия, выраженного глаголом (в данном случае относительное местоимение *jitnā* выступает как местоименное наречие): *...kintu jitnā hī vah use dabā ne kā prayās kartī, utnī hī vah icchā balvatī ho uthtī* (Āšk, B. p., 102). '... но чем больше она старалась подавить это желание, тем сильнее оно становилось'.

Изредка в современном хинди встречаются такие сложноподчиненные предложения, в которых имени существительному, определяемому следующей за ним придаточной частью, соответствует указательное местоимение, выступающее после придаточной части: *pahlā kām jo us ne kiya vah thā Maṭrū ku vadh* (V., Mṛgn., 481) 'Первым делом, которое он совершил, явилось убийство Матру'.

Придаточная часть в такого рода сложных предложениях в отношении способа соединения с главной частью характеризуется чертами, свойственными ей как при препозиции, так и при постпозиции. На существование подобных конструкций в современном хинди указывает в своей грамматике К. Гуру¹⁶. Интересно отметить, что Рамчандра Варма использование указательного местоимения в таких сложных предложениях считает ошибочным, так как, по его мнению, и без указательного местоимения предложение обладает полнотой смысла¹⁷. Сложноподчиненные предложения подобного строения встречаются в первых прозаических произведениях на хинди (кхари боли), например в «Рассказе о рани Кетки» Мир Иншаалла Хана и в «Двадцати пяти рассказах демона» Лаллу джи Лала: *ek mālin jis ko Phūlkālī kar sab pukārte the, unne us kūvar kī ciṭṭhī kist phūl pankhṛī mē lapeṭ sameṭ ke rānī Ketkī tak pahūcā dī* (Mīr Inṣā, Kah. ket., 19) 'Садовница, которую все звали Пхулькали, [она] принесла письмо принца к рани Кетки, спрятав его среди цветочных лепестков'; *par tisre dīn usī nagar kā ek durbal sā brāhman, kī jis ke tīn beṭe the, vuh yah bāt sun, ghar mē ā, brāhmanī se kahne lagā kī...* (Bait. rach., 321) 'Но на третий день один бедный брахман этого города, у которого было три сына, [он] услышал это и, придя домой, сказал своей жене...'.

Они возникли, вероятно, в результате совмещения в структуре сложного предложения конструкции с препозитивной придаточной частью и конструкции с постпозитивной придаточной частью.

К. Гуру и другие грамматисты¹⁸ обращают внимание на факт использования союза *kī* 'что', 'чтобы' вместе с относительным словом. Это грамматическое явление иллюстрируется следующими примерами: *ek varṣa paścāt Candraśekhara ek kāryavaś usī nagar mē gae jis nagar mē kī Niranjanlāl rahte the* (Kauś., Kall., 36) 'Год спустя Чандрашекхар поехал по делу в тот самый город, в котором проживал Ни-

¹⁶ K. Guru, *Hindī vyākaraṇ*, pg. 657.

¹⁷ R. C. Varmā, *Hindī prayog*, pg. 89.

¹⁸ K. Guru, *Hindī vyākaraṇ*, pg. 114, 115, 656; M. Kempson, *Syntax and idioms of Hindustani*, pp. 92, 93; S. H. Kellogg, *A grammar...*, p. 491.

ранджанлал'; ...*aise avasar bhī āe hāī aur āte rahte hāī jab kī jhūṭh bolnā burā nahī, varan acchā samajhā jātā hai...* (Kauś., Kall., 24) '...были и бывают такие случаи, когда ложь не только не считается злом, а, наоборот, считается добром...'

В современном литературном хинди такое использование союза *kī* не имеет распространения. К. Гуру совершенно прав, когда он объясняет наличие этой синтаксической конструкции в хинди влиянием персидского языка¹⁹. Союз *kī* заимствован языком хинди из персидского языка, где он, выступая обычно вместе с указательными местоимениями, представляющими в придаточной части определяемое имя, является средством относительного подчинения.

Следование персидскому образцу характерно для такого памятника литературы хинди, относящегося к началу XIX в., как упомянутые выше «Двадцать пять рассказов демона». Об этом свидетельствуют следующие примеры: *vahā Hem-gupta nām ek sāhūkār thā, kī us ke bahut daulat thī* (Bait. pach., 104) 'Там жил ростовщик, по имени Хемгупта, у которого было большое богатство'; ...*aur vahā Keśav nām brāhman hai, kī vuh Jamunā ke kināre jap tap diyā kartā hai...* (Bait. pach., 65, 66) '... и там находится брахман, по имени Кешав, который совершает религиозные обряды на берегу Джамны...'

В этих примерах указательные местоимения сближаются по своей синтаксической функции с относительными местоимениями. Очевидно, этим и объясняется возникновение сложных предложений следующего строения: *kanārō par tarah batarah ke darakht lage hue, kī jin kī ghanī ghanī chāv mē ṭhandī ṭhandī havāē thī* (Bait. pach., 32) 'По берегам росли деревья, в густой тени которых дул прохладный ветерок'.

Итак, отмеченное в хинди использование союза *kī* вместе с относительным словом является результатом контаминации относительного подчинения хинди и относительного подчинения персидского языка. Оно не получило распространения в хинди, в связи с чем употребление союза *kī* в подобных предложениях считается противоречащим языковой норме²⁰.

По-видимому, в результате влияния синтаксиса персидского языка в хинди употребляются предложения, в которых придаточная часть, вводимая при помощи союза *kī*,

¹⁹ К. Guru, *Hindi vyākaraṇ*, p. 656.

²⁰ R. C. Varma, *Acchī hindī*, p. 93; R. C. Varma, *Hindi prayog*, p. 43.

указывает на признак предмета так же, как придаточная часть, вводимая относительными словами, например: *bahut se manuṣya aise hāi ki tamām janjālō mē phāse rahne par bhī kabhī aśānti ki śikāyat nahī karte aur bahut se aise hāi, jaise ki āp* (Kauś., Kall., 16) 'Много таких людей, которые, несмотря на всяческие трудности, выпавшие на их долю, никогда не жалуются на беспокойство, а много и таких, как вы'.

Иногда в хинди при препозиции придаточной части относительное слово повторяется, внося тот оттенок, который свойствен повторам хинди. Так, например, повторение относительного местоимения *jo* имеет разделительное значение: *...mujhe vah lekh bahut pasand āyā — aur mujhe hī kyā jis jis ne paṛhā us ne pasand kiyā* (Kauś., Kall., 74) '...мне очень понравилась эта статья. Да и не только мне. Она понравилась каждому, кто прочитал ее'.

Кроме того, в препозитивной придаточной части могут быть использованы два различных относительных слова (или одно и то же относительное слово в двух различных синтаксических функциях), каждому из которых в главной части обычно соответствует свое соотносительное слово, например: *jo cīz jitnī sādā hotī hai, us kī paribhāṣā karnā utnā hī muškil hotā hai* (Sud., Nag., III) 'Чем проще какая-нибудь вещь, тем труднее ее определить'.

За относительным словом придаточной части (обычно препозитивной) иногда следует неопределенное местоимение или эмфатическая частица *bhī* 'и', 'даже'. В таком случае придаточная часть получает добавочный оттенок обобщения, например: *jo koī bhī kharīdnā cāhe, bec dūgā. jo koī kharīdegā, vahī takht par jā baiṭhegā* (V., Mṛgn., 361) 'Кто бы ни пожелал купить, продам любому. Любой, кто купит, сядет на трон'; *Lākṣī ne sās bharke kahā, «jaise bhī dīn āyēge, bhugatūgi...»* (V., Mṛgn., 233) 'Лакши сказала со вздохом: «Какие бы дни ни наступили, я вынесу...»'.

Указанный оттенок обуславливает противопоставление того, о чем сообщается в главной части сложного предложения, содержанию придаточной части. Это значит, что в подобного рода сложных предложениях в форме относительного подчинения выражается уступительно-следственное отношение. Его выявлению в большой мере способствует форма сослагательного наклонения придаточной части.

Уступительный характер придаточной части особенно ярко проявляется тогда, когда в главной части невозможна постановка соотносительного слова, например: *jo kuch bhī ho, vah terā pati hai* (Sud., Sud. sum., 209) 'Что бы там ни произошло, он твой муж'.

Предложения, подобные приведенному в последнем примере, выходят за пределы предложений, характеризующихся относительным типом соединения их частей.

Использование того или иного наклонения в придаточной части при относительном типе соединения частей сложного предложения определяется в основном семантикой наклонений.

Так, изъявительное наклонение употребляется тогда, когда осуществление действия придаточной части рассматривается как реальный факт: *sanyog se usī vaqt āgre se vah sajjan ā gaye, jin ke pās Jośi kuch dinō rahā thā* (Pr., M. 4, 72) 'Случайно в это же время из Агры приехал тот господин, у которого Джоши прожил несколько дней'.

Сослагательное наклонение употребляется обычно в следующих случаях:

1) когда придаточная часть имеет предположительное значение: *jis śakhs kā dimāg na thīk ho, jo bahakī-bahakī bātē yā behūdā harkatē kare, vah pāgal hai* (Yaś., Abhiś., 86) 'Тот человек, у которого помутился рассудок, который мелет чепуху или совершает бессмысленные поступки, является безумцем';

2) когда придаточная часть (как правило, постпозитивная) определяет какое-либо слово, указывая на целевой или следственный признак предмета, обозначенного этим словом: *āp aisā thānedār cāhte hāī, jo āp rahīsō kī khuśāmad kiya kare aur jaisā āp kahē kare...* (Kauś., Kall., 10) 'Вам угоден такой тханедар, который лебезил бы перед вами, знатными людьми, и поступал бы так, как вы ему скажете';

3) когда придаточная часть (как правило, постпозитивная) содержит оттенок нереального сравнения: *us kī daśā us vīdyārthī ke samān thī, jise fel hone kā khatkā lagā ho* (Sud., T., 54) 'Состояние ее было как у студента, которого обуял страх перед провалом на экзамене';

4) когда в главной части выражается отрицание в связи с тем, что определяется придаточной частью (как правило, постпозитивной): *...mu jhe anya koī aisā vyaktī dikhāī nahī parā, jis par māī pūrṇa viśvās kar sakī* (Kauś., Kall., 66) '...я не вижу никакого другого человека, на которого я мог бы целиком положиться'.

Условное наклонение употребляется обычно тогда, когда главная часть, содержание которой относится к плану прошедшего времени, является отрицательной по смыслу; придаточная часть при этом, будучи постпозитивной, имеет оттенок недостигнутой цели или нереализованного следствия: *... un ke sāmne koī dūsrā aisā vyaktī na thā jise ve mere sthān par rakhte* (Kauś., Kall., 80) '... у него не было друго-

го такого человека, которого он поставил бы на мое место’.

Повелительное наклонение в придаточной части при относительном типе связи не используется.

Иногда придаточная часть относится не к какому-либо отдельному слову главной части, а ко всей главной части в целом, например: *ham duniyā ke padārthō ko tucch samajh-ne lage, jis kā phal ab tak bhugat rahe hāī* (Pr., Pr. dv., 8) ‘Мы стали презирать ценности мира, плоды чего пожинаем по сей день’; *tū ne yuddha-kṣetra mē vijay prāpta kī, jo is bāt kā pramāṇ hai kī tū vīrātmā hai, aur tujhe mṛtyu kā bhay nahī* (Sud., Sud. sum., 29) ‘Ты одержал победу на поле битвы, что свидетельствует о твоём мужестве и отсутствии страха перед смертью’.

Придаточная часть в приведенных сложных предложениях содержит сведения добавочного характера. Тип связи, проявляющийся в таких сложных предложениях, можно назвать присоединительным, считая его разновидностью относительного типа. При данном типе связи придаточная часть обычно бывает постпозитивной, а в главной части отсутствует соотносительное слово.

Если относительное местоимение *jo* выступает с послелогом *se* ‘от’ или *mē* ‘в’, а глагол придаточной части стоит в простой форме сослагательного наклонения, то придаточная часть выражает значение цели (с оттенком следствия). В таком случае сочетания относительного местоимения с послелогом *jis se* и *jis mē* сближаются по своей функции с союзами *kī, tākī* ‘чтобы’: *tū apne āne ke deṭ (tārkh) kī sūc-nā mujhe fauran tār se de, jis se tujhe risv karne māī sṣeṣan pahūc sakā* (Agr., Am., 60) ‘Ты незамедлительно сообщи мне в телеграмме дату своего прибытия, с тем чтобы я мог встретить тебя на станции’; *soc-sockar niṣcau kiya kī rāt ko jāṅgī, jis mē koī dekhne na pāe* (Sud., Sud. su n., 48) ‘Подумав хорошенько, она решила пойти вечером, так чтобы никто не увидел’.

В подобных предложениях в форме присоединительного типа связи выражается целевое значение придаточной части по отношению к главной части.

СЛЕДСТВЕННО-ПРИЧИННЫЙ ТИП СВЯЗИ ЧАСТЕЙ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Следственно-причинный тип связи наблюдается в хинди тогда, когда придаточная часть, находящаяся в постпозиции и вводимая изъяснительным союзом, указывает на следствие того, о чем говорится в главной части.

Следствие может вытекать из всего содержания главной части. В таком случае главная часть не включает никакого элемента, который бы соотносился с придаточной частью, а придаточная часть должна расцениваться как придаточное предложение следствия: *āṭh ghaṇṭe vah varṣā huī ki cārō taraf kolāhal mac gayā* (Sud., Sud. sum., 36) 'Восемь часов подряд продолжался этот ливень, так что кругом поднялось смятение'; *cādnī chīṭak āī ki dūr kā bhī spaṣṭa dikhāī par-ne lagā* (V., Mṛgn., 14) 'Луна озарила все вокруг, так что отчетливо стали видны и далекие предметы'.

Однако следственно-причинным типом связи характеризуются чаще всего такие сложные предложения, в главной части которых выступают указательные местоимения *itnā* 'столький', *aisā* 'такой': *mātājī ko aisā dhakkā pahūcā ki vah usī dīn bīmār hokar aur ek hī saptāh mē is sāsār se bidā ho gayī* (Pr., Pr. dv., 49) 'Для матери это явилось таким потрясением, что она в тот же день заболела и через неделю распростилась с миром'; *jūtā itnā camakdār thā ki ādmī us mē apnā mūh bhī dekh saktā thā* (K. C., Annad., 153) 'Ботинки блестили так (букв. 'были столь блестящими'), что человек мог видеть в них даже свое лицо'; *māī kuch aisā siṭpiṭā gayā ki mere mūh se ek śabda bhī na nikalā* (Pr., M. 4, 11) 'Я так изумился, что не вымолвил ни единого слова'.

Относясь к тому или иному знаменательному слову, указательные местоимения *itnā* и *aisā* служат для указания на причину следствия, выраженного в придаточной части. На основании выраженного следствия мы можем судить о степени проявления того, о чем говорится в главной части. Поэтому в значении придаточной части подобных сложных предложений присутствует оттенок значения меры и степени.

Квалификация придаточной части таких сложных предложений по ее синтаксической функции определяется синтаксической ролью соотносительного слова в главной части. Так, в первом из приведенных примеров придаточную часть следует считать придаточным предложением определительным, поскольку указательное местоимение *aisā* 'такой' выступает в функции определения к существительному *dhakkā* 'удар', 'потрясение'. Во втором примере придаточная часть должна рассматриваться как придаточное предложение меры и степени, в третьем примере — как придаточное предложение образа действия.

В роли соотносительного слова при глаголе главной части иногда выступает сочетание наречия *yahā* 'здесь' (или *yahī* 'здесь же') с послелогом *tak* 'до', имеющее значение

«до того», «до такой степени», «настолько», например: *anṛ mē yahā tak naubat ā pahūci ki hamāre ghar mē khāne ko na rahā* (Sud., Sud. sum., 4) 'Наконец дело дошло до того, что дома не осталось никакой пищи'.

В результате взаимодействия сочетания *yahā tak* со следующим непосредственно за ним союзом *ki* в хинди возникло сочетание *yahā tak ki*, приближающееся по своей роли в предложении к союзу: *donō apnī-apnī bāt par āre rahe, yahā tak ki canthe din Dvārkaḍās ko bukhār caṛh gayā* (Sud., Sud. sum., 75) 'Каждый из них [двоих] упрямо стоял на своем, так что на четвертый день у Дваркадаса поднялась температура'.

В качестве соотносительных слов при следственно-причинном типе связи иногда выступают сочетания *is qadar* 'в такой степени' (*qadar* 'степень', 'мера'), *is hūc tak* 'до такой степени' (*had* 'граница', 'предел'), синонимичные местоимению *itnā*, сочетание *is tarah* 'таким образом' (*tarah* 'образ', 'манера'), синонимичное местоимению *aisā* в его обстоятельственной функции, например: *yah bīmārī is hād tak phail cukī hai ki hamāre acche-acche rāṣṭrasevak bhī is se nahī bace* (K. C., Ham. vah., 103) 'Эта болезнь распространилась до такой степени, что даже наши лучшие общественные деятели не убереглись от нее'; *māi is tarah dekhātā hū ki mere netrō ko, merī ātmā ko sukh miltā hai aur strī ko koī hānī nahī pahūcī* (Kauś., Kall., 29) 'Я смотрю так, что мои глаза, моя душа испытывают счастье, а женщине не причиняется никакого вреда'.

Если при этом типе связи в придаточной части используется форма сослагательного наклонения, то данная часть приобретает оттенок значения цели, например: *kām aisā kar-nā cāhie ki ghar ki ābrū bhī banī rahe aur bhāījī ki ātmā santuṣṭa ho* (Pr., M. 4, 157) 'Нужно сделать так, чтобы сохранилась честь семьи и чтобы душа брата была довольна'; *cākū ko is qadar zamīn mē gārā ki us kī nok zamīn se koī do inc nikalī rahe* (Pr., Jang. kah., 51) '[Он] закопал нож в землю настолько, чтобы его острие выступало из земли дюйма на два'.

О следственно-причинном типе соединения частей сложноподчиненного предложения следует говорить и тогда, когда в главной части отрицается наличие условий для осуществления того, о чем сообщается в придаточной части, например: *un mē itnī himmat na thī ki sac bāt kah dete* (Aśk, B.p., 43) 'У него не хватало решимости сказать правду'; *...aur sevak kī yah majāl kahā ki mālik ke sāmne kursī par baiṭh jāy* (Sud., Nag., 27) '... а разве посмеет слуга сесть перед хозяином на стул?'; *...kintu us mē itnī śaktī na thī*

ki sirhiyā carh sake (Pr., M. 4, 130) '...но у нее не было сил, чтобы подняться по лестнице'; *tum itnī nādān nahī ki merā matlab na samajh sako* (Ašk, B. p., 52) 'Не настолько уж вы глупы, чтобы не понять меня'; ...*parantu vah itne sankīrṇa-hṛday bhī nahī the ki Śuklajī ko dhatā batākar sārā yaś swayam lūṭ lete* (Kauš., Kall., 64) '...однако он не был столь низок, чтобы, отстранив Шуклу-джи, присвоить всю славу себе'.

Из приведенных примеров видно, что в связи с отрицательным значением главной части содержание придаточной части является предположительным. Этим объясняется использование в придаточной части сослагательного и условного наклонений, причем условное наклонение употребляется обычно только в тех случаях, если повествуется о прошедших событиях. В придаточной части наряду со значением следствия обычно имеется и целевой оттенок.

Итак, в придаточной части подобных сложноподчиненных предложений сообщается о таком следствии, которое не реализуется из-за отсутствия условий для его осуществления.

Обычно при следственно-причинном типе связи частей сложноподчиненного предложения используется союз *kī* 'что', 'чтобы'. Однако когда главная часть имеет отрицательное значение, на месте этого союза нередко выступает союз *jo*. Примеры: *to tumhāre bābū itne nāsamajh nahī hāī jo aīsī naubat āve* (Kauš., Kall., 198) 'Но ведь твой муж не столь безрассуден, чтобы дело дошло до этого'; *ham koī qaidī nahī hāī, jo tum ghēre kharē ho* (Pr., Pr. dv., 99) 'Ну чего вы окружили меня? Ведь я не арестант' (букв. 'я не арестант, чтобы вы окружали меня'); *gulām kī kuā majāl jo āp kā hukm tāle...* (Kauš., Kall., 220) 'Разве смеет раб не выполнить Ваш приказ?..'

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ТИП СВЯЗИ ЧАСТЕЙ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сравнительный тип связи наблюдается тогда, когда роль соединительных элементов выполняют слова *jaise*, *māno* (или *mānō*), *goṃā* 'как', 'словно', 'будто', 'будто бы', 'как будто', а то, о чем сообщается в главной части, сравнивается с содержанием придаточной части.

Слово *goṃā* является союзом, заимствованным из персидского языка. Слово *jaise* этимологически представляет собой относительное местоимение в наречной функции, а *māno* — форму от глагола *mānā* 'верить', 'считать'. Однако при

сравнительном типе связи их синтаксическая роль та же, что и у союза *goyā*. Это свидетельствует о том, что при этом типе связи все отмеченные выше соединительные элементы выступают как подчинительные союзы. Правда, при употреблении *jaise* сравнительный тип связи сближается с относительным. Соединительные элементы *māno* (или *mānō*) и *goyā* используются только при выражении так называемого нереального сравнения. В отличие от них слово *jaise* может выступать также и тогда, когда содержание придаточной части представляется как реальный факт.

Если при сравнительном типе связи в главной части нет соотносительного слова, то придаточная часть относится ко всему содержанию главной части и по своей синтаксической функции должна расцениваться как придаточное предложение сравнения, например: ... *aur phūṭ-phūṭ rotī, jaise larkī sasurāl jāte samay rotī hai* (Sud., Sud. sum., 42) '...и плакала навзрыд, как плачет девушка, отправляясь в дом свекра'; *vah bahut royā, us purāne jūte ke liye, māno vah jūtā us kī sārī ākāṅṣāō kā kendra thā...* (K. C., Annad., 155, 156) 'Он горько плакал из-за этих старых ботинок, словно они представляли собой единственный предмет его желаний...'

При отсутствии соотносительного слова придаточная часть имеет тенденцию к превращению в самостоятельное, отдельное предложение. Это находит свое выражение в том, что на письме перед *jaise*, *māno* (или *mānō*) иногда ставится полный вирам или тире (*nirdeśak*): *mā kharī kī kharī rah gayī. jaise us kī samasta śaktiyā śīthil ho gayī hō* (Ašk, Pinj., 75) 'Мать не тронулась с места. Словно ее покинули силы'; *māl sir laṭkāye adālat se laṭā — māno mujh se kuch anuṭ-it kārya ho gayā ho* (Yaś., Pinj. ур., 44) 'Из суда я вернулся подавленным, словно мною было совершено нечто предосудительное'.

Следовательно, при отсутствии соотносительного слова в главной части между частями сложного предложения устанавливается менее тесная связь.

Если придаточная часть вводится при помощи сочетаний *jis prakār*, *jis tarah* (*prakār* и *tarah* 'способ', 'образ', 'манера') и т. п., выступающих вместо *jaise*, то мы наблюдаем тип связи, переходный от относительного к сравнительному: *merā man nirāś ho gayā, jis prakār vidyārthī bār-bār fel hokar nirāś ho jātā hai* (Sud., P., 55) 'Я растерялся, как теряется студент, несколько раз провалившись на экзамене'.

Часто в главной части сложноподчиненных предложений, характеризующихся сравнительным типом связи, выступают соотносительные слова. Относясь к тому или иному слову

главной части, они указывают на то, что именно послужило основанием для сравнения. Их синтаксической ролью в главной части определяется вид так называемого придаточного предложения.

С именами существительными обычно сочетаются соотносительные слова *aisā* 'такой' и *itnā* 'столький', выступая в функции определения. При этом местоимение *aisā* указывает, как правило, на качественную характеристику предмета, а местоимение *itnā* — на количественную. Конкретное содержание соотносительных слов раскрывается придаточной частью путем сравнения, а не путем указания на следствие, что наблюдается при следственно-причинном типе связи: *us ne us roz jāy ko aisī dṛṣṭi se dekhā thā māno sadā ke liye us se vidā le rahā ho* (К. С., Gar., 48) 'В тот день он посмотрел на Джой таким взглядом, словно прощался с ней навсегда': *...aur šaharvālō ne donō kā janāzā itnī dhūm dhām se nikālā mānō ve donō sage bhāī hō* (К. С., Ham vah., 88) '...а жители города с такой пышностью проводили их обоих в последний путь, как будто они были родными братьями'.

Относясь к имени прилагательному, эти соотносительные слова выполняют функцию обстоятельства меры и степени. Степень проявления признака, обозначенного прилагательным, раскрывается содержанием придаточной части посредством сравнения: *us samay māl aisā prasanna thā, jaise vah sampattī mujhe hī milī hai* (Sud., P., 31) 'В то время я был так рад, словно это богатство досталось мне'; *Mansārām itnā prasanna huā, mānō koī inām pā gayā ho* (Pr., Nirm., 84) 'Мансарам обрадовался так (букв. 'стал такой радостный'), как будто получил подарок'.

В качестве соотносительных слов, выполняющих функцию обстоятельства образа действия при глаголе главной части, обычно используются слова *aise* (*aisā*), *vaise*, *yō* и сочетания *is tarah*, *is prakār* 'так', 'таким образом': *aise bhāg rahī thī jaise jel ke darvāze tor̥kar bhāgī ho* (Ašk, K. sāh., 165) 'Она бежала так, словно вырвалась из тюрьмы, сломав тюремные засовы'; *caṭṭān se kuch dūr ek ghanā pākar kā vr̥kṣa thā, jis kī jaṛē sūkhe pattharō se cimāṭkar yō ras khīcī thī jaise koī mahājan dīn asāmīyō ko bādhkar un se byāj ke rupaye vasūl kartā hai* (Pr., Pr. pac., 112) 'Неподалеку от скалы росла густая финиковая пальма, корни которой, прильнув к сухой каменистой почве, вытягивали из нее питательные вещества так, как ростовщик, закабалив робких клиентов, получает с них проценты'; *merā to usūl hai kī hindū-musalmānō ko is tarah rahnā cāhiye goyā donō bhāī-bhāī hāī* (Kauś., Kall., 218) 'Я же считаю, что индусы и

мусульмане должны жить так, как будто они являются братьями'.

Иногда соотносительные слова при сравнительном типе связи выступают в функции предикатива или предикативного определения: *us ke hoṭō kī patlī, terhī sī, kṣīṇ sī muskān aisi lagti māno pahli rāt ke cād kā rupahlā kinārā ho* (К. С., Gar., 40) 'Ее тонкие губы, изогнутые в легкой улыбке, напоминали своими очертаниями серебристый месяц новолуния'.

Следует иметь в виду, что отмеченное выше соответствие между соотносительными словами и частью речи, с которой данное соотносительное слово сочетается, не соблюдается строго в хинди. Так, в языке проявляется тенденция использовать *is tarah* и *is prakār* в сочетании с именем прилагательным или существительным на месте *aisā* и *itnā*, например: *vah usī prakār prasanna nazar ātā thā jaise kabhi kuch huā hī na thā...* (К. С., Kaś. kah., 142) 'Он казался таким веселым, словно ничего и не случилось...'; *un dinō śāhī mahāl mē is prakār bhay chāyā huā thā mānō kisi rājā ne dhāvā bol diyā ho* (Sūd., T., 210) 'В те дни в шахском дворце царил такой страх, словно какой-либо раджа совершил нападение'.

При сравнительном типе связи придаточная часть, как показывают примеры, обычно следует за главной частью. Однако при выражении реального сравнения (точнее, уподобления явлений, соответствующих действительности) возможна препозиция придаточной части: *Candraśekhhar jaise baiṭhe the, vaise hī baiṭhe rāhe* (Kauś., Kall., 3) 'Чандрашекхар продолжал сидеть точно так же, как сидел'.

Невозможность употребления в подобных примерах слов *māno* (*mānō*) и *goyā* свидетельствует о том, что в случае препозиции придаточной части слово *jaise* утрачивает свое значение союза и выступает как союзное слово, выполняющее в придаточной части функцию обстоятельства. Следовательно, в подобных примерах сравнительный тип связи сливается с относительным. Об этом свидетельствует также и возможность употребления *jaisā* вместо *jaise*, например: *jaisā aur log karte hāi vaisā hī tum ne kiya* (Pr., M. 4, 87) 'Вы поступили так же, как поступают другие люди'; *ap niścint rahē. jaisā ap kahte hāi, vaisā hī hogā* (Kauś., Kall., 57) 'Вы не беспокойтесь, пожалуйста. Все будет так, как вы говорите'.

Итак, относительно выделения в хинди сравнительного типа связи частей сложноподчиненного предложения мы можем констатировать следующее:

1. Данный тип связи наиболее ярко представлен такими

сложными предложениями, в которых придаточная часть служит для выражения нереального сравнения. Это касается в первую очередь тех случаев, когда в качестве соединительных элементов выступают *māno (mānō)* и *goyā*, используемые лишь при постпозиции придаточной части.

2. Употребление слова *jaise* в синтаксической позиции, характерной для *māno (mānō)* и *goyā*, свидетельствует об использовании средств относительного подчинения для формирования сравнительного типа связи и о приобретении этим словом значения союза.

3. Тот факт, что при препозиции придаточной части в качестве соединительного элемента ставится исключительно слово *jaise*, свидетельствует о том, что при выражении реального сравнения сравнительный тип связи сближается с относительным.

В заключение отметим, что при сравнительном типе связи в придаточной части используются формы изъявительного и сослагательного наклонений. Изъявительное наклонение может быть использовано при выражении как реального, так и нереального сравнения. Сослагательное наклонение находит применение лишь тогда, когда выражается нереальное сравнение.

ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЙ ТИП СВЯЗИ ЧАСТЕЙ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Причинно-следственный тип связи в семантическом отношении характеризуется тем, что подчиненная часть обозначает причину того, о чем сообщается в главной части. Таким образом, придаточная часть по ее синтаксической функции в сложном предложении должна рассматриваться как придаточное предложение причины. Глагол придаточной части выступает в форме изъявительного наклонения.

Соединение частей сложного предложения осуществляется следующими способами:

1) посредством союза *kyōki* 'потому что', образовавшегося в результате слияния местоименного вопросительного наречия *kyō* 'почему' с союзом *ki* 'что', для введения постпозитивной придаточной части, например: *ab Dillī kī senā bahut sāvadhānī ke sāth laṛ rahī thī, kyōki pahle din us kī kāfī hānī ho cukī thī* (V., Mṛgn., 452) 'На этот раз делийское войско вело бой весьма осмотрительно, потому что в первый день оно понесло значительные потери'; *Rāy Śyāmācaran cup ho gaye, kyōki itne hī mē budḍhā un ke pās ā*

gayā (Kauš., Kall., 20) 'Рай Шьямачаран замолчал, потому что как раз в это время к нему подошел старик';

2) посредством союза *cūki*, вводящего препозитивную придаточную часть, например: *jab yah qaid the, in ki ākhē un ki durdaśā par roti thī, aur cūki us vaqt in kā jīvan jīvan ki bahārō se khālī thā islie un dinō inhē apnā jīvan pyārā na thā* (Sud., Nag., 4) 'Когда они находились в заточении, они оплакивали свое бедственное положение, а так как в то время их жизнь была лишена радостей, они ею и не дорожили';

3) посредством союза *ki* при наличии в препозитивной главной части слова *islie* 'потому', 'поэтому', например: *ab māi apnā banāo-ṣṅgār islie kartī thī ki sāsār mē yah bhī merā ek kartavya hai; islie nahī ki māi kisī puruṣ kī vrat-dhāriṇī hū* (Pr., Pr. dv., 11) 'Теперь я наряжалась потому, что это тоже является одной из моих обязанностей на свете, а не потому, что мне надлежит быть верной какому-то мужчине'.

Из последнего примера видно, что при выражении отрицательно-причинных отношений с соотносительным словом *islie* употребляется отрицательная частица *nahī* 'не', 'нет'. Однако следует иметь в виду, что она при выражении тех же отрицательно-причинных отношений может стоять и перед глаголом главной части, например: *cor islie corī nahī kartā ki corī mē use viśeṣ ānand ātā hai; balki keval islie ki zarūrat use majbūr kartī hai* (Pr., M. 4, 46) 'Вор крадет не потому, что воровство доставляет ему особенное удовольствие, а лишь потому, что его принуждает к этому необходимость' (нельзя переводить: 'вор не крадет потому, что...').

Выражение отрицательно-причинных отношений, как показывают примеры, наблюдается обычно тогда, когда в высказывании содержится указание на действительную причину.

В лингвистической литературе обращается внимание на возможность использования в качестве причинного союза имени существительного *kāraṇ* 'причина'²¹.

Анализ сложных предложений, характеризующихся причинно-следственным типом связи их частей, подтверждает мысль о том, что при отсутствии соотносительных слов связь между частями сложного предложения является менее тесной. Об этом свидетельствуют факты использования перед союзом *kyūki* точки с запятой (полувирама—*arddha-*

²¹ S. H. Kellogg, *A grammar...*, p. 391; A. Janáček, *The Hindi kāraṇ, sac and āścaryā as nominal nominative sentences*, — «Archiv Orientalní», 1958, № 2, pp. 203, 204.

virām) и полного вирама, например: *parantu Niranjanlāl ko abhī is kī kuch khabar nahī thī. kyōki un kī upasthiti mē kīsī kā itnā sāhas na hotā kī harkat kare* (Kauś., Kall., 30) 'Однако Ниранджанлал пока ничего не знал об этом, потому что в его присутствии никто не решался на такой поступок'.

Если придаточная часть вводится союзом *kī*, то употребление в главной части соотносительного слова *islie* обязательно для того, чтобы придаточная часть выражала значение причины. Необходимость употребления *islie* объясняется тем, что союз *kī* в отличие от *kyōki* и *cūki* не является специализированным причинным союзом. В связи с этим уместно отметить, что, по мнению Рамчандры Вармы, употребление *islie* в том случае, когда придаточная часть вводится союзом *kyōki*, противоречит языковой норме²².

Постановка соотносительного слова *islie* непосредственно перед союзом *kī* создает условие для формирования составного причинного союза.

ТИП СВЯЗИ ЧАСТЕЙ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ. ВЫРАЖАЮЩИЙ ЦЕЛЕВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

При этом типе связи придаточная часть выражает значение цели. Сложноподчиненное предложение характеризуется следующими признаками: постпозицией придаточной части, использованием союза *kī* или *tāki* 'чтобы' для введения придаточной части и употреблением простой формы сослагательного наклонения в придаточной части. Примеры: *māl dvār kī or calī kī kīsī ko dāktar ke pās bhejū* (Pr., Pr. dv., 17) 'Я направила к двери, чтобы послать кого-нибудь к доктору'; *beṭā, kām jī lagākar karnā tāki mālīk tum se santuṣṭa aur prasanna rahe* (K. C., Gar., 131) 'Сынок, работай усердно, чтобы хозяин остался доволен тобой'.

Когда придаточная часть вводится союзом *kī*, в главной части может выступать соотносительное слово *islie* (или иногда *is ke liye*) 'для этого': *tum yah bāt islie kah rahe ho kī mujhe duḥkh na ho* (Kauś., Kall., 152) 'Вы это говорите для того, чтобы я не огорчалась'.

Это объясняется тем, что союз *kī* в отличие от союза *tāki* не является специализированным целевым союзом.

В редких случаях придаточная часть, выражающая цель, бывает препозитивной. Тогда она утрачивает союз, а в начале главной части обязательно используется соотносительное слово *islie*, например: *ḍā. Basu apnī vyastatā mē (ve*

²² R. C. Varma, *Acchī hindī*, p. 241.

ājkal ek pustak likh rahe hāī) apnā vacan bhūl na jāyā, is-lie Balrāj aur Narottam un ke pīche lage rahe (Ašk, K. sāh., 58) 'Чтобы доктор Басу из-за своей занятости (в настоящее время он пишет книгу) не забыл своего обещания, Балрадх и Нароттам ходили за ним по пятам'.

Отмеченный случай инверсии наблюдается обычно тогда, когда при глаголе придаточной части имеется отрицательная частица.

С рассматриваемыми предложениями семантически сближаются сложноподчиненные предложения, характеризующиеся присоединительным типом связи, в которых придаточная часть вводится при помощи *jis se* или *jis mē* и содержит глагол в простой форме сослагательного наклонения.

ВРЕМЕННОЙ ТИП СВЯЗИ ЧАСТЕЙ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Выражение временных отношений свойственно сложно-подчиненным предложениям, различным по своему строению, однако в каждом конкретном случае оно обуславливается структурными особенностями сложного предложения.

При выражении временных отношений для соединения частей сложного предложения используются следующие языковые средства:

1) функционирующие в качестве союзов относительные местоименные наречия *jab* 'когда', *juḍ-juḍ* (или *jō-jō*) 'по мере того как', *jaise hī* и *juḍ hī* (или *jō hī*) 'как только', *jab tak* 'до тех пор пока', 'пока', 'пока не', *jab se* 'с тех пор как'; в данном случае временной тип связи сближается с относительным типом;

2) выступающие как составной союз сочетания типа *is ke pahle ki* 'прежде чем', 'до того как'; в данном случае временной тип связи обнаруживает общие черты с изъяснительным типом;

3) союз *ki*.

В особых случаях союз или его эквивалент отсутствует, и мы имеем дело с бессоюзным подчинением.

Употребление относительного местоименного наречия *jab* и других относительных слов при временном типе связи, *jaise*—при сравнительном и *jis se*, *jis mē*—для выражения значения цели (с оттенком следствия) при присоединительном типе связи свидетельствует о том, что в хинди происходит процесс формирования союзов на базе относительных слов. Эти языковые средства подчинения можно назвать союзами — относительными словами.

При временном типе связи союзам — относительным словам часто соответствуют в главной части определенные лексические элементы.

Союзы—относительные слова	Лексические элементы, используемые в главной части сложного предложения
<i>jab</i>	<i>to, tabhī, us samay</i>
<i>jab se</i>	<i>tab se, us samay se</i>
<i>jab tak</i>	<i>tab tak, us samay tak</i>
<i>jaise hī</i>	<i>vaise hī</i>
<i>juō hī (jō hī)</i>	<i>tyō hī (tō hī)</i>
<i>juō-juō (jō-jō)</i>	<i>tyō-tyō (tō-tō)</i>

Указанные лексические элементы главной части способствуют грамматическому оформлению сложного предложения и являются, следовательно, его конструктивными элементами. В той мере, в какой они утрачивают свое лексическое значение местоименных слов указательной семантики, и в той мере, в какой проявляется регулярность их использования, мы можем говорить о формировании в хинди двойных союзов, представленных подчинительным союзом в соединении с лексическим элементом главной части.

Слово *jab* является наиболее общим показателем временных отношений, устанавливаемых между частями сложного предложения. Конкретное выражение характера таких отношений обуславливается соотношением финитных форм глагола в сложном предложении и контекстом. Примеры: 1) *jab ham jantā kī sevā karte hāi tab hamē us ke dhan ke kuch āś ko apne vyay mē lāne kā naitik adhikār hai* (Kauś., Kall., 95) 'Когда мы служим народу, тогда мы имеем моральное право употребить часть его богатства на свои расходы'; 2) *barā latī ādmī hai. jab ā jātā hai, tab majbūr hokar mujhe bhī khelnā hī partā hai* (Pr., Pr. dv., 170) 'Он азартный человек. Когда он приходит, тогда и мне поневоле приходится играть'; 3) *jab Bahlol Lāhaur ke pradeś kā sūbedār thā tab Dillī kā sīhāsan sūnā huā* (V., Mīgn., 361) 'Когда Бахлол был субедаром Лахора, опустел трон в Дели'; 4) *pacās sāl naukrī kī hai. jab āyā thā, us samay pandrah sāl kā thā, ab pāisaṭh sāl kā hū* (Sud., Nag., 24) 'Я прослужил пятьдесят лет. Когда пришел, мне было пятнадцать лет, а сейчас мне шестьдесят пять'; 5) *jab baccā barā ho gayā to vah bhī apnī mā kā hāth baṭāne lagā* (Ašk., B. p., 118) 'Когда ребенок подрос, то и он стал помогать своей матери'; 6) *dāh karke jab Aṭal lauṭā rāt ho gaṭ thī*

(V., Mṛgn., 61) 'Когда Атал, совершив обряд сожжения, возвратился, наступила уже ночь'.

В первых двух примерах выражаются отношения одновременности, в двух последних — отношения разновременности. В первом примере к одному и тому же временному плану относятся действия придаточной и главной части, обозначающие постоянные признаки субъекта. Во втором примере в плане настоящего времени мыслятся повторяющиеся, обычные действия, связанные между собой отношением последовательности: действие главной части всякий раз следует за действием придаточной части. В обоих этих примерах глаголы придаточной и главной части выступают в форме настоящего времени изъявительного наклонения. Различия в значении одновременности выявляются из контекста. В третьем примере действие главной части приурочено к одному из моментов осуществления действия придаточной части. В четвертом примере, наоборот, действие придаточной части относится к одному из моментов осуществления действия главной части. В пятом примере действие главной части следует за действием придаточной части, в шестом же оно предшествует действию придаточной части.

В ранних прозаических произведениях на хинди придаточная часть при выражении временных отношений нередко вводится союзом *jo*, а не *jab*, например: *jāte hī jo us ne use acānak jagāyā, to vuh ghabrākar, uthā aur kahne lagā...* (Bait. pach., 179) 'Когда она, придя туда, внезапно его разбудила, он, охваченный тревогой, поднялся и проговорил...'; *jo vahā se āge barhe to ek sūjī ne āy dandvat kar khare hoy kar jor ke kahā...* (Lallu Lāl, Prensāgar, 101) 'Когда они проследовали дальше, подошел портной, простерся [перед ними], поднялся и, сложив [в знак почтения] руки, молвил...'; *jo unhō ne us ko dekhā «tū kaun? tū kaun?» kar cinghār sī par gāī* (Mīr Inšā, Kah. Ket., 7) 'Когда они его увидели, то закричали: «Кто ты? Кто ты?»'

В современном языке использование *jo* на месте *jab* — сравнительно редкое явление: *bherō ne jo harī-harī pattiyaṅ dekhī, to adhīr ho gayī! khet mē ghus parī* (Pr., Pr. dv., 154) 'Когда овцы увидели зеленые побеги, ими овладело беспокойство и они зашли на поле'; *donō sajjan phīr jo khelne baithe, to tin baj gaye* (Pr., Pr. dv., 177) 'Когда оба господина сели снова играть, пробило три'.

Характер выражаемого временного отношения видоизменяется, если за словом *jab* (а также за соотносительными словами главной части) следуют послелог *se* 'от', 'с' или *tak* 'до'.

Так, при употреблении *jab se* рeализация того, о чем сообщается в придаточной части, понимается как исходный пункт для развертывания содержания главной части, например: ...*jab se vah āyā hai tab se log bhaybhit rahte hāi* (Kauś., Kall., 10) '...с тех пор как он прибыл, люди живут в страхе'; *jab se vah lekh nikalā, tab se grāhak-sankhyā barh gai hai* (Kauś., Kall., 66) 'С тех пор как появилась эта статья, число покупателей возросло'; *jab se vah Gomti tīr se laṭe the, un ke citta par ek vairāgya sā chāyā huā thā* (Pr., Pr. dv., 46) 'С тех пор как он вернулся с берега Гомти, им владела мысль о самоотречении'.

В придаточной части, вводимой при помощи *jab se*, глагол выступает обычно в форме перфекта, претерита или плюсквамперфекта изъявительного наклонения.

При использовании *jab tak* конкретный характер временных отношений может быть определен лишь на основе анализа финитных форм глагола (в особенности в придаточной части) и конструктивных элементов сложного предложения.

Если в придаточной части глагол выступает в простой форме сослагательного наклонения, не имея при себе отрицательной частицы, то в сложноподчиненном предложении выражается предшествование того, о чем говорится в главной части, содержанию придаточной части: *jab tak Lākhi dūsra tīr calāve, Ninnī ne arne ke mastak ke bīcōbīc kā ni-śānā lekar tīr choṛ diyā* (V., Mṛgn., 192) 'Прежде чем Лакхи выпустила вторую стрелу, Нинни выстрелила из лука, прицелившись в голову буйвола'.

Обычно идея предшествования выражается в хинди такими сложными предложениями, в которых придаточная часть вводится при помощи сочетания типа *is ke pahle ki* 'прежде чем', 'до того как', например: *is ke pahle ki māi āp ko giraftār karā, māi kuch aur tahqīqāt karnā cāh-tā hā* (Kauś., Kall., 9) 'Прежде чем арестовать вас, я хочу произвести дополнительное расследование': *dūsre din is ke pahle ki use hoś ātā, us kī muattalt kā ādeś pahūcā* (Ašk., B. p., 157) 'На другой день, прежде чем он пришел в себя, было получено распоряжение об его увольнении'.

В подобных сложных предложениях придаточная часть обычно предшествует главной. Временной тип связи в них формируется на основе изъяснительного типа. И действительно, приведенные примеры можно толковать как частный случай проявления изъяснительного типа: придаточной частью, вводимой союзом *ki*, раскрывается конкретное содержание предшествующего указательного местоимения *yah* 'этот', к которому относится послелог *ke pahle* 'раньше', 'до'.

Из примеров видно, что глагол придаточной части, вводимой при помощи *is ke pahle*, выступает или в простой форме сослагательного наклонения, или в простой форме условного наклонения. Употребление условного наклонения наблюдается, как правило, тогда, когда речь идет о событиях, относящихся к плану прошедшего времени.

Чаще всего придаточная часть, вводимая при помощи *jab tak*, обозначает временную границу (предел) осуществления содержания главной части. При этом действие главной части может быть ограничено временем, в течение которого происходит действие придаточной части, или моментом наступления действия придаточной части.

В первом случае в сложноподчиненном предложении выражается значение одновременности, осложненное указанием на ограничение действия главной части. Глагол придаточной части выступает обычно в изъявительном наклонении, обозначая длительное действие. Примеры: *jab tak vakīl sāhab ghar par rahte, tab tak vah un ke sāth dīvān-khāne mē baiṭhī rahtī* (Pr., M. 4, 176) 'Пока адвокат находился дома, она сидела с ним в гостиной'; *jab tak kuṣṭī hoī rahī, log kuṣṭī kā ānand uṭhāte rahe...* (Pr., M. 4, 69) 'Пока продолжалась борьба, люди любовались ею...'; *jab tak sāsār mē ek vyakti bhī nirdhan hai sab nirdhan rahēge* (K. C., Annad., 45) 'Пока в мире беден хоть один человек, все останутся бедными'; *jab tak māī parīkṣā mē vyasta thī, māī ne us or kuch dhyān na diyā* (Ašk, B. p., 39) 'Пока я была занята экзаменами, я не обращала на это никакого внимания'.

Во втором случае действие придаточной части следует за действием главной части. В предложении выражается временная последовательность, осложненная указанием на ограничение действия главной части. Глагол придаточной части выступает обычно в простой форме сослагательного наклонения, имея при себе отрицательную частицу. Примеры: *gharī tumhārī hai, kintu jab tak dūsrī gharī na le lū, ise mere pās rahne do* (Pr., M. 4, 285) 'Часы ваши. Однако пока я не приобрету другие часы, оставьте их у меня'; *jab tak ye haṭ na jāyā yā so na jāyā, merā jānā muṣkil thā* (Pr., Kūt. kah., 69—70) 'Мне было трудно пробраться, пока они не ушли или не заснули'; *jab tak bhojan na banāy unhē koī cīz rucṭī hī na thī* (Pr., Pr. рас., 234) 'До тех пор пока я не приготовлю пищу, все было ему не по вкусу'.

В подобных примерах использование сослагательного наклонения объясняется гипотетическим характером содержания придаточной части.

Выше были отмечены два полярных, наиболее характерных случая выражения идеи временного ограничения. Явление переходного, промежуточного характера наблюдается тогда, когда в придаточной части, вводимой посредством *jab tak*, глагол, имеющий при себе отрицательную частицу, выступает в одной из форм изъявительного наклонения. При этом наиболее обычны следующие случаи:

1) интенсивный глагол придаточной части и глагол главной части выступают в форме имперфекта, обозначая повторяющиеся в прошлом действия: *...aur jab tak vah na so jāte, tab tak āp bhī sone na jāti* (Pr., M. 4, 179—180) '...и до тех пор пока он не засыпал, она сама не ложилась спать';

2) интенсивный глагол придаточной части и глагол главной части выступают в форме настоящего времени: *jab tak vah thandā nahī ho jātā, vah isī tarah roṣan rahtā hai* (Pr., Jang. kah., 32) 'Он продолжает светиться так, пока не остынет';

3) в придаточной и главной части глаголы выступают в форме будущего времени: *...aur jab tak hamārī ārthik daṣā na sudharegī, yah rasm bhī na miṭegī* (Pr., M. 4, 214) '...и пока наше экономическое положение не улучшится, этот обычай не исчезнет';

4) в придаточной части глагол выступает в форме претерита, обозначая действие, относящееся к плану будущего времени, а в главной части глагол выступает в форме будущего времени (или императива): *is ke bhaktō kī bāhō mē jab tak bal nahī āyā, tab tak yah kram rahegā* (V., Mrgn., 431) 'До тех пор пока его [храма] поклонники не приобретут силу, это будет продолжаться';

5) в придаточной и главной части глаголы выступают в форме претерита: *...aur jab tak sāmne baiṭhkar pilā na liyā tab tak use cain na āyā* (Sud., Sud. sum., 60) '...и до тех пор пока она, усевшись напротив, не напоила меня молоком, она не успокоилась'.

В приводимых сложных предложениях выражение отрицания при глаголе придаточной части связано с предельным характером соответствующего глагольного действия. Такие факторы, как свойство интенсивных глаголов и способность формы будущего времени и претерита выражать понятие предельности действия, способствуют выражению идеи следования (а не одновременного совершения) действий придаточной и главной части. Поэтому приведенные выше сложные предложения семантически ближе к таким сложным предложениям, в которых действие главной части ограничивается моментом наступления действия придаточной части.

При использовании в качестве соединительных элементов сочетаний *jaise hī* и *juḍ hī* (*jō hī*) 'как только' выражается временное отношение непосредственного следования действия главной части за действием придаточной части, например: *jaise hī Maṭrū ne sultān kā ādeś sunāyā rājpūt jūjh jāne ke liye pharak uṭhe* (V., Mṛgn., 291) 'Как только Матру огласил распоряжение султана, раджпуты загорелись желанием сражаться'; *lekin juḍ hī tum zarā dūr haṭogī ye tumhāre taluwe cāṭēge* (Ašk, B. p., 51) 'Но как только вы проявите некоторое отчуждение, они падут к вашим ногам'.

При использовании повтора *juḍ-juḍ* (*jō-jō*) 'по мере того как' выражается отношение постепенного следования действия главной части за действием придаточной части, например: *juḍ-juḍ kām hotā jātā thā, Revatī kā krodh barhtā jātā thā* (Sud., Nag., 51) 'По мере того как дело двигалось вперед, Ревати сердилась все больше'.

При употреблении союзов—относительных слов для выражения временного типа связи частей сложноподчиненного предложения придаточная часть обычно предшествует главной части. Однако, как и при относительном типе связи, придаточная часть может находиться в постпозиции, например: *gāv mē kahī-kahī cirāg ṭimṭimā uṭhe the, jab us ne ghar kā darvāzā khaṭkhaṭāyā* (Ašk, B. p., 72) 'В деревне уже кое-где мерцали огоньки, когда он постучал в дверь дома'; *gāvvalō ko hamāre jāne kā patā tab lagegā jab ham log koṣō kī dūrī par pār kar jāyēge* (V., Mṛgn., 220) 'Жители деревни узнают о нашем отъезде лишь тогда, когда мы будем уже далеко'.

При постпозиции придаточной части союзу — относительному слову *jab* 'когда' может соответствовать только *tab* 'тогда' (или *tabhī* 'тогда же'), поскольку для слова *to* 'то', 'тогда' характерно употребление лишь в главной части, следующей за придаточной. Это является одним из свидетельств того, что образование *jab...to* в большей степени, чем другие подобные образования, приближается к двойному союзу.

При временном типе связи союз — относительное слово *jab* нередко отсутствует в препозитивной придаточной части. Тогда единственным показателем подчинения являются слова *to* или *tab*, вводящие главную часть: *qile mē pahūce to vahā admī hī admī the* (Sud., Sud. sum., 7) 'Когда [мы] прибыли в крепость, то там было множество людей'; *Subhāgī Cādnī Cauk mē pahūcī tab us kā dil baiṭh gayā* (Sud., Sud. su n., 37) 'Когда Субхаги пришла на Чандни Чаук, ее сердце замерло'.

При рассмотрении временного типа связи нужно отметить такие сложные предложения, в главной части которых говорится об истечении (неистечении) какого-то периода времени с момента или к моменту осуществления того, о чем сообщается в придаточной части. Придаточная часть таких сложных предложений вводится при помощи *jab* и, как правило, следует за главной частью: *abhi sāt baras bhī nahī huye hāi ki jab māi ne sab kā qatleām karvā diyā thā* (V., Mṛgn., 78) 'Не прошло еще и семи лет с тех пор, как я уничтожил их всех'; *ek pahar din nahī carhā thā jab gāv ke adhikāś strī-puruṣ khalihānō mē pahūc gaye* (V., Mṛgn., 174) 'Еще не занялся день, когда большинство жителей деревни, мужчин и женщин, пришло на тока'.

Характер временных отношений между содержанием частей сложноподчиненного предложения взаимосвязан с соотношением временных форм глагола. В частности, форма плюсквамперфекта в приведенных примерах указывает на предшествование данного глагольного действия другому действию.

В главной части подобных сложных предложений невозможно использование слова *tab*, соотносимого с *jab*. Более того, часто отсутствует и союз — относительное слово *jab*. Тогда показателем подчинительной связи является порядок следования частей сложного предложения и соотношение форм глагола, например: *āj kāi baras huye, vah parlok sidhāre* (Pr., Pr. dv., 73) 'Вот прошло уже несколько лет с тех пор, как он умер'.

С точки зрения семантики отличительной чертой рассматриваемых сложных предложений является то, что в них основной смысл высказывания содержится в придаточной части, а роль главной части зачастую сводится лишь к обозначению обстоятельства времени.

Очевидно, именно подобная семантическая нагрузка, характерная для частей сложного предложения, обуславливает возможность постановки главной части внутри придаточной, например: *...Mṛgnayanī kā vivāh rājā Mānsīh ke sāt ho gayā aur vah kāi din huye jab Gvāliyar calī gāi* (V., Mṛgn., 222) '...Мригнаayani вышла замуж за раджу Мансинха и несколько дней тому назад уехала в Гвалиор'; *un ke daftarvāle muddat hui nikal gaye* (Pr., Pr. dv., 68) 'Его сослуживцы уже давно ушли [с работы]'.

В этих сложных предложениях главные части *kāi din huye* 'прошло несколько дней' и *muddat hui* 'прошло время' находятся в середине придаточных частей *vah jab Gvāliyar calī gāi* 'с тех пор как она уехала в Гвалиор' и *un ke daftarvāle nikal gaye* 'с тех пор как его сослуживцы уш-

ли'. Здесь наблюдается явление адвербиализации главной части сложного предложения. В связи с этим сложное предложение имеет тенденцию превратиться в простое. В то же время приобретение главной частью обстоятельственной функции является свидетельством того, что в сложном целом не только придаточная часть зависит от главной, но и главная от придаточной.

При выражении временного типа связи взаимозависимость частей сложноподчиненного предложения иногда ярко проявляется в том, что каждая из частей сложного предложения вводится при помощи средств подчинения. Так, союз *ki* иногда используется на месте конструктивных элементов сложного предложения, коррелирующих с союзами — относительными словами, например: *ek dīn jab vah dūdh na pī rahā thā aur mā bhārī kaṭorī hāth mē liye use manā rahī thī kī us ke pitā ā gaye* (Ašk, B. p., 82) 'Однажды, когда он не хотел пить молоко, а мать, взяв в руку полную чашку, его уговаривала, пришел его отец'; *aur huā bhī aisā hī. jab tak parājīt mugāl senā ke hathiyār churāye jāyā, aur āgevalē darre tak rājput senā bhejī jāy, kī dūsarā musalmānī dal ā gayā* (Pr., Dūrg., 50) 'Именно так и случилось. Прежде чем разбитое войско моголов сложило оружие и войско раджпутов было послано к находящемуся впереди перевалу, подошел второй отряд мусульман'.

Употребление союза *ki* способствует выражению оттенка внезапности в осуществлении действия соответствующей части сложного предложения.

Ввиду того, что средства подчинения используются в обеих частях сложного предложения, можно говорить о существовании в хинди явления взаимного подчинения частей сложного предложения.

Взаимное подчинение при временном типе связи имеет место в хинди и тогда, когда использование постпозитивной части сложного предложения, вводимой союзом *ki*, сопряжено с определенной структурой и составом препозитивной части. Глагол постпозитивной части, обычно выступающий в форме претерита, обозначает действие внезапное или, с точки зрения говорящего, преждевременное. Примеры: *māī abhī zamīn se uṭhne bhī na pāyā thā kī vah qasāt ek barā-sā tez churā lie merī gardān par ā pahūcā* (Pr., M. 4, 91) 'Не успел я подняться с земли, как этот негодяй, выхватив большой острый нож, набросился на меня'; *Rāy Rāmcandra Datta ke māh se yah vākya nikalā hī thā kī ek or ucca hāsya kī āvāz āī* (Kauś., Kall., 19) 'Едва с уст Рай Рамчандра Датта слетела эта фраза, как в стороне послышался громкий смех'; *māī uttar dene*

hi ko thā ki sāmne se Pāro āti hui dikhāi dī (К. С., Gar., 97) 'Я собирался уже ответить, как вдруг появилась Паро'.

При употреблении слова *jab* в придаточной части временной тип связи иногда сближается с условно-следственным. Возможность такого сближения объясняется тем, что между условием и следствием существуют временные отношения. В некоторых случаях временной тип связи в семантическом отношении вообще неотделим от условно-следственного. Это бывает, в частности, тогда, когда в придаточной части выступает сослагательное наклонение, придающее содержанию этой части гипотетический характер. Примеры: *parantu jab vah apnā dharmma na samajhte hō, yā na samajh sakte hō, to hamārā dharmma hai ki apne ghar ke kām ko lāt dē...* (Sud., T., 248) 'Но когда (если) они не понимают или не могут понять, в чем состоит их долг, тогда (то) нам надлежит отложить в сторону все домашние дела...'

В определенных случаях при употреблении изъявительного наклонения придаточная часть может получать условно-причинное значение: *jab ham ne uṭhāyā hī nahī, to hamē dar kāhe kā hai* (Sud., Sud. sum., 56) 'Раз я не брал [рупии], то чего мне бояться'.

Таким образом, мы видим, что союз — относительное слово *jab* 'когда', употребление которого характерно для временного типа связи, иногда используется как условный или условно-причинный союз. В таком случае главная часть сложного предложения обычно вводится словом *to* 'то', 'тогда'. Итак, в хинди обнаруживается взаимодействие не только между относительным типом связи и временным, но также между относительным типом связи и условно-следственным. Посредствующим звеном этого взаимодействия является временной тип.

УСЛОВНО-СЛЕДСТВЕННЫЙ ТИП СВЯЗИ ЧАСТЕЙ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Данный тип связи характеризуется наличием в придаточной части условных союзов *agar* или *yadī* 'если', а также союза *jo*, а в главной части (в случае ее постпозиции) слова *to* 'то', 'тогда'. В придаточной части содержится указание на условие осуществления того, о чем говорится в главной части. Примеры: *tum ne agar liyā ho to de do...* (Sud., Sud. sum., 57) 'Если ты взял [рупию], то отдай...'; *yadī kabhi vah mujhe darpaṇ ke sāmne dekh leī, to jhirakne lagī* (Pr., Pr. dv., 4) 'Если когда-либо она видела меня перед зеркалом, то начинала браниться'; *jo bāhar ke luṭere sab kā sab le*

jāte to gāṭh mē kuch bhī na bactā (V., Mgn., 21) 'Если бы иноземные грабители забрали всё [зерно], то тогда бы [у нас] ничего не осталось'; *agar merā ānā tumhē burā lagā hai, to māī abhī yahā se calā jāta hā* (Ašk, B. p., 74) 'Если мой приезд вам пришелся не по душе, то я сейчас же ухожу отсюда'.

При условно-следственном типе связи придаточная часть в подавляющем большинстве случаев, как правило, предшествует главной. При обратном порядке придаточная часть обычно выполняет функцию дополнительного пояснения, например: *kadācit kahe bhī jātā, yadi is bīmārī ne mujhe sacet na kar diyā hotā* (Pr., Pr. dv., 19) 'Вряд ли я бы сказал, если бы эта болезнь не открыла мне глаза'; *mere šarīr par korh phūṭe, jo māī ne corī kī ho* (Sud., Sud. sum., 114) 'Пусть поразит меня проказа, если я украл'.

Регулярность использования *agar, yadi* или *jo* в препозитивной части и употребления частицы *to* в постпозитивной главной части свидетельствует о формировании в хинди двойных союзов *agar ...to, yadi ...to, jo ...to* 'если... то'.

Все же нередко условный союз препозитивной придаточной части бывает опущен, например: *yahī šabda dobārā kahe to mūh se jīb khīc lūgā* (Sud., Sud. sum., 73) 'Если вновь повторишь эти слова, я вырву твой язык'. В этом случае в качестве показателя подчинительной связи выступает частица *to*. Если при этом в сложном предложении сообщается о событиях, повторяющихся в прошлом или настоящем, то условно-следственный тип сближается с временным, о чем могут свидетельствовать следующие примеры: *ghar mē phal yā miṭhāī ātī to sab se zyādā hissā mujhe miltā* (Sud., Sud. sum., 50) 'Если (когда) в доме появлялись фрукты или сладости, то самая большая часть доставалась мне'; *thiētar mē koī nayā tamāšā hone vālā hotā hai, to daure hue ākar mujhe khabar dete hāī* (Pr., M. 4, 222) 'Если (когда) в театре готовится к постановке новый спектакль, то он, прибежав, сообщает мне об этом'.

Опущение частицы *to* при условно-следственном типе связи — весьма редкое явление в современном литературном хинди. Поэтому замечания ряда грамматистов относительно обычности опущения частицы *to*²³ не представляются нам вполне точными в свете проанализированного материала.

Особая разновидность условно-следственного типа связи представлена такими сложноподчиненными предложениями,

²³ S. H. Kellogg, *A grammar...*, p. 534; J. T. Platts, *A grammar...*, p. 390; M. Kempson, *The syntax and idioms of Hindustani*, p. 110; K. Gurur, *Hindī vyākaraṇ*, p. 664.

в которых глагол придаточной части или слова *to* и *tab* (или же то и другое вместе) взаимодействуют с эмфатической частицей *bhī* 'и', 'даже', например: *yadi yahā se bhāgkar tum ne jān bacā bhī lī to vah jīvan maut se bhī burā hogā...* (Ašk, В. р., 125) 'Даже если вы спасете свою жизнь, бежав отсюда, то жизнь ваша будет хуже смерти...'; *ve ek ek dāt ke das das rupaye le lete to bhī logō kā tātā bādhā rahtā* (Ašk, В. р., 21) 'Хотя он брал десять рупий за каждый зуб, все равно его осаждала очередь'; *pratham to is se māl bac nahī jāūgā, aur yadi bac bhī saktā, tab bhī māl aisā na kartā* (Kauš., Kall., 64) 'Во-первых, это меня не спасет, и даже если бы я смог спастись, то все равно не поступил бы так'.

Из примеров видно, что частица *bhī* сообщает придаточной части уступительное значение, а главной части — противительное значение. Следовательно, в подобного рода примерах условно-следственный тип связи сближается с уступительно-следственным типом.

При условно-следственном типе связи глагол главной части может выступать в форме любого наклонения, глагол придаточной части — в форме любого наклонения, кроме повелительного. Употребление того или иного наклонения определяется семантикой наклонения.

УСТУПИТЕЛЬНО-СЛЕДСТВЕННЫЙ ТИП СВЯЗИ ЧАСТЕЙ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

При уступительно-следственном типе связи в главной части сложного предложения излагается нечто противоположное тому, что должно было бы вытекать как следствие из содержания придаточной части. Обычными формальными показателями уступительно-следственного типа связи являются союзы *yadyapi* 'хотя', *cāhe* (или *khvāh*) 'пусть', 'хотя', *halāki* 'хотя' 'несмотря на то что'. В случае препозиции придаточной части главная часть обычно вводится при помощи слова *tathāpi*, сочетаний *to bhī*, *phir bhī*, *par* (*parantu*) *phir bhī* 'тем не менее', противительных сочинительных союзов *par*, *parantu*, *kintu*, *lekin* 'но', 'однако'. Такие элементы, как *tathāpi*, *to bhī*, *phir bhī* и *par* (или *parantu*) *phir bhī*, используются обычно тогда, когда в придаточной части выступает союз *yadyapi*. Примеры: *yadyapi māl tarka se tumhārī is paribhāṣā kō nahī kāṭ saktā, tathāpi merī ātmā kaṭī hai kī tumhārī paribhāṣā sadoṣ hai* (Kauš., Kall., 25, 26) 'Хотя я не могу посредством логики отвергнуть ваш довод, однако сердце мне подсказывает, что ваше объясне-

ние порочно'; ...*aur yadyapi ūpar ko donō roṣandān khule the, to bhī kamrā garm ho gayā thā* (Ašk, B. p., 12) '...и хотя два окна наверху оставались открытыми, все же в комнате стало жарко'; ...*zamīn cāhe mujhe na mile, par āp ke pās bhī na rahegī* (Pr., S. sm., 4) '...пусть земля не достанется мне, но зато она не останется и у вас'.

Придаточная часть, вводимая при помощи союзов *yadyapi* и *cāhe* (или *khvāh*), в большинстве случаев предшествует главной части. Придаточная же часть, вводимая союзом *hālāki*, чаще всего следует за главной частью предложения.

Придаточная часть, если она стоит после главной, имеет, как и в русском языке, значение дополнительного пояснения. Примеры: *Kailās ne kahā — mere vicār mē pāp sadaiv pāp hai, cāhe yah kisī āvaraṇ mē maṇḍit ho* (Pr., Pr. dv., 136) 'Кайлас сказал: «По-моему, грех всегда является грехом, чем бы он ни прикрывался»'; *vah vīrō kī bhātī kaṭhināiyō ke sāmne kamar kase kharā thā, hālāki tīn din se use bhojan na milā thā* (Pr., M. 4, 58) 'Он решительно, как подобает герою, противостоял трудностям, несмотря на то, что три дня ничего не ел'.

Из примеров видно, что придаточная часть, вводимая союзом *cāhe*, в модальном плане существенно отличается от придаточной части, вводимой посредством *yadyapi* или *hālāki*. Если в придаточной части с *yadyapi* или *hālāki* глагол выступает в изъявительном наклонении, указывая тем самым на реальность действия, то в придаточной части с *cāhe* глагол стоит, как правило, в форме сослагательного наклонения (иногда в форме условного наклонения) и указывает на гипотетический характер содержания данной части.

Иногда при использовании союза *cāhe* придаточная часть включает в свой состав сочетания *kyō na* 'почему (бы) не...' или *bhale hī* 'ничего', 'неважно', подчеркивающие уступительное значение придаточной части, например: *yahā to kisī ko āne na dūgā cāhe mar hī kyō na jāū* (Pr., Kūt. kah., 83) 'Я никого не пушу сюда, даже если мне придется умереть'; *yah mujh se na hogā cāhe mar bhale hī jāū* (Kauś., Kall., 82) 'Я этого не сделаю, даже если мне придется умереть'.

При использовании в придаточной части, вводимой посредством *cāhe*, неопределенных местоимений *koī* 'кто-либо', *kuch* 'что-либо' и вопросительных слов обычно в сочетании с частицами *hī* и *bhī* придаточная часть получает обобщенно-уступительное значение. Примеры: *ek vyakti kī cāhe vah merā kītnā hī ātmīy kyō na ho rāṣṭra ke sāmne*

kyā hastī hai? (Pr., Pr. dv., 140) 'Что значит один человек, каким бы близким он мне ни был, по сравнению с целым государством?'; *andar se hālat cāhe kitnī hī burtī ho gaī ho, par bāhar se sākḥ banī huī thī* (Ašk, Pinj., 65) 'Каким бы плачевным ни стало положение на самом деле, однако с внешней стороны достоинство сохранялось'.

Подчинительный союз *cāhe* может опускаться, например: *ār ko sandeh bhale hī ho par mujhe to zarā bhī sandeh nahī hai* (Kauš., Kall., 105) 'Хотя бы вы и сомневались, у меня нет ни малейшего сомнения'; *yah mujh se kitnī hī nārāz ho, par Rudra se use prem thā* (Pr., Do bah., 25) 'Как бы ни сердилась она на меня, Рудру все же она любила'.

В придаточной части могут быть использованы и относительные слова в случае выражения обобщенно-уступительного значения, например: *jīs javān ke pās kapṛā aur gahnā na ho vah cāhe jaisā sundar salaunā ho, us par ye auratē thūktī bhī nahī hāī* (V., Mṛgn., 123) 'Каким бы прекрасным ни был тот юноша, у которого нет приличной одежды и украшений, эти женщины не обращают на него ни малейшего внимания'.

В придаточной части, содержащей относительное слово, сочетание *kyū na* не используется. При отсутствии подчинительного союза *cāhe* тип устанавливаемой подчинительной связи можно рассматривать как относительный.

На грани подчинения и сочинения стоят сложные предложения, в которых придаточная часть с союзом *cāhe... cāhe* или *cāhe ...yā* 'или ...или' выражает разделительные отношения, а также такие сложные предложения, в которых придаточная часть, будучи бессоюзной, включает в свой состав частицу *sahī* 'правда', 'ладно', 'пусть'. Примеры: *ghar mē cāhe koī āve, cāhe koī jāy, un se kuch matlab na thā!* (Pr., Pr. dv., 172) 'Войдет ли кто в дом, выйдет ли, им до этого не было никакого дела'; *is prakār śāntī mil saktī hai sahī, par yah rāh barī durgam hai aur dūr kī hai* (Kauš., Kall., 21) 'Правда, так можно обрести покой, но этот путь очень труден и продолжителен'.

Следует заметить, что черты сочинительной связи вообще характерны для уступительно-следственного типа. Это ясно проявляется на материале разных языков в том, что главная часть при данном типе связи часто вводится при помощи противительных союзов. Так, А. М. Пешковский, касаясь вопроса о сочетании уступительных союзов русского языка в первом предложении с противительными во втором, пишет следующее: «Подчинение и сочинение здесь ясны, необычно только их сочетание в одной паре соот-

носящихся. Такие сочетания мы бы назвали подчинительно-сочинительными»²⁴.

Уступительно-следственное отношение между частями сложноподчиненного предложения выражается и тогда, когда придаточная часть вводится оборотом *is ke bāvajūd ki* или *is bāt ke hote (hue) bhī ki* 'несмотря на то что', например: *is bāt ke hote bhī ki ham pyār kī gahrāiyō tak utar gaye the, ham donō ek ho gaye the, ham ne ek dūsre ke lie qurbān ho jāne kī barī-barī qasmē khāī thī, unhē merī bāt tālne kī himmat na huī* (Ašk, В. р., 57) 'Несмотря на то что мы познали все радости любви, духовно слились в единое целое, что каждый из нас торжественно поклялся пожертвовать собою ради другого, он не осмелился послушаться меня'.

Здесь налицо тип связи, переходный от изъяснительного к уступительно-следственному. Определение типа таких сложных предложений зависит от понимания и трактовки отмеченных оборотов. Так, если их рассматривать как составные уступительные союзы, а не как сочетания соотносительного слова с послелогом при союзе *ki*, вводящем придаточную часть, то тип связи придется квалифицировать как уступительно-следственный.

ВОПРОС О ВОЗМОЖНОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ ДРУГИХ ТИПОВ СВЯЗИ

Выше были рассмотрены основные типы связи частей сложноподчиненного предложения в хинди, получившие структурное оформление.

Вместе с тем в хинди можно отметить существование и других типов, не получивших в языке заметного развития.

Так, сложноподчиненные предложения, придаточная часть которых вводится при помощи *agar*, *yadī* 'если', *jahā* 'где', иногда выражают сопоставительные отношения, а именно:

1) сопоставительно-противительные отношения: *agar kar-macāriyō ko paṣubal kā zor hai, to hamē naitik bal kā bha-rosā hai* (Pr., Pr. dv., 89) 'Если на стороне чиновников грубая сила, то мы уповаем на нравственную силу'; *māī jahā nau baje sokar uṭhtā thā, ab tarke uṭh baiṭhtā aur us ke lie dūdh garm kartā* (Pr., М. 4, 13) 'Если раньше я поднимался в девять часов, то теперь вскакивал на рассвете и подогревал для него молоко';

²⁴ А. М. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении*, 7-е изд., М., 1956, стр. 468.

2) сопоставительно-выделительные отношения: *yadi sāsār mē use koī vastu pyārī thī, to vah thī us kī pustakē* (Pr., M. 4, 113) 'Если она чем-либо и дорожила на свете, так это своими книгами'; *agar sāre gāv mē koī aisā bālak thā, jis ne Gurdīn kī udārtā se lābh na uṭhāyā ho, to vah bāke Gumān kā laṛkā Dhān thā* (Pr., Pr. dv., 204) 'Если и был во всей деревне такой мальчик, который не извлек для себя выгоды из ведикодуши Гурдина, так это был Дхан, сын шеголеватого Гумана'.

Из примеров видно, что выражение отношений сопоставления характеризуется препозицией придаточной части, употреблением форм изъявительного наклонения в обеих частях сложного предложения, параллелизмом структуры придаточной и главной частей. Кроме того, при выражении сопоставительно-выделительного отношения главной части иногда свойственна инверсия.

В той мере, в какой эти признаки позволяют выделить предложения, выражающие отношения сопоставления, из других сложноподчиненных предложений, мы можем говорить о становлении сопоставительного типа связи в хинди.

К сложноподчиненным предложениям, в которых проявляется временной тип связи, близки следующие предложения: *thorī der ke bād logō ne dekhā, to vah jhōprā kharā kar rahī thī* (Sud., Sud. sum., 37) 'Через некоторое время люди увидели, что она сооружает хижину' (или же: '...когда посмотрели, то она сооружала...'); *dhamākā sunkar Rāmeśvarī dauṛī, to mahrī kharī ro rahī thī, aur maṭkī cūr-cūr ho gaī thī* (Pr., M. 4, 105) '[Когда], услышав шум, Рамешвари прибежала, то [она увидела, что] служанка плакала, а горшок был вдребезги разбит'.

Употребление частицы *to* и формы прошедшего времени глагола в постпозитивной части первого из приведенных примеров не дает возможности усматривать здесь изъявительный тип связи. Частица *to* свидетельствует о том, что глагол *dekhnā* в этом примере употреблен не в значении «видеть», а скорее в значении «смотреть». Вероятно, в обоих этих примерах как бы подразумевается опущенное логическое звено: «то они увидели, что», «то она увидела, что».

* *
*

Исследованный материал позволяет сделать некоторые выводы.

1. Сложное предложение представляет собой единое синтаксическое целое, между частями которого существует

семантическая связь, отражающая отношения между различными сторонами и явлениями действительности. Следовательно, сложное предложение является специфическим средством выражения определенного круга таких отношений.

2. В случае подчинения одна часть сложного предложения относится к значению всего предложения лишь через свое непосредственное отношение к другой его части. При сочинении же все части сложного предложения находятся в равнозначном отношении к значению всего предложения.

3. Поскольку семантические отношения между частями сложноподчиненного предложения проявляются в ряде особенностей его строения, то под типом связи частей сложноподчиненного предложения следует понимать его конструктивную схему, обуславливающую обнаружение определенной смысловой связи между его частями.

4. К сложноподчиненным предложениям вполне применима классификация по типу связи их частей. Таким образом, классификация сложноподчиненных предложений на основании синтаксической функции так называемого придаточного предложения не является единственно возможной, максимально учитывающей специфику сложноподчиненного предложения как грамматического явления.

5. В современном литературном языке хинди существуют следующие основные типы связи частей сложноподчиненного предложения: а) изъяснительный тип, б) относительный и его разновидности—присоединительный тип, в) следственно-причинный, г) сравнительный, д) причинно-следственный, е) выражающий целевое отношение, ж) временной, з) условно-следственный, и) уступительно-следственный.

6. В некоторых случаях классификации сложноподчиненных предложений по типу связи их частей и по синтаксической функции так называемой придаточной части совпадают. Так, сложноподчиненные предложения, характеризующиеся типами связи, отмеченными выше в пунктах *д, е, ж, з, и*, соответствуют в общих чертах сложноподчиненным предложениям с придаточными предложениями причины, цели, временными, условными, уступительными.

7. Между различными типами связи частей сложноподчиненного предложения не существует резкой грани, так как отдельные признаки одного типа иногда оказываются присущими другим типам. По этому поводу уместно отметить следующее:

1) случаи использования соотносительных слов в главной части при следственно-причинном, сравнительном, причинно-следственном и выражающем целевое отношение

типах соединения частей сложноподчиненного предложения свидетельствуют о связи этих типов с изъяснительным, ибо для последнего характерно употребление в главной части соотносительных слов, конкретное содержание которых раскрывается придаточной частью. Поэтому мы можем говорить о наличии в современном литературном языке хинди изъяснительной разновидности отмеченных типов связи;

2) формирование различного рода специализированных союзов на базе относительных слов или на базе сочетания соотносительного слова, при котором стоит послелог, с союзом *kī* свидетельствует о взаимодействии относительного и изъяснительного типов связи с другими типами;

3) о близости одного типа связи другому может свидетельствовать также семантическая общность разновидности какого-либо типа с другим;

4) случаи опущения таких конструктивных элементов, формирующих сложноподчиненное предложение, как подчинительные союзы, затрудняют отграничение одного типа связи от другого, поскольку в большинстве случаев союз является наиболее ярким показателем проявления того или иного типа связи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Agr., Am.	— Vallabh Agravāl, Amāvas, Agravāl printing pres, Farrukhābād, [S. a.].
Ašk, B. p.	— Upendranāth Ašk, <i>Bāṅgan kā paudhā</i> , Nilābh-prakāśan-grh, Ilāhābād, 1951.
Ašk, K. sāh.	— Upendranāth Ašk, <i>Kāle sāhab</i> , Nilābh-prakāśan-grh, Ilāhābād, [S. a.].
Ašk, Pinj.	— Upendranāth Ašk, <i>Pinjrā</i> , Nilābh-prakāśan-grh, Prayāg, 1952.
Bait. pach.	— <i>The Baitāl Pachīsī or twenty-five tales of a Demon</i> , edited by E. B. Eastwick, Hertford, 1855.
Kauš., Kall.	— Viśvambharnāth Śarmā Kaušik, <i>Kallol</i> , Vinod pustak mandir, Āgrā, 1954.
K. C., Annad.	— Kṛṣṇacandra, <i>Annadātā</i> , Rājpal enḍ sanz, Dillī, 1954.
K. C., Gar.	— Kṛṣṇacandra, <i>Garjan kī ek śām</i> , Rājpal enḍ sanz, Dillī, [S. a.].
K. C., Ham vah.	— Kriṣan Candar, <i>Ham vahṣī hātī</i> , Hindustānī-pabliṣing hāus, Ilāhābād, 1952.
K. C., Kaš, kah.	— Kṛṣṇacandra, <i>Kašmīr kī kahāniyā</i> , Rājpal enḍ sanz, Dehli, [S. a.].
K. C., Tal.	— Kṛṣṇacandra, <i>Talāš</i> , Hind kitābs limited, Bambaī, 1950.
Lallu Lāl, Premśāgar	— Lallu Lāl ji, <i>Premśāgar</i> , prakāśak — paṇḍit Pṛthvināth Bhārgav, prātham sanskaraṇ, Banārās, [S. a.].

Mir Inšā, Kah. ket.	— Mir Inšā Allah Khān Inšā Dahlavī, <i>Kahānī rānī Ketkī aur kūvar Uday Bhān kī</i> , Anjuman-e-taraqqī-e-Urdū (Pākistān), Karācī, 1955.
Pr., Do bah.	— Premcand, <i>Do bahānē aur anyā kahāniyā</i> , Sarasvatī pres, Banāras, 1948.
Pr., Durg.	— Premcand, <i>Durgādās</i> , Hans prakāśan, Ilāhābād, 1953.
Pr., Jang. kah.	— Premcand, <i>Jangal kī kahāniyā</i> , Hindustānī publiśing hāus, Ilāhābād, [S. a.].
Pr., Kut. kah.	— Premcand, <i>Kutte kī kahānī</i> , Sarasvatī pres, Banāras, 1951.
Pr., M. 4	— Premcand, <i>Mānasarovar (bhāg 4)</i> , Hindustānī publiśing hāus, Ilāhābād, 1951.
Pr., Nirm.	— Premcand, <i>Nirmalā</i> , Sarasvatī pres, Banāras, 1953.
Pr., Pr. dv.	— Premcand, <i>Prem-dvādaśī</i> , Hans prakāśan, Ilāhābād, 1954.
Pr., Pr. pac.	— Premcand, <i>Prem-pacīsī</i> , Hindī pustak ejensī, Kāśī, samvat 1994.
Pr., P. ph.	— Premcand, <i>Pāc phūl</i> , Sarasvatī pres, Banāras, 1952.
Pr., S. sar.	— Premcand, <i>Saptasaroj</i> , Hindī pustak ejensī, Kalkattā, samvat 1983.
Pr., S. sum.	— Premcand, <i>Sapta-śuman</i> , Sarasvatī pres, Banāras, 1951.
Sud., Nag.	— Sudarśan, <i>Nagīne</i> , Vorā enḍ kampanī publiśarz limited, Bambāi, 1947.
Sud., P.	— Sudarśan, <i>Parivartan</i> , [Indīyan pres limited, Prayāg, 1937.
Sud., Sud. sum.	— Sudarśan, <i>Sudarśan-śuman</i> , Rājpal enḍ sanz, Dillī, [S. a.].
Sud., T.	— Sudarśan, <i>Tirtha-yātrā</i> , Indīyan pres limited, Prayāg, 1927.
V., Mṛgn.	— Vṛndāvanlāl Varmā, <i>Mṛgnayanī</i> , Mayūr-prakāśan, sātvī āvṛtti, Jhāsi, 1955.
Yaś., Abhiś.	— Yaśpāl, <i>Abhiśapta</i> , Viplav kāryālay, Lakhnaū, 1948.
Yaś., Pinj. ur.	— Yaśpāl, <i>Pinjre kī urān</i> , Viplav kāryālay, Lakhnaū, 1946.

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
17	2 св.	и считает	не считает
17	11 св.	<i>kinī</i>	<i>kitnī</i>
17	16 св.	относильных	относительных
17	17 сн.	<i>ch ūṭna</i>	<i>chūṭ na</i>
153	23 сн.	предположения	предложения
203	5 св.	<i>ghanṭe</i>	<i>ghanṭe tak</i>

Зак. 1012

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>В. П. Липеровский.</i> Сослагательное, условное и повелительное наклонение в современном литературном языке хинди	6
<i>В. А. Чернышев.</i> Простые отыменные глаголы современного хинди	47
<i>О. Д. Жмотова.</i> Именные признаки инфинитива в хинди и урду	60
<i>Т. Я. Елизаренкова.</i> Об асимметрии в системе каузативных глаголов в языке хинди	76
<i>В. А. Чернышев.</i> Определение в хинди	87
<i>О. Г. Ульциферов.</i> Сложносочиненное предложение в современном литературном хинди	113
<i>В. П. Липеровский.</i> Сложноподчиненное предложение в современном литературном языке хинди (Основные типы связи частей сложноподчиненного предложения)	171

Коллектив авторов
**ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ
ЯЗЫКА ХИНДИ**

*Утверждено к печати
Институтом народов Азии
Академии наук СССР*

Редакторы издательства Л. А. Гиндин и Е. А. Поцелуевский
Художник В. М. Новосёлова
Технический редактор Л. Ш. Береславская
Корректоры Е. Г. Григорьева и М. Э. Шафранская

Сдано в набор 11/X 1961 г.
Подписано к печати 15/V 1962 г.
А-05054. Формат 60×92¹/₁₆. Печ. л. 14,5
Усл. п. л. 14,5. Уч.-изд. л. 14,51
Тираж 1900 экз. Зак. 1392
Цена 1 руб.

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография Издательства восточной литературы
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

ЦЕНА 1 Р.

